НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК

1

2008

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научный эксперт

Ежемесячный научный электронный журнал

Мы представляем вашему вниманию электронный журнал, название которого полностью отражает его замысел.

Цели журнала:

- **Консолидировать научно-экспертное сообщество с тем, чтобы способствовать развитию государства и укреплению государственной власти.**
- **Сделать проводимые исследования доступными для обсуждения в широком научно-экспертном сообществе и пригодными для использования в реальной государственно-управленческой практике.**

Наш журнал ставит перед собой следующие задачи:

- **Преодолеть междисциплинарные барьеры, которые мешают научно-экспертному сообществу.**
- **Преодолеть барьеры между академическим и прикладным знанием.**
- **Стать соединяющим звеном между научным сообществом и властью.**
- **Создать качественную и интересную площадку для дискуссии и обмена мнениями.**

Журнал выходит ежемесячно (10 номеров в год) и предназначен для академических исследователей, экспертов, методологов, практиков и теоретиков фундаментальных учений. Но не в меньшей степени «Научный эксперт» адресован тем, кто может на практике реализовать уникальные проекты, которые нередко рождаются в научно-экспертном сообществе и часто долгие годы хранятся в столе. Это государственные управленцы, депутаты и их помощники, представители парламентов, ведомств и министерств, а также публичные политики.

Мы приглашаем не только читателей, но и авторов. С правилами публикаций можно ознакомиться в соответствующем разделе. Также мы рады услышать ваши отзывы и предложения о том, как сделать журнал лучше.

ВЫПУСК
1
2008

Редакционная коллегия

- Степан Степанович Сулакшин
- Анатолий Николаевич Чирва
- Вардан Эрнестович Багдасарян
- Александр Иванович Соловьев
- Анатолий Васильевич Дмитриев
- Борис Николаевич Порфирьев
- Максим Владимирович Вилисов
- Алексей Николаевич Тимченко
- Надежда Константиновна Пак
- ГалинаИвановна Игнатенко
  выпускающий редактор

Адрес редакции: 107078, Москва, Каланчевская ул., 15, подъезд 1, этаж 5.

Телефон/факс: (495) 981-5703, 981-5704, 981-5709.

E-mail: domidei@rusrand.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая политика

Сильвестров С.Н..
ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ……5

Региональная политика

Малчинов А.С.
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ……39

Транспортная политика

Ярутич А.Ю.
СОГЛАСОВАННОЕ И ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ……48

Проблемы глобализации

Асонов Н.В.
РОССИЯ И ЗАПАД. ЧТО НАМ ЖДАТЬ ОТ XXI ВЕКА……58

Истоки российской культуры

Орлов И.Б.
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ……64

Специальная рубрика

Егоренков Н.И.
СТРАТЕГИЯ ВЫБОРА ПУТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ……88

Публицистика

Перегудов С.П.
ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО……103

Новые книги……106

Индикативное планирование в стратегии развития

Сильвестров С.Н., доктор экономических наук,
заместитель директора Института экономики РАН

Истоки и смысл

Либерализации экономики серьезно подрывает основы государственного регулирования. Традиционно в условиях рыночной экономики государство осуществляло разной интенсивности воздействие на социальные и экономические процессы, используя такие формы своей деятельности, как:

- Прогнозное предвидение, разработка стратегий и планов развития.
- Законотворческий процесс, правоприменительная практика и ее мониторинг.
- Финансовая система и финансовые регуляторы.

Экономическая глобализация, как процесс либерализации экономики, наряду с гармонизацией и унификацией законов и принципов организации и регулирования мирового хозяйства является серьезным вызовом для правового и экономического суверенитета государства. При таких обстоятельствах отсутствие налаженной системы индикативного стратегического планирования резко снижает конкурентоспособность и устойчивость национальных бизнес-структур. Транснациональные воспроизводственные ядра вовлекают их в свои международные сетевые системы, используя универсальные финансово-экономические регуляторы и нормы международного экономического права. Экономическая жизнь активно выходит за пределы отдельных государств. Хозяйственное пространство, в регулировании которого заинтересовано каждое государство, перестало совпадать с той территорией, на которую распространяется его юрисдикция.

Глобализация диктует модернизацию моделей социальной организации, к которым относятся прежде всего национальные государства.

Национальные власти шаг за шагом теряют возможность эффективно использовать такие традиционные рычаги макроэкономического регулирования, как импортные барьеры и экспортные субсидии, курс национальной валюты или ставка рефинансирования центрального банка.

В новых условиях, когда экономические процессы далеко перешагнули пределы отдельных стран, а в некоторых случаях (например в финансовой сфере) приобрели внестрановой, глобальный характер, принципиально меняется содержание внешней политики государств. На уровне государства столетиями традиционно принимались наиболее значимые политические решения. Оно же обеспечивало условия национальной военно-политической и экономической безопасности и поддерживало баланс между

экономически эффективным и социально справедливым (согласно господствующим представлениям) развитием общества.

Глобализация нарушает этот баланс. Возникает несоответствие полномочий у традиционных государственных институтов принятия решений и международных институтов или надгосударственных органов, в руки которых быстро переходит контроль над основными ресурсами и экономическими процессами. Нарастает объем полномочий, делегируемых от государства наднациональным органам и универсальным глобальным организациям. Первыми сворачиваются функции проведения самостоятельной денежно-кредитной, экспортно-импортной и валютной политики.

Потеря контроля над территорией и переход связанных с этим функций от национально-государственной бюрократии к надгосударственной и стоящим за ними элитам принципиально изменяет всю систему организации гражданского общества. Государственный аппарат теряет частично контроль над разработкой правил и норм общественной жизни, доминировать начинают международные правовые нормы.

Возникает новая глобальная элита (собственники крупных капиталов, высший менеджмент, многоязычная меритократия, политики, обслуживающие их деятели культуры и создатели массмедийных мифов), но одновременно формируются локальные сегрегации, в которых должна происходить фиксация жизнедеятельности большинства мирового населения. Глобализация сопровождается глокализацией.

Власть радикально отделяется от ответственности. Глобальные элиты освобождаются от долга по поддержанию и воспроизводству нормальных повседневных условий жизнедеятельности местных сообществ. Они теснее связаны особой субкультурой между собой, чем с традициями и культурой населения той территории, откуда происходят. Они все менее нуждаются в подтверждении собственной национальной идентичности. Границы для них утрачивают прежнее значение.

В результате пересматриваются перспективы и масштабы политического и экономического суверенитета на уровне государства и местных самоуправляющихся общностей. Традиционное государство оказывается как бы зажатым между разрастанием наднациональных интеграционных и транснациональных органов и расширением прав местных властей, постепенно его принуждают к сворачиванию в первую очередь экономических функций.

Так, мировая экономика преобразуется в глобальную самовоспроизводящуюся систему, в которой основные планомерные, и целенаправленные стратегические действия, определяющие воспроизводство, принимаются на международном уровне в группе наиболее развитых государств или в центрах транснациональных воспроизводственных ядер.

Поддерживается и укрепляется мнение, что решения, определяющие главные тенденции экономического развития должны приниматься на уровне наднациональных органов и транснациональных организаций. Это опасный путь, на котором миссия государства определять и планировать будущее определенного сообщества и национальной экономики постепенно может перейти к международным организациям или анонимным интеллектуальным центрам.

Преобразующие силы являются трудно распознаваемыми. Они не представляют какой-либо целостной системы или порядка. Скорее, они еще являются конгломератом систем. Государства в этой системе превращаются в уполномоченных исполнителей их воли и интересов, контролирующих и стабилизирующих социальную ситуацию на своей территории.

Таким образом, обстоятельства глобального развития исподволь, как бы объективно подводят к тому, что слабое, ограниченно суверенное, экономически не вполне самостоятельное государство - это именно то, что нужно для укрепления нового мирового порядка. Есть очевидная связь между глобализацией и отрицанием территориального принципа организации государства. Глобальные финансы, торговля и информационная индустрия заинтересованы в закреплении политической фрагментации и ослаблении традиционной государственности.

Обратная сторона этих последствий глобализации таит в себе опасность закрепления технологического и интеллектуального отставания большей части мира от развитых стран, формирования нового расслоения мировых рынков. Происходит не просто перераспределение власти. Проблематичным становится для национального государства, особенно отставшего в модернизации, его общественно-политических институтов и политиков, определять стратегические приоритеты развития, формировать общественные интересы вокруг общих благ, аккумулировать и направлять ресурсы на их реализацию.

Такое соотношение процессов глобализации, социальной и этнокультурной идентификации с государственным суверенитетом пока больше напоминает “мировой беспорядок”. В последние годы стало ясно, что существуют разные проекты его упорядочивания в политической, финансовой и торговой сферах. Но отсутствие у национальных государств собственных долгосрочных стратегий развития и планов по их воплощению создает реальную угрозу нарастания внутреннего хаоса и обретения статуса несостоявшегося государства.

Вместе с тем, мир развивается не так хаотично и не столь прямолинейно, как это может показаться из анализа процессов экономической глобализации. Во-первых, национальные государства не повсеместно столь устарели, как это пытаются представить транснациональные центры. Там, где они традиционно сильны и ресурсно обеспечены, они могут принимать на себя решения комплекса основных проблем экономического развития. Во-вторых, усиливается межгосударственное согласование стандартов, процедур и инструментов в целях контроля международного политического и экономического общения; в-третьих, формируются новые комбинации интересов, которые направлены на сохранение многополюсности мирового хозяйства.

Глобализация четко прорисовывает вызовы обществу и государственности для государств с «нарождающимися рынками», продолжающих переживать трудный и длительный период внутренней трансформации.

Не в первый раз ход истории и для России обернулся необходимостью решать комплекс сверхзадач, направленных на утверждение нового геополитического и геоэкономического статуса в быстро меняющемся мире. Главное при этом - сохранить

целостность, интегрированность общества, не утерять государственную идентичность. По существу, реалистические действия по пути преодоления кризиса идентичности, охватившего многие общества и государства, формируют стратегии развития, планы и программы их действий.

Темпы роста мировой торговли, увеличение объемов прямых инвестиций, возрастание количества и масштабов операций с валютами и ценными бумагами опережают темпы роста мирового валового внутреннего продукта. Внешние факторы заняли равноправное положение в формировании дохода и богатства наций, а умение получать доступ к их активному распределению и использованию становится решающим условием защиты их интересов и закрепления стратегических конкурентных преимуществ.

Наиболее острая конкуренция из области сравнительных преимуществ и соперничества за распределение природной ренты сместилась в область использования конкурентных преимуществ и получения технологической и интеллектуальной ренты, где, наряду с высокой инновационной способностью, обладанием новыми знаниями, в выигрыше оказывается тот, кто способен быстро и гибко переналаживать системы организации и управления международным бизнесом. Дополнительные преимущества получают те компании, которые опираются на высокую конкурентоспособность страны происхождения с сильной экономической политикой и имеют возможность на общих условиях тесно взаимодействовать с региональными и глобальными экономическими организациями.

Какова же в новых стратегиях развития роль индикативного планирования, история которого насчитывает более восьмидесяти лет?

Индикативное планирование представляет собой рекомендательную форму государственных программ для частного сектора хозяйства. Оно реализуется через рекомендации, законодательные положения, а также финансовое и другое стимулирование предприятий частного сектора с целью привлечь их к участию в реализации стратегии развития.

Директивность же, в отличие от индикативности, реализуется в форме прямого управления объектом собственности. Собственно, потребность в «индикативности» возникает непосредственно уже за пределами внутрифирменной «директивности» прежде всего на макроэкономическом уровне и реализуется в деятельности государства

Ориентация частного собственника во внешней рыночной среде предполагает наличие высокой степени неопределенности, что объективно востребует индикативные указания со стороны государства. В еще большей мере потребность в индикативных рекомендациях возникает при разработке и реализации региональных и общенациональных программ развития, а также стратегически важных и крупных инфраструктурных и международных проектов государственно-частного партнерства.

И только рейтингами, налоговыми льготами или бюджетными гарантиями привлекательность этих важных для экономики проектов для частного партнера-инвестора не создать. Нужны ясно определенные и равноправные условия участия в инвестициях, управлении, распределении результатов и вновь созданной собственности. Наряду с этим

государство должно обеспечивать прозрачность информации об ожидаемых результатах, горизонте сотрудничества и масштабах привлекаемых ресурсов.

Российская экономическая модель не содержит перечисленных условий, не нацеливает через систему экономических ориентиров на инвестиционное и инновационное развитие, обеспечивающее конкурентоспособность национальной экономики. Велико желание, чтобы она заработала в этом направлении, но недостаточно усилий. Реформирование всех инфраструктурных структур идет автономно, без взаимной увязки, без планирования согласованных реформаторских действий, при пассивном участии государственных регуляторов. В работе последних по-прежнему доминирует лишь решение фискальных задач и обеспечение финансовой стабильности на основе внедряемого с 2006 года трехлетнего финансового плана. Тем самым не используется важнейший инструмент снижения уровня кризисогенности российской предпринимательской среды, сохраняются высокие экономические и суверенные экономической риски.

Расчет, что конкурентная среда все сама отрегулирует, может означать, что как раз стабильности и надежности некоторые инфраструктурные отрасли, несомненно, лишатся раньше. Возьмем, к примеру, энергетику и теплоснабжение. Капиталоемкий и рискованный для инвесторов рынок электроэнергии, теоретически может хорошо функционировать, если существует избыток генерирующих мощностей, обеспеченных топливом, по сравнению с максимумом электрической нагрузки. Если это условие не выполняется, то рыночных сил может оказаться недостаточно для покрытия электрического графика нагрузки.

Практически во всех странах с развитой экономикой государственные органы партнерствуют с энергетическими компаниями при регулировании отношений собственности; реализации прав собственности, когда государство является землевладельцем, оператором налоговой и денежно-кредитной политики, служащих инструментами развития компаний и в направлениях, предусмотренных национальными программами.

Государственные органы оказывают влияние через реализацию национальных программ развития энергетики и топливной базы и инвестиций, через составление и регулирование топливно-энергетического баланса, баланса предложения-потребления энергии в разбивке по регионам, через поддержку программ энергосбережения и развития нетрадиционной энергетики

Опыт многих стран показывает, что с 1980-х гг. в инфраструктурных отраслях, затрагивающих общенациональные интересы, существенно возросла роль совместного государственного и частного партнерства при реализации крупных проектов. Это довольно сложный комплекс договорных взаимоотношений между внутренними и внешними инвесторами, заемщиками, заказчиками, поставщиками, регулирующими органами власти различного уровня. Ответственность, полномочия, границы деятельности между множеством участников жестко регламентируются быстро развивающимся законодательством.

ГЧП обладает особенностями, которые связаны с участием в проекте государства, определяющего рамочные условия партнерства. К ним, например в ЕС, относятся: специфические требования бюджетного учета; необходимость особого «бюджетного» мышления (в дополнение к «бухгалтерскому»); различный правовой статус партнеров;

детальное регулирование задолженности государственного сектора; ограниченная готовность государства принимать решения по проекту; формальные требования к процедуре принятия решений; различные правила и нормы в области государственных заказов и закупок для проекта.

Развитие общества и экономики с высокой степенью открытости, особенно в глобализирующемся мире, невозможно без согласования основополагающих «индикаторов» устойчивого и безопасного развития, без ориентации на их пороговые значения.

В конечном счете, индикативное планирование отвечает за общенациональный «проект развития», в котором согласованность интересов различных собственников достигает уровня определенного, допустимого «экономического консенсуса».

Индикативное планирование - явление сложное. Оно имеет много составляющих: от правовых норм, регламентов, организационных структур, кадрового и информационного обеспечения до разработки методов, технологий, моделей и т.п. Государству важно располагать собственными институтами и процедурами реализации индикативных планов и программ в интересах мониторинга результатов и оценки эффективности использования ресурсов, а в случае необходимости - их корректировки.

Зачатки индикативного планирования возникли в воюющей Европе в начале прошлого века. Однако как форма государственного регулирования индикативное планирование по существу начинает складываться в Советской России в 20-е гг. на основе соединения новой экономической политики, ориентированной на «генетический подход» в развитии аграрного сектора, и плана ГОЭЛРО - технического переоснащения промышленности и транспорта страны. Стремление к форсированной индустриализации впоследствии упразднило «генетический подход», разработанный Н. Кондратьевым и учитывающий многообразие условий функционирования мелкотоварного хозяйства и циклы мировой конъюнктуры. Преобладающим, а затем и доминирующим стал программно-целевой подход, получивший название «директивного». Этот подход приобрел форму закона, обязательного к исполнению.

После Второй мировой войны в западных странах для выхода из послевоенного кризиса были применены идеи, опробованные в 20-х гг. в Советской России и модернизированные последователями Кейнса, Гэлбрейта и др. для восстановления и подъема европейской экономики. Значительную роль сыграла и коммунистическая фракция Парламента Франции в разработке первого пятилетнего плана своей страны. Идеи индикативного планирования получили широкое распространение в западных обществах в первое послевоенное десятилетие. Индикативное планирование востребовано в большинстве стран по сей день как в теоретическом, так и в практическом отношениях. За многие годы разработан сложнейший инструментарий обоснования планов и программ развития, создана необходимая статистическая база, активно формируются юридические основы для планирования в масштабах Европейского Союза.

В российской экономике собственное богатое теоретическое и практическое наследие остается невостребованным на протяжении десятилетий. Вместе с тем переход неустойчивой российской модели экспортно-сырьевого развития к инновационной,

гарантирующей международную конкурентоспособность и рост благосостояния, представляется маловероятным без институтов развития, к ряду которых в полной мере относится индикативное планирование.

Российский опыт индикативного планирования в 20-х гг. XX столетия

Централизованной плановой системе предшествовал достаточно сложный период становления *рекомендательного планирования* в условиях функционирования многоукладного хозяйства.

В 20-х годах прошлого столетия в условиях общенационального кризиса и поиска путей выхода из него резко возрос интерес к исследованиям будущего. В этот период произошло формирование двух планово-прогностических школ. Они ориентировались на генетический и телеологический подход - но по существу, на целевой подход, на ускоренное построение социалистического общества в России. Телеологический подход нашел отражение в работах Н.И. Бухарина, Г.М. Кржижановского, С.Г. Струмилина, в плане ГОЭЛРО и сценариях первого пятилетнего плана, разработанных Госпланом. Другая школа основалась на генетическом подходе, методологии цикличной динамики и нашла наиболее полное отражение в трудах Н.Д. Кондратьева по методологии предвидения и анализа больших циклов, динамики конъюнктуры, а также в разработанном им варианте пятилетнего сельскохозяйственного плана. В рамках методологии генетического *анализа* работал и известный русский исследователь А.Л. Чижевский. В 30-е годы верх взяла школа «целевого» перспективного директивного планирования.

История планового регулирования в РСФСР дает богатый материал для понимания логики индикативного планирования, его принципов и методов, соответствующих различным социальным условиям и этапам развития экономики. *В отличие от всех иных форм регулирования экономического развития планомерность развития* означает сознательно поддерживаемую пропорциональность всех элементов хозяйства в интересах достижения определенных целей.

Понадобилось всего лишь десятилетие, чтобы в послереволюционный период экономическое планирование в стране обрело теоретическую базу, превратилось из «частичного» во всеобъемлющее планирование с соответствующей методологической основой.

Первоначально в послереволюционный период большое внимание уделялось разработке и осуществлению текущих программ отдельных отраслей или секторов, носящих ныне на Западе название «частичных планов». Так, в первом полугодии 1918 г. были разработаны планы по добыче угля и выплавке стали, производству сельскохозяйственных машин, заготовке хлеба, капитальному строительству по отдельным отраслям. В том же году началась разработка планов развития хозяйства в главных промышленных центрах страны (плана подъема и развития металлопромышленности Петрограда, плана развития металлургии на Востоке). Во второй половине 1918 г. по планам, утвержденным правительственными органами, работала основная часть крупных

предприятий. Эти первые попытки частичного планирования прервала гражданская война. В условиях гражданской войны производственные программы составлялись в форме суммирования производственных возможностей и увязки важнейших расходов государства с имеющимися ресурсами.

Условия хозяйственной катастрофы после гражданской войны диктовали необходимость скорейшего решения текущих проблем, связанных с разрухой, голодом, болезнями, безработицей. Однако уже в это время стало ясно, что без развития единой системы планового руководства, ориентированной на решение перспективных задач, дальнейшее развитие невозможно.

Первым опытом составления единого плана, охватывающего все важнейшие сферы развития общественного производства, стал план ГОЭЛРО. В процессе составления этого плана были заложены основы определенной организационной системы планирования, накоплен опыт плановой работы в национальном масштабе.

Первая долгосрочная программа явилась ориентиром для текущего планирования. Задачи текущего краткосрочного планирования оценивались прежде всего с точки зрения общих целей развития, поставленных в долгосрочном плане. При этом по мере накопления опыта выяснилось, что управление развитием на основе плана задача не простая: хозяйственные и плановые органы не могут быть формально объединены, не может быть простого арифметического суммирования планов трестов и отдельных предприятий. Между тем соблазн пойти по такому простому пути построения плана, как суммирования планов предприятий, был. Уже в 1924 г. плановые органы вместе с предприятиями и трестами составляли предварительные наметки плана с учетом емкости рынка и других хозяйственных условий. Следует отметить, что в это время для оценки емкости рынка использовались таблицы вида «затраты-выпуск». В этих целях были построены таблицы межотраслевых связей промышленности на 1926-1928 гг.[1] Контрольные цифры каждой отрасли согласовывались с показателями смежных отраслей, и на этой основе составлялись контрольные цифры развития народного хозяйства.

При разработке первого пятилетнего плана созданы основы методологии народнохозяйственного планирования, не утратившие своего значения и сейчас. Большое развитие получил балансовый метод. Материальные балансы были разработаны примерно по 50 основным видам промышленной продукции, а также по важнейшим видам сельскохозяйственного сырья. Эти балансы охватывали основные материально-вещественные пропорции. Впервые по широкой программе рассчитаны основные стоимостные балансы.

Следует отметить, что все основные балансовые расчеты к первому пятилетнему плану разрабатывались также в социальном разрезе (государственный, кооперативный и частный секторы).

---

[1] *См. Баренгольц М. Емкость промышленного рынка в СССР // Плановое хозяйство, 1928. № 7. Это был первый опыт в мировой практике.*

История трансформации частичного планирования через развитие индикативного планирования во всеобъемлющее и директивное планирование на деле не была легкой. Трансформация проходила в условиях острой политической и экономической борьбы.

Позиция Председателя ВСНХ А.Н. Рыкова, возглавлявшего правительство до 1930 г в этот период, сводилась к тому, что конкурентов (капиталистический сектор экономики) нужно побеждать не государственной властью, а лучшей работой. Рыков неоднократно и весьма решительно выступал за конкуренцию с частным капиталом путем организации рынка, производства более качественных и дешевых товаров[2]. Именно через конкуренцию (хотя и при экономической поддержке государства, хозяйственных льготах) растущие государственный и кооперативный уклады должны были занять решающее место на рынке. Рыков отмечал нецелесообразность и утопичность юридических запретов, налагаемых на частное хозяйство. Они рождали, по его мнению, лишь скрытые формы эксплуатации.

Свою позицию относительно НЭПа А.И. Рыков сформулировал в заключительном слове на VI съезде профсоюзов СССР в ноябре 1924 г.: «Когда мы вводили новую экономическую политику, мы вводили ее в расчете на то, что рынок произведет отбор лучших наших предприятий, при этом неизбежно, что кое-кто вылетит в трубу, а у многих наших работников такое сознание, что данное предприятие обязательно спасут, до банкротства не допустят. Мы страдаем не от большого количества конкуренции, а от недостатка конкуренции в нашей государственной промышленности».

С введением НЭПа изменились экономические условия, но требовалось также значительное изменение системы государственного плана. Здесь выявились две тенденции. Одна заключалась в экстенсивном расширении плана. В частности, необходимо было охватить территориальный разрез народного хозяйства. Весной 1922 г. было принято положение об областных плановых комиссиях. Без плановой работы на местах государственный план повисал «в воздухе».

Другая тенденция развития планирования состояла в качественном преобразовании, изменении не только структуры, но и самой формы плана. Здесь взгляды А.И. Рыкова во многом совпадали с позицией В.А. Базарова, Н.Д. Кондратьева, В.Г. Громана, считавших НЭП необходимой предпосылкой плана, построенного не на директивных заданиях, а на мерах косвенного регулирования конъюнктуры рынка.

В 1923 г. на XII съезде РКП(б) с учетом развития рынка было изменено положение о Госплане, подчеркнута ведущая роль Госплана в общехозяйственных вопросах, но вместе с тем он не должен был заменять рынок администрированием.

Зарубежная практика индикативного планирования

В Европе начало плановой деятельности было положено Францией, где к экономическому программированию приступили в 1946-1947 гг. Тогда же был образован Генеральный комиссариат планирования и принят план модернизации оборудования - план

[2] *Рыков А.И. Статьи и речи. Т. 1. - М.-Л., 1929. С. 118. 'Рыков А.И. Статьи и речи. Т. 3. - М.-Л., 1929. С. 315*

Моннэ. После этого с разной степенью фактической реализации действовали программы на 1954-1957, 1958-1961 и 1962-1965 гг. и другие, в которых внимание уделялось структурным сдвигам в экономике.

В Голландии, после образования в 1945 г. Центрального планового бюро и опубликования в 1947 г. Акта о центральном экономическом плане, составляются ежегодные экономические программы, с которыми координируются годовые государственные бюджеты, а также среднесрочные экспериментальные прогнозы на пять лет.

В Швеции рядом учреждений: Советом стабилизации, национальным бюро бюджетов, Национальным бюро рынка труда, начиная с 1948 г., осуществляется «центральное демократическое планирование», состоящее главным образом в разработке ежегодных прогнозов в виде национальных экономических бюджетов и в проведении специальной политики инвестиционных резервов для экономической стабилизации.

В Норвегии, начиная с 1946 г., специальной секцией Министерства финансов, а с 1952 г. Экономическим департаментом составляются экономические планы, являющиеся программами целевого, в том числе инвестиционного регулирования, использующими инструменты бюджетной, денежной и кредитной политики и политики цен. В 1963 г. был создан новый орган для долгосрочного программирования - Плановый департамент.

В Англии экономическое программирование началось позже, чем во Франции и Голландии, и до последнего времени находилось на более низком методологическом уровне. Созданный для программирования экономики Национальный совет экономического развития опубликовал при консервативном правительстве первый среднесрочный перспективный план на 1961-1966 гг., при лейбористском правительстве - второй план. Созданы подобные органы программирования и были намечены экономические программы, например, в Бельгии (на 1962-1965 гг.), последующая программа Ванони (на 1955-1964 гг.) и новая национальная программа (на 1965-1968 гг.).

В ФРГ, где в экономической политике вначале господствовала общая концепция неолиберализма, преобладают методы косвенного рыночного регулирования. В то же время различными исследовательскими учреждениями регулярно разрабатываются так называемые национальные экономические бюджеты, а в последнее время - и эконометрические модели для экономического регулирования и прогнозов. В 1963 г. в ФРГ был образован Совет экономических экспертов, опубликовавший в 1965 г. доклады «Стабильные деньги - постоянный рост» и «Стабилизация без стагнации», которые, однако, не выходили за рамки аналитического обзора состояния и некоторых тенденций развития экономики ФРГ. Таким же характером отличается и «Зеленый план», посвященный проблемам развития сельского хозяйства ФРГ.

Начало 60-х годов ознаменовалось, казалось бы, полной победой европейских сторонников программ развития. Правительства западных стран одно за другим создавали плановые органы (бюро, советы, комиссии) и приступали к разработке национальных программ экономического развития.

Федеративная Республика Германии под влиянием вошедших в правительство социал-демократов и в первую очередь их экономического идеолога тех времен К.

Шиллера, ставшего министром хозяйства в правительстве «большой коалиции», сделала первые, весьма осторожные шаги на пути перехода к общеэкономическому программированию. «Центральным в дискуссии о планировании является не вопрос о том, планировать или нет, а о том, в какой форме это следует делать», - признает английский теоретик роста и программирования У.А. Льюис. Его поддерживает западногерманский экономист Э. Шнейдер: «Экономическая политика также немыслима без планирования, как хозяйственная деятельность вообще. Каждый, кто принимает решения в сфере экономики, должен планировать. По этому пункту не может существовать двух мнений. Единственно, что важно и может быть предметом обсуждения, является вопрос о форме государственного планирования в преимущественно рыночном хозяйстве».

Какие же причины по мнению западных экономистов совершили «революцию в идеях» и способствовали «коренному изменению стиля экономической политики»? Что заставило правительства приступить к составлению программ развития национальной экономики и содействовать их выполнению, а частных предпринимателей, столь непоколебимо стоявших на страже свободы собственных действий, отказаться от взглядов на программирование как на врага свободной инициативы и пойти на допущение «плановых элементов»?

Наиболее общей причиной перехода к политике «активного конструирования будущего развития» считают неспособность механизма цен обеспечить непрерывное и стабильное функционирование рыночной системы. Поэтому план должен выступить, по определению французского экономиста Ф. Перру, в качестве «помощника» рынка. Наряду с этим общим аргументом в пользу «допущения планирования в рыночное хозяйство» называют и более конкретные и специфические факторы становления и распространения программирования. Так, швейцарский профессор политэкономии Э. Тухтфельдт, пытаясь подвести итоги многолетней дискуссии «за и против планирования», приводил следующие три аргумента в пользу перехода к «долгосрочной ориентации экономической политики»: потребность в координации действий правительственных органов на всех уровнях; необходимость согласования во времени мероприятий антициклической политики на базе концепции длительного роста; облегчение при помощи «ориентирующего плана» процессов структурного приспособления.

Дж. Мид считает, что индикативный план выполняет функции согласования не столь совершенно, как система рынков срочных сделок, но тем не менее он «позволяет лучше скоординировать все индивидуальные ожидания и хозяйственные планы, чем это был бы в состоянии сделать только рынок»[3].

Наиболее уязвимым местом теории индикативного планирования (и это понимают ее авторы) является проблема активного участия «носителей решений» (т. е. крупных монополистических компаний, мелких и средних фирм, ремесленников, различных слоев потребителей и т. д.) в процессе координации. Решить эту проблему предполагается весьма наивным методом - путем разъяснения. Стоит каждому

[3] *Meade J.E. The Growing Economy. - London, 1968. P. 470.*

индивиду осознать, что народное хозяйство представляет собой единую систему взаимозависимостей, в которой все рынки и все цены прямо или косвенно связаны между собой, как станет понятным преимущество взаимной координации, «гармонизации» хозяйственных планов, осуществляемой из единого центра, а также и то, что несогласованные индивидуальные планы ведут к невосполнимым убыткам, в большой степени устранимым при помощи централизованной плановой координации. Эта вера в «убеждающую силу плана» является центральной идеей индикативного планирования. На протяжении многих лет теоретики западного «планирования» считают необходимым подчеркивать, что предлагаемый ими план является не только «индикативным», но и «активным». Тем самым дается понять, что государство намерено не только разъяснять преимущества централизованной плановой координации, но и предпринимать активные шаги в области экономической политики (через систему налоговых и прочих преференций), чтобы действительно убедить частного предпринимателя и потребителя в преимуществах поведения, соответствующего плану.

В связи с этим Дж. Мид говорил о двойственности индикативного плана (наряду с собственно индикативным информирующим планом существует «государственный контролирующий» план), т. е. отдавал себе отчет в том, что, вступая на путь «планирования», государство берет на себя не только и не столько функции координации индивидуальных планов, но начинает осуществлять и собственные экономические цели, устанавливая темпы роста валового национального продукта, капиталовложений, экспорта и импорта, цен и других ключевых показателей и побуждая «носителей решений» действовать в соответствии с целями государства.

В каких же организационных формах должен, по мнению специалистов, протекать процесс координации индивидуальных планов и составления общенационального индикативного плана? Эту координацию следует осуществлять методом «последовательного приближения» или «итеративного дуэта», по выражению Мида. «Дуэт» государственных «плановых» органов и хозяйствующих субъектов представляет своего рода игру в вопросы и ответы, которая проходит в несколько кругов, имея конечной целью взаимное сближение интересов и достижение всеобщего равновесия.

В первом круге координации правительство предлагает свои условия игры - уровень цен, темпы роста, политические и правовые рамки. Ознакомившись с этими условиями, частные «носители решений» сообщают центральным органам сведения о своих индивидуальных планах. Если при сравнении агрегированных величин предложения и спроса выявляется несоответствие, то имеет место новый круг координации и так до тех пор, пока согласование планов всех участников не обеспечит равновесие совокупного спроса и предложения.

В теории картина разработки индикативного плана выглядит почти идиллической, практика же западного программирования не раз демонстрировала полный провал попыток согласования разнородных интересов и реализации «общенациональных целей».

Несмотря на то, что в европейских странах накоплен достаточно обширный опыт составления программ, разработан довольно совершенный эконометрический инструментарий, написаны десятки томов и сотни журнальных статей по теоретическим проблемам индикативного программирования, до сих пор не удалось создать единую теорию государственного программирования.

Приведенное выше объяснение необходимости «плановой координации индивидуальных решений», ее преимуществ и методов осуществления выдержано в духе неоклассических представлений о всеобщем равновесии и экономическом оптимуме, воспринятых идеологами французского программирования, но разделяемых далеко не всеми экономистами.

Демонстрируя почти полное единодушие в признании необходимости дополнения механизма рыночного регулирования рычагами государственного управления и подчеркивая при этом необязательный характер правительственных программ для частного сектора, западные экономисты расходятся уже в определении понятия «планирования». Обычно, когда речь идет о «планировании» в условиях капиталистической экономики, принято употреблять термин «индикативное планирование». Однако под общим названием скрывается множество дифференцированных толкований этого нового явления в теории и практике государственно-монополистического вмешательства в экономический процесс. Так, по определению одного из основоположников индикативного планирования, Я. Тинбергена, «наиболее характерными чертами планирования являются следующие три: план направлен в будущее, т. е. требует его предсказания; он основан на определенных целях, которые должны быть точно установлены для осуществления планового процесса; он предполагает координацию средств экономической политики, используемых для достижения целей»[4]. Несмотря на всю расплывчатость и неконкретность этой дефиниции, здесь, по крайней мере, называются составные элементы «централизованного планирования» — прогноз, постановка целей, координация необходимых государственных мероприятий.

В соответствии с характеристикой П. Массе, индикативный план, выражая «коллективную волю», является одновременно основой и центральным инструментом стратегии будущего развития, поскольку он, с одной стороны, должен служить ориентиром для всех «принимающих решения, а с другой - обеспечивать координацию их действий»[5]. Это определение индикативного плана полностью выдержано в духе французской концепции «economie concertee», предполагающей тесное сотрудничество профсоюзов, предпринимателей и государства в разработке и реализации плановых заданий и рассматривающей план как квинтэссенцию «коллективного разума» нации.

---

[4] *Tinbergen J. Central Planning. - New Haven and London, 1964. P. 8. Masse P. Le Plan ou 1'Anti-hasard. - Paris, 1965. P. 9.*

[5] *«The Journal of Industrial Eco - Masse P. French Methods of Planning, «Economics». November 1962. P. 8. 72*

Предвидение и планирование в переходных экономиках

Несколько упрощая реальную действительность последней четверти прошлого века, можно сказать, что конфликт между ценностями политического рационализма и эффективной экономики во многом объясняет, почему десятки лет не удавалось и не удается преодолеть основные слабости экономического развития: низкие производительность и качество труда, затратное развитие, отсутствие инновационной инициативы и т.п.

В ходе череды реформ переход от политической к экономической рациональности выявил различия в интересах разных социальных групп. Наиболее отчетливо они проявились в сфере распределения, особенно при усилении дифференциации доходов, даже обоснованных трудом. С одной стороны, практиками и экспертами высказываются сомнения в возможности согласовать объективные условия повышения экономической эффективности и качества общественного производства (предприимчивость, состязательность, риск, новаторство, гибкость и т. п.) с политическими нормами и этико-моральными ценностями общества. С другой стороны, наемные работники требуют найти и использовать механизмы сочетания экономической рациональности[2] с этико-моральными ценностями (социальной справедливостью, равенством, защищенностью, взаимопомощью и т. п.), оказывающими влияние как на экономику, так и на политику.

Труднопреодолимая противоречивость реформ административной системы хозяйствования заключалась в потребности опереться на вполне определенные общественные силы. Но дело в том, что одни и те же социальные группы заинтересованы в достижении внутренне конфликтных целей, таких как постоянное повышение конкурентоспособности, выход на более высокий уровень благосостояния и сохранение длительных социальных гарантий.

Давление экономического принуждения на экономических агентов и связанное с этим повышение производительности и оплаты труда, уменьшение государственной регламентации цен и переход к рыночным ценам, усиление состязательности, сокращение субсидий из госбюджета низкорентабельным предприятиям неизбежно привело к реорганизации или ликвидации целых производств, а следовательно, к изменению методов обеспечения социальных гарантий. На первый взгляд возникла дилемма: либо система хозяйствования, основанная на политической рациональности, руководствующаяся общесоциальными ценностями и нормами, либо система, основанная полностью на экономическом принуждении, действии рыночного механизма. Проблема же в действительности свелась к тому, какой должна быть система регулирования развития, сочетающая гарантии социальной защищенности трудящихся с экономическим рационализмом.

Проведение радикальных реформ, переводящих экономику с политической рациональности на экономическую, вытеснило принуждение центрального плана, заменив принуждением экономическим, связанным с расширением рыночного воздействия на все хозяйствующие субъекты. В экономической системе началась естественная перестройка структуры отношений между всеми ее элементами, по-

новому раскладываются права и позиции разных институтов, способы и методы реализации политической и экономической рациональности.

Опыт стран с переходной экономикой позволяет обрисовать с достаточной ясностью контуры, по меньшей мере, трех основных типов хозяйствования, каждому из которых соответствуют свои формы предвидения и планирования развития.

Тип первый. В основе его — ведущая роль государственной формы собственности. Субъект собственности и субъект хозяйствования персонифицированы в государстве, что практически ведет к установлению экономической монополии государственного аппарата.

Монопольное положение государственных экономических органов способствует разделению всех хозяйственных функций на две основные группы — планово-управленческие и исполнительские.

Планово-прогностические и управленческие функции концентрируются в центральных органах, тогда как различные хозяйственные организации выступают в роли исполнителей. Вся структура связей построена вертикально по строго иерархическому принципу, горизонтальные связи организуются и контролируются на верхних этажах экономической власти.

Планирование в такой системе осуществляется на основе проводимой центром оценки результатов предшествующих периодов и выделенных приоритетов развития. Разработанный план принимается как директива, обязательная для всех исполнителей.

В условиях чрезмерной централизации в управлении, обусловленном характером и технологией планирования, начинают преобладать административные, командно-распорядительные меры прямого адресного воздействия, ускоряется бюрократизация аппарата. Система мало-помалу приобретает облик мобилизационной экономики с сильно выраженной тенденцией к стандартизации программ, планов, реализующих их действий и инструментов. Как следствие, чрезмерно централизованная система подчас приводит к упрощению унификации форм организации экономической деятельности и сокращению номенклатуры выпускаемых изделий. Всякого рода инициатива, новые идеи и научно-техническая информация, связанные с риском и не пропущенные через систему централизованных планов, как правило, отсеиваются, ибо нарушают стабильность воспроизводства. Возобладание такого рода тенденций и явлений имела далеко идущие последствия для всей системы хозяйствования. Она начала отрываться от потребностей непрекращающегося научного и технологического прогресса, а в конце концов и от изменяющегося уровня и характера развития производительных сил.

Логикой хозяйствования в директивной, командно-распорядительной системе фактически игнорируется, даже если формально и признается двойственный характер товарного производства, в ходе которого изготавливается не только потребительная стоимость, но и создается определенная стоимость. Двойственность

производственных процессов и экономических отношений подменяется натурализацией хозяйственных связей. Основой всей хозяйственной деятельности становятся материально-вещественные балансы факторов производства, на них строятся планы производства в натуре.

Выбор целей экономического развития все в большей мере определяется состоянием балансов, а не расчетом затрат и результатов по стоимости. В расширяющейся распорядительной системе деньги утрачивают функцию покупательного средства, превращаясь в расчетные единицы.

Все экономические категории — цены, кредиты, проценты, валютные курсы и т.д. — превращаются в фикцию. Возникает формальный рынок (или так называемый квазирынок), механизм которого конструируется центральными органами экономического управления. Даже при введении современной вычислительной техники, при миллионах разнообразных видов изделий и миллиардах хозяйственных связей, подверженных влиянию многочисленных социальных, политических, производственных и иных факторов, излишне централизованное управление оказывается крайне трудоемким процессом, чреватым крупными диспропорциями в экономике. Необходима громоздкая организация оперативного учета, надзора и контроля, разработки и пересмотра норм и нормативов, лимитов, директив для исполнителей, постоянной балансировки и т. д. Как следствие, с одной стороны, разрастается армия узко квалифицированных чиновников и множатся специализированные инструкции, а с другой — искусственно дифференцируются различные сферы экономики и отрасли производства.

Причем эти процессы развиваются вне связи с объективными требованиями экономического развития и углубления общественного разделения труда, приобретая самодовлеющую ценность под прессом требований политической рациональности.

На макроэкономическом уровне внутри системы хозяйствования происходит разделение взаимосвязанных фаз единого воспроизводственного процесса, создаются самостоятельные методы и организационные формы управления наукой и техническим прогрессом, производственными процессами, снабжением и запасами, инвестициями. Отраслевая структура экономики постепенно подменяется, отождествляясь с ведомственной. Таким образом, не только единый процесс хозяйствования, но и фундаментальная основа экономической жизни — воспроизводственный процесс оказывается разделенным между органами и организациями разного ранга и степени компетентности. Кроме того, достаточно ясные связи модифицируются, приобретают деформированные формы, нарушаются основные принципы функционирования экономических отношений между производителями и потребителями — принципы непрерывности, равенства, эквивалентности.

Искажается и действие универсального экономического закона — закона экономии времени. Циклы воспроизводства основного капитала, время обращения и производства, влияние на них факторов морального и физического износа в условиях ускоряющегося технического прогресса утрачивают свое значение для системы хозяйствования, вытесняясь

календарным (годовым, пятилетним или иным) циклом административного планирования и управления. Измерение экономических процессов, жизни производств и отдельных продуктов общественно необходимым временем становится практически невозможным делом для административного управления.

В такой системе хозяйствования формируется свой тип предприятия и производственного коллектива. В экономической литературе многих стран еще в 70-е годы доказывалось, что расширенное воспроизводство возможно лишь в масштабах народного хозяйства и его субъектом является государство, тогда как предприятие может осуществлять в лучшем случае простое воспроизводство. Впрочем, такое утверждение было обоснованным, поскольку предприятию не оставляли средств для расширенного воспроизводства. Таким способом за ним закреплялась сугубо исполнительская функция, при которой мотивация деятельности трудовых коллективов и их руководства сводилась к выполнению плановых заданий. Фактически в этой системе не только нет заинтересованности предприятия в интенсификации воспроизводства на основе внедрения новшеств, но оно ему прямо противопоказано. Поэтому неудивительно, что все многочисленные мероприятия, направленные на интенсификацию, заканчивались организационно-техническими изменениями, мобилизацией уже имеющихся резервов. Вообще вся система стала работать с предельным напряжением сил.

Характеризуя традиционную трактовку силы государства как права вмешательства в дела экономических агентов, видный польский экономист и государственный деятель Зд. Садовский во время польского кризиса восьмидесятых годов писал: „Весь наш опыт показывал, что так понимаемая сила переросла в слабость, которая довела до упадка хозяйственную систему, на нее опирающуюся. Теперь мы понимаем, что сила государства должна зиждиться на способности к созданию и реализации стратегии развития страны, определения общих пропорций этого развития и управления ходом экономических процессов...".

В административной системе хозяйствования удалось за относительно короткие сроки создать гигантское „анонимное производство" со своей почти математически безупречной организацией. Но в этой системе исчезла человеческая личность, нивелировались ее интересы, которые подчинились интересам общественным, а точнее, интересам государства, присвоившего право выступать от имени общества. Более того, растворился личный интерес, коллективные интересы также оказались размыты. Однако нельзя было не учитывать стремление человека к полной личностной реализации имеющихся у него возможностей. Его право на совершенствование своей личности не только абсолютно законно, но и предусмотрено основной целью развития. Именно здесь скрыто глубокое противоречие централизованной системы хозяйствования и директивного планирования, которые выявились в ходе перестройки экономики.

Второй тип. Изменения в системе хозяйствования направлены на расширение экономической самостоятельности предприятий, создание условий для разнообразных форм проявления коллективных интересов, активизацию трудовых коллективов. Здесь условно можно выделить несколько разновидностей в

зависимости от соотношения между директивным характером планирования и масштабами применения и использования экономических параметров. Этот тип хозяйствования — „смешанный", „переходный".

Система планирования и управления находится как бы в состоянии дрейфа либо в сторону усиления директивности и распорядительно-командных методов, либо в сторону широкого использования косвенных параметрических методов регулирования хозяйственной деятельности предприятий. Центральный план составляется государственными органами, хотя к его разработке на подготовительной стадии привлекаются коллективы предприятий. Параметры определяются на основе научных проектировок, целей и установок плана, выполнению которого подчиняется деятельность предприятий.

Рыночная ситуация не влияет на предприятие прямым путем, несмотря на то, что учитывается в предплановых разработках. Экономические параметры охватывают экономические регуляторы народнохозяйственного значения (цены, . налоги, кредитные ставки, таможенные пошлины и т. п.), нормы и нормативы, направляющие хозяйственную деятельность предприятия в целом (нормы отчислений, амортизации и т. п.), показатели оценки деятельности предприятий (например, нормативно-чистой продукции, рентабельности), нормативы, определяющие использование отдельных факторов производства, правовые предписания, устанавливающие правила взаимоотношений предприятий с органами снабжения, кооперантами, покупателями.

Первоначально параметрическая система складывается довольно жестко, заменяя собой директивы. Ее параметры индивидуализированы по отраслям и даже предприятиям, нередко носят адресный характер и по существу исключают возможность для какой-либо состязательности, жестко регламентируя формирование и использование основных и оборотных фондов, отношения предприятия с государством или иными субъектами экономической деятельности. Центр устанавливает все способы расчета и изменения параметров. Жесткий характер параметров должен, с одной стороны, подчинить предприятия задаче реализации запланированных целей, а с другой — стимулировать селективное поведение предприятий. В системе хозяйствования продолжают доминировать вертикальные связи при расширяющихся горизонтальных связях предприятий, которые лишь усложняют управление, нарушая прежний принцип моноцентризма в организации.

Следующий этап в развитии параметрической системы связан с передачей определенных прав на формирование отдельных параметров с учетом рыночных изменений самим предприятиям. Так, в начале 80-х годов в ряде стран ЦВЕ были введены различные типы цен — свободные, лимитированные, централизованно устанавливаемые. В некоторых случаях во внутренних оптовых ценах на продукцию, связанную с импортом ресурсов, учитывались цены мирового рынка.

На основе заранее определенных „правил игры" устанавливаются принципы распоряжения средствами, остающимися у предприятий после отчислений в

госбюджет. Здесь впервые предприятие руководствуется импульсами рынка наряду с информацией центра.

Впервые возникает проблема сочетания планового принуждения и экономического принуждения рынка в усложняющейся системе хозяйствования. В распоряжении предприятия остается достаточно средств для того, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство, оно функционирует на основе принципов самоокупаемости и самофинансирования, создающих необходимые ресурсы для приспособления к двум различным механизмам регуляции — плановому и рыночному.

Третий тип системы хозяйствования. Он также имеет, по меньшей мере, две разновидности. В основе глубоких изменений в системе хозяйствования лежала трансформация структуры собственности. В одних странах она опиралась на рост разнообразия организационных и экономических форм реализации общественной формы собственности, уравнивание в правах всех (вплоть до внесения соответствующих поправок в конституции ряда стран) форм собственности, включая личную, что первоначально создало возможности для высвобождения предпринимательской и личной инициативы. Постепенно складывается сложная социалистическая система хозяйствования с полицентрической организацией множества экономических интересов на основе принципов экономической рациональности. Причем для каждой формы реализации общественной собственности формировалась своя подсистема организации и экономического регулирования.

В другой группе стран получает развитие многосекторная смешанная экономика со сложными межсистемными отношениями между различными экономическими укладами, основанными на кооперативной, государственной, частной, смешанной или иностранной собственности.

Новые решения порождают неизвестные ранее явления, которые нуждаются в самом тщательном изучении с позиций баланса экономической рациональности и социальных ценностей.

В такой системе производственных отношений стабильность экономического развития, перелив основных и оборотных средств, новшеств, информации, знаний может обеспечивать только система хозяйствования, органично сочетающая в равной мере преимущества центрального ориентировочного планирования, административного управления и механизма функционирования рынка. Для определенных секторов экономики и видов производства (оборонной, социальной и производственной инфраструктуры) при выполнении крупных научно-технических программ или межгосударственных обязательств сохраняется директивное планирование и административно-распорядительная система управления при расширении участия организаций иных форм собственности в разработке индикативных планов и решений по их реализации. С помощью государственных заказов, инвестиционной политики, предоставления льготных кредитных и налоговых условий государство может стимулировать структурную трансформацию в двух основных направлениях:

во-первых, в так называемых подтягивающих производствах — носителях передовой технологии, развитие которых дает значительный мультипликационный эффект в народнохозяйственном комплексе;

во-вторых - в экспортных отраслях, обеспечивающих вместе с первой группой конкурентоспособность всей экономики.

План составляется в двух частях как директивный для определенных секторов и информационно-прогностический индикативный документ для всех остальных сфер деятельности.

В ряде теоретических работ, предполагающих возможность сочетания механизмов плана и рынка, обосновывается система, которая со временем перестанет воспроизводить недостатки как административно-распорядительной, так и рыночной системы хозяйствования, сохранив при этом гарантии социальной защищенности и ценности социальной справедливости. Предполагается дилемма — план или рынок — может быть преодолена в системе, при которой механизм функционирования рынка будет определять текущее, краткосрочное экономическое развитие, а границы его действия будут определяться и корректироваться деятельностью экономических институтов государства, государственно-частного, а по мере развития, и публично-частного партнерства, центрального плана в макросфере при определении стратегических долгосрочных целей и перспектив и соответствующих им методов экономической политики.

Некоторые специалисты высказывают мнение, что в искусственной разработке целевой модели экономики нет смысла, и видят в этом повторение старых ошибок, с чем нельзя не согласиться. Всегда есть опасность, что целью какой-либо модели экономического развития может оказаться она сама

Индикативный план в системе планов и программ

В практике большинства стран, реализующих идеи индикативного планирования, существовали и существуют проблемы координации разработки долгосрочных и среднесрочных прогнозов с разработкой долгосрочных, среднесрочных и индикативных годовых планов развития. Первые попытки осуществить такое согласование предприняты у нас в 20-х годах. Долгосрочный план развития народного хозяйства страны - план ГОЭЛРО был рассчитан на 15 лет. Переход к разработке директивных планов привел к необходимости формирования методов обоснования пятилетних планов, которые легли в основу обоснования годовых планов реализации пятилетних планов. Основой методов планирования был балансовый метод. Общая стратегическая задача среднесрочных и годовых планов была определена целями реализации плана ГОЭЛРО.

Попытки обосновать долгосрочные программы были затруднены тем, что наиболее подготовленными оказались именно научные центры, а не государственный плановый аппарат. Это явно прослеживалось при разработке в первой половине 1941 г. генерального плана развития народного хозяйства СССР на 15 лет (1943-1957). В апреле 1941 г. был подготовлен проект тезисов доклада Госплана СССР о генеральном плане. Однако эту работу прервала Великая Отечественная война. В 1959 г., в связи с разработкой новой программы партии, было принято решение о составлении генерального плана развития

народного хозяйства СССР на 20 лет (1961-1980 гг.). В процессе работы над планом были определены и сформулированы довольно амбициозные долгосрочные цели. Вместе с тем отсутствовала достаточная прогнозная база для определения различных вариантов развития экономики, плановые органы еще не были вооружены методами оптимизации плановых решений. Генеральная перспектива разрабатывалась со значительным воспроизведением структуры показателей пятилетнего плана. Излишняя детализация затрудняла четкую постановку решения социальных и научно-технических проблем. Пятилетний срок во многих случаях оказался уже недостаточным для реализации соответствующих заданий - для этого требуется 7-8 лет, а в отдельных случаях - до 10-15 лет.

Объективная необходимость разработки долгосрочного плана, создания системы планов определялась все возрастающей сложностью и масштабностью решаемых социальных, экономических и производственных задач. Ставилась задача возврата к практике разработки многовариантных долгосрочных и среднесрочных комплексных прогнозов, помогающих выбрать наиболее эффективный вариант экономической политики.

Разработки осуществлялись на фоне большого интереса к планированию в развитых странах. Более того, планирование и прогнозирование стали предметом внимания мирового сообщества и прежде всего в Организации Объединенных Наций - ООН. Для проведения работ в этой области был образован Комитет по планированию развития, в состав которого входили все министры плановых органов стран - членов ООН.

В дополнение к традиционным инструментам государственного регулирования и как неотъемлемую их составную часть стали предлагать стратегическое планирование.

Стратегическое планирование в определении ООН представляет собой особый вид деятельности хозяйствующих субъектов, территориальных органов исполнительной и законодательной власти (муниципалитетов, отдельных регионов, региональных ассоциаций) субъектов федерации, федеральных органов исполнительной и законодательной власти государства в целом, состоящей в подготовке проектов стратегических решений, с представлением в виде прогнозов на сроки от нескольких лет и более программ и планов, предусматривающих выдвижение таких конкретных целей и стратегий поведения соответствующих объектов управления, реализация которых обеспечивает их эффективное функционирование в долгосрочной перспективе с учетом имеющихся ресурсов, выбора приоритетов в их использовании с учетом изменяющихся условий внешней среды. Это определение ближе к понятию «концепция» развития. Разработанные в России «Концепции развития», начиная с 1995 г,. не укладываются в рамки приведенного определения стратегического планирования.

Комитет по планированию развития действовал в рамках решения общих задач развития. В документах подчеркивалось, что «в решении задачи «десятилетий развития стран ООН», обеспечения сотрудничества стран для преодоления разрывов в развитии развитых и развивающихся стран и разрыва круга бедности, голода и невежества необходима не только поддержка развитых стран, но и использование национального стратегического планирования развития» (Решение Генеральной ассамблеи ООН в 1966 г.).

В течение четырех «десятилетий развития» главная цель ООН состояла в том, чтобы избавиться от бедности и достичь благосостояния в глобальном масштабе с помощью программ развития. Для этого требовалось решить экономические проблемы стран «третьего мира» - начиная с индустриализации и налаживания торговли и заканчивая плановым регулированием сбалансированного распределения ВВП.

ООН и его структуры подготовили огромное количество не только теоретических, но и методологических материалов о роли плановой государственной деятельности, о методологии анализа, прогнозирования, обоснования долгосрочных решений и планирования. В документах ООН была определена следующая терминология[6]:

Долгосрочное исследование: обобщающий термин, обозначающий любое исследование количественного или качественного характера, выполняемое с целью определения возможных, вероятных или желательных перспектив на будущее в пределах отдаленного периода (большей частью от 15 до 30 лет).

Долгосрочный план (в некоторых странах - перспективный план): взаимоувязанный комплекс целей и средств их реализации на длительный период, выраженный в форме общих направлений и одобренный компетентными властями. Долгосрочное планирование в этом смысле совпадает с процессом выработки основных направлений развития. Оно может быть отраслевым, территориальным или городским или же охватывать экономику или общество в целом.

Программа: воплощение в жизнь общих направлений перспективного плана в экономической и социальной политике и решения о распределении ресурсов, которые могут быть включены в годовой бюджет, среднесрочные или долгосрочные планы.

Программирование: логически этот термин должен был бы обозначать процесс разработки «программ», как в американской системе «планирование-программирование-составление бюджета», в которой стадия программирования следует за стадией планирования.

В чем же состоит отличие стратегического планирования от оперативного, среднесрочного и даже долгосрочного планирования - может быть, в выборе горизонта плана? Иногда утверждается, что чем далее этот горизонт, тем более стратегичен по своему характеру план построения будущего. Но это наивно и неверно. Стратегическое планирование всегда ориентировано на результат, вовлекает крупные ресурсы и имеет масштабные не только временные, но и пространственные последствия, иногда имеющие необратимый характер. Его отличает широта размаха. Стратегическое планирование всегда связано с решением задач, которые оказывают влияние в течение длительного времени, а последствия неправильного решения трудно изменить или исправить.

Традиционно вектор планового воздействия направлен из прошлого в будущее. Стратегическое планирование предполагает выстраивание вектора анализа и принятия управленческих решений из будущего в настоящее. Это и вызывает у менеджеров сегодня основные методологические трудности: как планировать «от базы» - знают многие, а вот как выстраивать план своих текущих действий, основываясь на

[6] *Долгосрочное планирование. Некоторые соображения по поводу долгосрочных исследований и планов / ООН. - Нью-Йорк, 1971.*

представлениях о будущем, - знают совсем немногие. Речь идет о построении системы планов и решений исходя из целей, которые желательно достичь в конце периода действия стратегического плана, и поэтапного приближения к исходному, базовому периоду - т. е. построение взаимосвязанных решений, которые обеспечили бы достижение избранных целей. Это получило название «планирование по результатам». Тот же «План электрификации России - План ГОЭЛРО» разрабатывался в условиях полной разрухи, но был реализован по основным параметрам в очень короткие сроки.

Известно, что в США возникло несколько коммерческих фирм, занимающихся подготовкой менеджеров по схеме: «цель - решения - результат». В США широко известна школа Вернера Эрхарда, в Калифорнии, которую прошли тысячи американцев. Есть и методологическая база такого подхода, разработанная лауреатом Нобелевской премии академиком Л.В. Канторовичем, в виде математического построения конструкции взаимосвязи целей, ресурсов, уровня их дефицитности (важности, зависящей от ранжирования и масштабности самих целей) и последовательности (селекции) их использования.

Важно подчеркнуть, что стратегическое планирование представляет собой программу действий, решений, обеспечивающих достижение значительных и долгосрочных целей. Они не могут быть достигнуты через экстраполяцию трендов, тенденций, протянутых в будущее. Ныне это называется инерционный сценарий, который избавляет его авторов от принятия каких-либо судьбоносных решений. Последний не имеет никакого отношения к стратегическому планированию или к стратегиям и концепциям развития.

Есть смысл привести характеристику эволюции управления и планирования в XX веке в изложении Игоря Ансоффа и определения исторического места макроэкономического управления нынешней России (см. табл.1).

В соответствии с Федеральным законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития России», а именно статьей 1 п. 2, а также статьей 4 пп. 4, 5, Президент Российской Федерации обязан обеспечить разработку концепции социально-экономического развития страны и направить материалы такой концепции в Федеральное Собрание Российской Федерации. Подобная концепция развития за прошедшие десять лет не направлялась в Федеральное Собрание РФ, а потому и не могла быть предметом рассмотрения, уточнения, а затем превратиться в важнейшие характеристики - показатели возможного будущего состояния социально-экономической сферы, сдвигов в научном и технологическом развитии, положения России в мировой экономике. Есть лишь многочисленные частные концепции и стратегии (не менее 70, подробнее см. Приложение) содержащиеся, как правило, в документах с различным правовым статусом.

Таблица 1. Эволюция управленческих систем[7]

Предсказуемость будущего	**1900 г.**	**1930 г.**	**1950 г.**	**1970 г.**	**1990 г.**
	Привычно	Поддается экстраполяции		Неожиданно, но узнаваемо	Неожиданно и неузнаваемо
Будущее есть повторение прошлого	Справочники и инструкции Финансовый контроль*			**Управление на основе контроля***	
Будущее предсказуемо путем экстраполяции	Составление текущих бюджетов Составление бюджетов капиталовложений Целевое управление* Долгосрочное планирование**				**Управление на основе экстраполяции**
Предсказуемы	**Управление**	Стратегическое планирование по периодам**			
Только проблемы и новые возможности	**На основе предвидения изменений**	Выбор стратегических позиций**			
Частично предсказуемы слабые сигналы из внешней среды фирмы. Неожиданные события	**Управление на основе гибких/экстренных решений****		Управление на основе ранжирования стратегических задач** Управление по слабым сигналам** Управление в условиях неожиданных событий**		
Уровень нестабильности	1. Стабильность	2. Реакция изменения	3. Предвидение **	4. Исследование**	5. Творчество**

Позиции без значков (*, **) в России присутствуют.
Со знаком * — присутствуют за пределами теневого сектора.
Со знаком ** — отсутствуют.

Еще в 1971 году Организация Объединенных Наций обобщила реальную практику долгосрочного планирования в развитых странах. Этот документ начинается с тезисов о роли и значении долгосрочных исследований (прогнозирования) и планирования. В предисловии к этому изданию ООН отмечается: «Долгосрочные исследования приобрели большую популярность, особенно за последние несколько лет. Они получают все большее признание государств и других центров по принятию решений (предприятий, профессиональных организаций, профсоюзов и т. д.) и, конечно, исследовательских учреждений. Основная причина растущей популярности долгосрочных исследований следующая: общепризнано, что чем шире период, охватываемый исследованием, тем больше возможностей выбора. По этой причине возможные варианты в долгосрочном плане являются более многообразными, чем в среднесрочном. Поэтому большее внимание может быть уделено основным проблемам экономики и даже проблемам цивилизации и общества в целом.

Точно так же следует учитывать, что некоторые проблемы могут быть серьезно изучены лишь в течение периода в 20-40 лет. Это также относится к некоторым научным и техническим решениям, оказывающим возрастающее влияние на развитие наших обществ, особенно в области демографии, образования и здравоохранения»[8]

.

[7] *Эти характеристики могут свидетельствовать о том, что нынешнее управление в России не вышло за пределы 1970 года и определение будущего осуществляется путем экстраполяции трендов. И в этой области Россия скатилась к параметрам первой половины XX века.*
[8] *Долгосрочное планирование / ООН. - Нью-Йорк, 1971. С. 8.*

По мнению экспертов ООН, долгосрочные исследования чаще носят характер перспективного прогнозирования, включающего также оценку достигнутых результатов. Возможные варианты, которые будут сочтены нежелательными, будут отброшены, и, таким образом, останется более ограниченный выбор между вариантами, считающимися подходящими с той или иной точки зрения.

Каждый тип долгосрочного прогноза имеет свои концептуальные проблемы и трудности. Может показаться, что при прогностическом предсказании возникает меньше проблем, чем при «нормальном» краткосрочном или среднесрочном прогнозировании, которые решаются обычно путем предположения относительно продолжения тех или иных взаимосвязей, выявленных в результате исторического анализа. Однако одной из трудных сторон долгосрочного прогнозирования является именно неопределенность в отношении того, будут ли эти взаимосвязи непременно продолжаться (сохраняться). Можно предположить, что некоторые взаимосвязи и тенденции будут продолжаться в будущем, хотя, возможно, с большей или меньшей силой.

Что касается соотношения индикативной формы плана с различными концепциями и стратегиями развития, следует отметить, что так, и не принята на официальном уровне сама идея индикативного плана на любой срок продолжительности. Вместо этого есть «программы развития» на один, два, три года, которые, как уже было показано, по существу являются экстраполяционными прогнозами. Но эти прогнозы закладываются в основу формирования бюджета страны, ведомств и регионов. Сейчас приступили к разработке бюджета на три года - максимальный срок прогноза-программы. Во-вторых, индикативный план для госсектора является по существу директивой собственника-государства, и за его выполнение необходимо отчитываться. На этом фоне странно звучат слова чиновников разного рода: «направляю Вам отчет о выполнении прогноза...». В-третьих, нет ясности в вопросе взаимодействия субъектов рыночного хозяйства и сектора государственного. А главное, нет достаточно обоснованной стратегии с ее целями, ресурсным исполнением, меняющейся комбинацией подходов в выборе приоритетов в исторической временной перспективе.

Выбор целей развития

Мировой опыт подсказывает, что в зависимости от избранного варианта развития и будет формироваться методология обоснования системы взаимосвязанных прогнозов, стратегических и индикативных планов и программ. В сформулированных позициях практически всех исследователей и уже многих практиков (за исключением фундаменталистов-рыночников) сложилось ясное представление о том, что сегодня России «необходима серьезно просчитанная стратегия развития, которая должна исходить из исторических, культурных, природных факторов, наличия мощного природно-ресурсного потенциала и необходимости максимально пристального внимания к развитию инновационного, высокотехнологичного производства»[9]. Эта идея была сформулирована нами ранее, в 2000 г., в работе «Концепция стратегического планирования для России

[9] *Кузык Б. Россию нельзя реформировать, Россия может только преображаться // Экономические стратегии. 2004, № 4. (30).*

начала XXI века». Она кратко определяла будущее общество как общество знаний, высокой квалификации и культуры, творческого поиска. На этой базе может быть достигнуто высокое благополучие, высокий уровень жизни. Элементами этого высокого уровня жизни должны быть не только материальные условия, но и другой образ жизни.

Если цели определены и ясно сформулированы, то сразу же встает вопрос об их приоритетности и соответствующей приоритетности в мобилизации всех видов ресурсов, находящихся в руках государства, и формировании механизма вовлечения в этот процесс средств и возможностей негосударственных субъектов рынка.

Заметим, что все это никак не связано с тотальной директивностью. Наоборот, индикативный план не обязателен для субъектов негосударственного сектора. В этой сфере он больше соответствует понятию поиска форм сотрудничества и достаточно гибок. Его смысл - определить границы, в пределах которых будут действовать все субъекты смешанной рыночной экономики.

Действующая поныне система программ в России условно может быть в лучшем смысле понимания практики отнесена к интерактивному пошаговому планированию. Хотя сам термин «планирование» фактически отсутствует, по мнению либералов, как «крайне опасный для рыночной экономики». Интерактивное планирование - это постоянное обновление плана по мере продвижения работы, ориентируется на происходящие процессы и представляет собой определение набора возможностей, которые должны войти в текущую версию программы развития путем сопоставления приоритетов и оценок представителей программирующих организаций. Существует также *нормативное планирование* (на основе нормативов), в отличие от *поискового* (исследовательского, отвечающего на вопрос «Что будет, если...?»), предполагает ответ на вопрос «Что нужно сделать, чтобы...?» Оно требует четкой классификации сфер применения, процедур измерения показателей, определения их рубежных значений и часто используется в социальной сфере. Практически задача удвоения ВВП, а также все реформы - и жилищно-коммунального хозяйства, и пенсионная, и военная — подразумевают именно нормативный подход. При *ситуационном (адаптивном)* планировании план выступает в качестве механизма адаптации к быстро меняющейся внешней среде с помощью инструментария, позволяющего улавливать рыночные сигналы и оперативно реагировать на них. *Индикативное планирование* предполагает процесс формирования системы параметров (индикаторов) - ключевых показателей, определяющих состояние хозяйствующего субъекта или социально-экономической системы и мер воздействия на него.

Индикаторы определяются как параметры границ, в пределах которых система, включающая организационные механизмы, технологические связи, материальные и финансовые потоки, может устойчиво функционировать и развиваться. В отличие от «показателя», дающего лишь количественную констатацию, индикатор имеет, по существу, векторный, направленный характер. Индикаторы ограничивают предельные пороговые (минимальные и максимальные) значения, например, налоговых ставок, режимов развития многоресурсных систем. Внутри предельных границ образуется так называемый коридор - необходимый и достаточный для принятия управленческого решения, но при

этом необходимо установить адекватные пороговые значения «коридора»[10], т. е. многовариантность развития. Многовариантность нарастает по мере расширения периода «плана» и сокращается при сокращении периода.

По различиям в отношении к периоду планирования выделяются перспективное планирование, тактическое и оперативное планирование.

Перспективное планирование определяет стратегические направления и программы развития, содержание и последовательность осуществления важнейших мероприятий, обеспечивающих достижение поставленных целей на 10-20 лет, применительно к хозяйствующему субъекту. Перспективное планирование помогает принимать решения по комплексным проблемам деятельности субъекта хозяйствования, в том числе национальном и в международном масштабе:

- определение направлений и размеров капиталовложений и источников их финансирования;
- внедрение технических новшеств и прогрессивных технологий;
- диверсификация рынков, производства и обновление продукции;
- формы осуществления иностранных инвестиций.

Термины «стратегическое планирование» и «стратегическое управление» обычно воспринимаются как синонимы. Однако это не так. Строго говоря, стратегическое управление состоит из стратегического планирования, реализации выработанной стратегии и контроля. Но и в теории, и на практике самое сложное - это составление стратегического плана развития или его проекта. С точки зрения управления, стратегическое планирование необходимо рассматривать как центральное звено.

Стратегический план - программа укрупненных действий для достижения поставленных целей. Стратегическое планирование - процесс определения конкретных целей организации и направлений действий для их осуществления в соответствии с принятой стратегией. Стратегическое планирование обеспечивает конкретизацию стратегии и достижение выбранных целей путем использования имеющихся преимуществ и создания новых. Решающим для организации является формулировка миссии и определение конкретных целей, обеспечивающих ее реализацию.

Деятельность любого субъекта планирования начинается с выработки миссии и целей. Сформулированная миссия позволяет определить измеримые цели, выраженные в соответствующих показателях. На практике после уточнения целей нередко вновь уточняется миссия, и цикл начинается заново.

В России миссия и цели развития определены 7-й статьей Конституции Российской Федерации.

В процессе поиска решений в условиях усложнения социальных и экономических взаимодействий в развитых странах были затрачены значительные усилия на разработку как качественных, так и количественных методов оценки влияния различных факторов. Качественные методы могут быть представлены тремя их разновидностями, получившими

---

[10] *Подробнее см. Гапоненко А.Л., Панкрухин А.П. Стратегическое управление. - М: Омега Л», 2003. С. 290-297.*

следующие наименования в теории программирования и прогнозирования: «сценарий», «системный анализ», «анализ целей». По определению Э. Янча, «написание сценариев» представляет собой попытку установить логическую последовательность событий, предполагающую определенный переход (переходы) от существующей ситуации к какой-либо ситуации в перспективе, что и позволяет шаг за шагом составить общую картину будущего. По мнению западных специалистов, «сценарий» берет свое начало в военной стратегии. Он преследует цель демонстрации теоретической возможности или невозможности выполнения выдвинутых задач, позволяет найти аргументы по обоснованию активной государственной политики для преодоления стихийных тенденций развития.

В практике получили достаточное использование «сценарии», составленные на основе предположений, касающихся общего распределения потребительских товаров длительного пользования, увеличения свободного времени, доли «коллективного» потребления, степени колебания доходов и др. Такие описания позволяют выделить проблемы и определить некоторые кризисные ситуации.

В деятельности Правительства России при разработке программ развития преобладал подход близкий к «сценарному», но, к сожалению, без прогнозирования кризисных ситуаций.

Для нынешней ситуации, когда делается попытка реализовать несколько задач, необходимо использовать подход, получивший название «анализ целей», разработанный для оценки последствий выбора в условиях постановки многоцелевых задач. Этот метод оперирует понятиями «дерево целей» и «дерево решений», характеризующими логические связи, существующие между набором задач и набором ресурсов, расставленных в определенном порядке. Это действительно становится проблемой для Правительства России в связи с попыткой решения уже в ближайшие годы одновременно нескольких масштабных задач.

В более широкой постановке задач, подобно тому, как это сделал президент Института экономических стратегий Б.Н. Кузык, проблема методологического подхода выглядит серьезной и ответственной. Исследования стратегических вариантов развития показали, что в исторической динамике России, как в матрешке, прослеживается целый набор циклов различной длительности: от коротких (из них базовым является пятилетка) до длинных и сверхдлительных.

Во-первых, знание ритма развития страны раскрывает стратегический горизонт для планирования, равный, 80-летнему отрезку, то есть интервалу активной жизни трех поколений. Гармония трех поколений и в семье, и в обществе - условие успешного развития.

Во-вторых, исследование показывает, что в текущем, завершающемся сверхдлинном цикле Россия уже не развалится. Хотя угрозы ее суверенитету и территориальной целостности существуют, время, когда от росчерка пера страна могла исчезнуть «как геополитическая реальность», прошло.

В-третьих, Российскому государству сегодня необходимо серьезно просчитанная стратегия развития, которая должна исходить из исторических, культурных, природных

факторов, наличия мощного природно-ресурсного потенциала и необходимости максимально пристального внимания к развитию инновационного, высокотехнологичного сектора производства[11].

Возвращаясь к главной цели концепции развития - качеству жизни, можно утверждать, что по интегральным понятиям, характеризующим выделенные аспекты целевой функции «качество жизни населения», должны устанавливаться нормативы на образующие показатели, исходя из реальных потребностей (в т. ч. физиологических) и имеющихся ресурсов для их обеспечения. Для создания нормативов по каждому из аспектов целевой функции «качество жизни» необходимо определить ограниченный набор наиболее информативных и совпадающих с используемыми при международных сопоставлениях показателей. В этот набор в обязательном порядке должны войти показатели качества жизни, включенные в международный ежегодник World Development Indicators и используемые также в международных сопоставлениях для оценки «индекса развития человеческого потенциала» (ИРЧП), публикуемые в ежегодных докладах ПРООН. В целом же набор показателей, раскрывающих все аспекты целевой функции «качество жизни населения», может быть достаточно широким. При формировании нормативов необходимо также выделять приоритеты дифференцированно по группам населения и по срокам их достижения.

Вышеизложенное позволяет определить алгоритм формирования номенклатурных позиций государственного стратегического планирования.

Организация работ по подготовке государственных стратегических планов развития экономики и социальной сферы должны быть построены таким образом, чтобы предприятия и их объединения негосударственных секторов экономики были заинтересованы во включении в них своих проектов. Включаемым же в государственный план проектам должна оказываться эффективная государственная поддержка с использованием всего комплекса имеющихся у государства рычагов. В числе номенклатурных позиций государственного плана могут быть совместные проекты с иностранным участием.

Отдельной задачей, связанной с организацией государственного планирования на федеральном и региональном уровнях, является их взаимная увязка по номенклатурным позициям и срокам разработок.

При организации стратегического планирования на уровне конкретных хозяйствующих субъектов государственные индикативные планы на федеральном и региональном уровнях должны служить определенными ориентирами.

---

[11] *Кузык Б. Россию нельзя реформировать, Россия может только преображаться // Экономические стратегии. 2004. № 4. (30). С. 3.*

Приложение 1

Перечень основных нормативных правовых актов (доктрин, стратегий, основ политики и концепций) по вопросам обеспечения национальной безопасности, принятых в период с 1 января 1991 года по 1 марта 2007 года

Доктрины

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом России 9 сентября 2000 г., № Пр-1895).

2. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Президентом России 27 июля 2001 г.).

3. Экологическая доктрина Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 31 августа 2002 г. № 1225-р).
4. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (постановление Правительства России от 4 октября 2000 г. № 751).

5. Военная доктрина Российской Федерации (Указ Президента России от 21 апреля 2000 г. № 706).

6. Военная доктрина Союзного государства (постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства о 26 декабря 2001 г. №8).

Стратегии

1. Проект стратегии развития Российской Федерации до 2010 года (постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 162-СФ).

2. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Указ Президента России от 29 апреля 1996 г, № 608).

3. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года (распоряжение Правительства России от 28 августа 2003 г. № 1234-р).
4.
5. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года (приказ Минтранса России от 12 мая 2005 г. № 45).
6.
5. Стратегия развития транспорта Российской Федерации на период до 2010 года (приказ Минтранса России от 31 июля 2006 г. № 94).

Основы политики

1. Основные положения региональной политики в Российской Федерации (Указ Президента России от 3 июня 1996 г. № 803).

2. Основы пограничной политики Российской Федерации (утверждены Президентом России 5 октября 1996 г.).

3. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утверждены Правительством России 5 августа 2005 г., № 2473п-П7).

4. Основные направления государственной инвестиционной политики Российской Федерации в сфере науки и технологий (распоряжение Правительства России от 11 декабря 2002 г. № 1764-р).

5. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом России 30 марта 2002 г., № Пр-576).

6. Основы федеральной жилищной политики (Федеральный закон от 6 мая 2003 г. № 52-ФЗ).

7. Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2005 г. № 2237-р).

8. Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом России 4 декабря 2003 г., № Пр-2194).

9. Основы государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования (распоряжение Правительства России от 21 апреля 2003 г. № 494-р).

10. Основные направления государственной жилищной политики в 2001 - 2005 годах и стратегия развития на долгосрочную перспективу (Приказ Госстроя России от 12 января 2000 г. № 4).

11. Основы энергетической политики государств - членов Евразийского экономического сообщества (решение Межгоссовета ЕврАзЭС от 28 февраля 2003 г. № 103).

13. Основы пограничной политики государств-членов Евразийского экономического сообщества (решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 13 мая 2002 г. № 55).

Концепции

1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента России от 17 декабря 1997 г. № 1300).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом России 28 июня 2000 г.).

3. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (Указ Президента России от 15 июня 1996 г. № 909).

4. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (распоряжение Правительства России от 24 сентября 2001 г. № 1270-р).

5. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 9 февраля 2001 г. № 196-р).

6. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г. заседания Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей).

7. Концепция социального развития Союзного государства до 2010 года (постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 22 апреля 2005 г. № 5).

8. Концепция реформирования системы государственной службы (утверждена Президентом России 15 августа 2001 г.).

9. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2008 годах (распоряжение Правительства России от 25 октября 2005 г. № 1789-р).
10. Концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации.

11. Проект Государственной концепции обеспечения транспортной безопасности России (разработана Минтрансом России).

12. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (приказ Минобразования России от 11 февраля 2002 г. № 393).

13. Концепция федеральной системы мониторинга критически важных объектов и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры Российской Федерации и опасных грузов
(распоряжение Правительства России от 27 августа 2005 г. № 1314-р).

14. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (постановление Правительства России от 7 марта 2000 г. № 198).

15. Концепция модернизации и развития Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (постановление Правительства России от 22 февраля 2000 г. № 144).

16. Концепция создания и развития инфраструктуры пространственных данных Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 21 августа 2006 г. № 1157-р).
17. Концепция региональной информатизации до 2010 года (распоряжение Правительства России от 17 июля 2006 г. № 1024-р).

18. Концепция федеральной целевой программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007 - 2010 годы и на перспективу до 2015 года» (распоряжение Правительства России от 15 июля 2006 г. № 1019-р).

19. Концепция создания системы персонального учета населения Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 9 июня 2005 г. № 748-р).

20. Концепция создания государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения (распоряжение Правительства России от 15 марта 2005 г. № 277-р).

21. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года в Правительстве России от 27 сентября 2004 г. № 1244-D).

22. Концепция развития рынка услуг почтовой связи на период до 2010 года (распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2003 г. № 1577-р).

23. Концепция развития государственной финансовой (гарантийной поддержки экспорта промышленной продукции в Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 14 октября 2003 г. № 1493-р).

24. Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства России от 2 сентября 2003 г. № 1265-р).
25. Концепция развития рынка сжиженного газа для бытовых нужд (распоряжение Правительства России от 3 июля 2003 г. № 908-р).

26. Концепция развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 3 июля 2003 г. № 909-р).

27. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (распоряжение Правительства России от 1 марта 2003 г. № 256-р).

28. Концепция развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2003-2010 годы (распоряжение Правительства России от 18 января 2003 г. № 69-р).
29.
30. Концепция развития автомобильной промышленности России (распоряжение Правительства РФ от 16 июля 2002 г. № 978-р).

31. Концепция реструктуризации организаций федеральной почтовой связи (Собрание законодательства России от 8 июля 2002 г. № 27 ст. 2755).

32. Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации (Указ Президента России от 1 июля 1996 г. № 1008).

33. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (Указ Президента России от 1 апреля 1996 г. № 440).

33. Концепция структурной реформы федерального железнодорожного транспорта (постановление Правительства России от 15 мая 1998 г. № 448).

34. Концепция правовой информатизации России (Указ Президента России от 28 июня 1993 г. № 966).

35. Концепция развития космической ядерной энергетики в России (постановление Правительства России от 2 февраля 1998 г. № 144).

36. Концепция развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации (постановление Правительства России от 5 ноября 1997 г. № 1387).

37. Концепция реформирования предприятий и иных коммерческих организаций (постановление Правительства России от 30 октября 1997 г. № 1373).

38. Концепция реформирования системы начального профессионального образования (постановление Правительства России от 21 июля 1997 г. № 908).

39. Концепция системы государственного учета и контроля ядерных материалов (постановление Правительства России от 14 октября 1996 г. № 1205).

СНГ

1. Концепция военной безопасности государств - участников Содружества Независимых Государств (соглашение о концепции военной безопасности государств - участников СНГ, Бишкек, 9 октября 1992 г.).

2. Концепция межгосударственной подсистемы информационного обмена между органами внутренних дел государств - участников Содружества Независимых Государств (решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 4 июня 1999 г.).

3. Концепция Конвенции о коллективной экологической безопасности (постановление Совета Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества Независимых Государств от 14 июня 1998 г. № 29).

4. Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств (решение Совета глав государств Содружества от 28 марта 1997 г.).

5. Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств (решение Совета глав правительств государств - участников СНГ от 18 октября 1996 г.).

6. Концепция установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств - участников Содружества Независимых Государств (решение Совета глав правительств государств - участников СНГ от 18 октября 1996 г.).

7. Концепция межгосударственной подсистемы информационного обмена между пограничными войсками государств-участников Содружества Независимых Государств (решение Совета глав правительств государств - участников СНГ от 18 октября 1996 г.).

8. Концепция охраны воздушного пространства государств - участников Содружества Независимых Государств (решение Совета глав государств - участников СНГ от 19 января 1996 г.).

9. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников Содружества Независимых Государств (решение Совета глав государств - участников СНГ от 19 января 1996 г.).

10. Концепция охраны границ государств - участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество (решение Совета глав государств - участников СНГ от 26 мая 1995 г.)

11. Концепция взаимного правового регулирования хозяйственных отношений и выравнивания условий хозяйственной деятельности государств-членов Экономического союза (решение Совета глав государств - участников СНГ от 10 февраля 1995 г.).

12. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности (решение Совета глав государств - участников СНГ от 10 февраля 1995 г.)-

13. Концепция создания Единой автоматизированной информационной системы Таможенного комитета Сообщества (ЕАИС ТКС) Российской Федерации и Республики Беларусь (решение коллегии Таможенного комитета Сообщества от 30 января 1997 г.).

Анализ открытых сведений, содержащихся в базе данных Гарант-максимум (более 670 тыс. документов*) показывает, что разработано и введено в действие значительное число концепций, стратегий, доктрин государственной политики и т.п. В том числе: более 70 конституционных федеральных законов, федеральных* законов и законов Российской Федерации (приложение 2), а также сотни изменений к ним;
6 доктрин;
13 федеральных стратегий развития;
12 основ государственной политики;
25 федеральных и отраслевых концепций;
13 концепций федеральных целевых программ;
49 отраслевых концепций;
69 региональных и муниципальных концепций.

*Анализ регионального законодательства был ограничен в основном, Москвой и Московской областью.

Ключевые проблемы регионального развития и подходы к их решению*

Малчинов А.С., к.ю.н.,
Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования

В России, расположенной на огромной территории и устроенной на федеративных началах, региональный фактор играет чрезвычайно существенную роль в государственно-политическом устройстве и в социально-экономическом развитии страны.

Приходиться констатировать, что в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации наблюдаются высокий уровень и усиление территориальной дифференциации, кардинальное изменение условий размещения производства и функционирования поселений, своеобразные формы взаимодействия региональных властей и бизнеса, малая результативность использования механизмов решения региональных проблем и др.

Особенно тревожит высокий уровень разрыва в социально-экономическом развитии субъектов России. При этом по множеству позиций, этот разрыв даже увеличивается, что наглядно представлено на рис. 1.

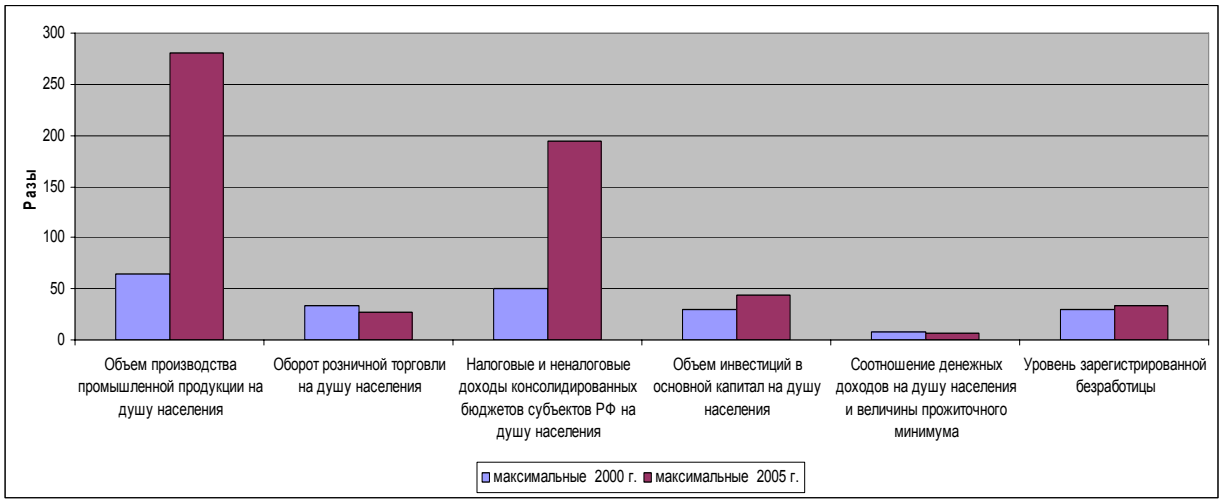
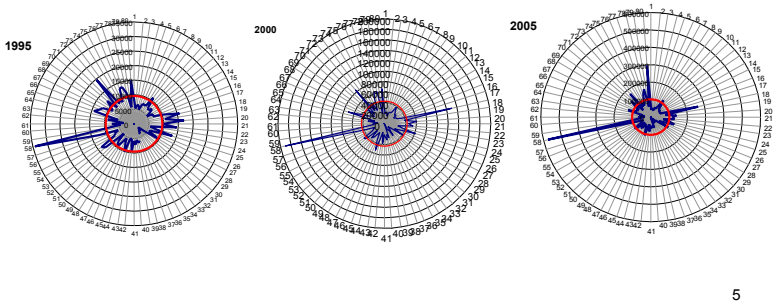


Рис. 1. Различия социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в 2000 и 2005 гг. (величина различия, раз).

*Работа является частью общего проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Разработка экономической политики и экономической доктрины РФ» // www.rusrand.ru

Приведенные данные показывают, что при увеличении различий экономических показателей, различия социальных показателей сокращаются. Это означает, что с каждым годом для решения социальных проблем государственным органам приходится всё чаще перераспределять средства между благополучными и неблагополучными регионами в пользу последних.

Одним из ключевых, с точки зрения экономической развитости регионов России, экономических показателей является категория валового регионального продукта на душу населения. Рис. 2 наглядно демонстрируют уровень ВРП в каждом из регионов. Если в 1995 году диспропорции были не так явны, то в 2005 году разрыв по ВРП резко увеличился. При этом ярко выделяются три субъекта РФ: Москва, Тюменская область и Чукотский автономный округ.



5

Рис. 2. Динамика валового регионального продукта. 1995, 2000, 2005 гг.

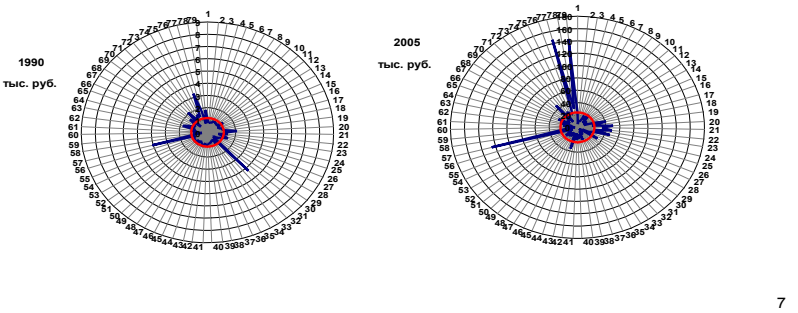
На рис. 3 видна своеобразная точка перегиба: начиная с 1998 г. усилился процесс разрыва развитости регионов.

Рис.3. Максимальные и минимальные значения ВРП на душу населения

Необходимо отметить, что в целом по субъектам РФ по минимальному и максимальному значению разрыв по ВРП составляет 45 раз.

Важнейшим макроэкономическим рычагом влияния на экономическое развитие регионов являются инвестиции.

На рис. 4 представлены огромные разрывы в инвестировании в основной капитал субъектов в 1990 и 2005 гг. на душу населения.



7

Рис. 4. Инвестиции в основной капитал субъектов РФ - 1990 г., 2005 г.

Как видно наблюдается тенденция увеличения указанного разрыва в инвестиционной политике государства в отношении субъектов РФ.

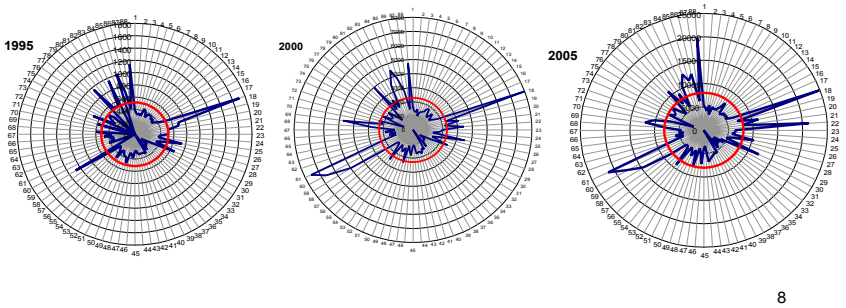
Все это наглядно показывает, что в настоящее время государство ведет несбалансированную инвестиционную политику в отношении регионов России.

Значительные диспропорции наблюдаются и в динамике среднедушевых денежных доходов населения в субъектах РФ.

Как представлено на рисунках 5 и 6 наблюдается серьезная диспропорция в доходах населения по субъектам РФ – ежегодно увеличивается разрыв между самыми бедными и самыми обеспеченными субъектами: в 1995 году – в самых малообеспеченных регионах среднее значение денежных доходов населения составляло 250 рублей, а в самых обеспеченных – 1250 рублей, в 2005 году – 3500 и 12000 рублей соответственно.

Состав самых обеспеченных субъектов: ЯНАО, Москва. Тюменской области, ХМАО, Ненецкий АО.

Минимальные денежные доходы - в Чеченской республике, Кабардино-Балкарской республике, Ингушетии и Усть-Ордынском Бурятском АО.



8

Рис. 5. Среднедушевые доходы населения в субъектах РФ, 1995, 2000, 2005 гг.

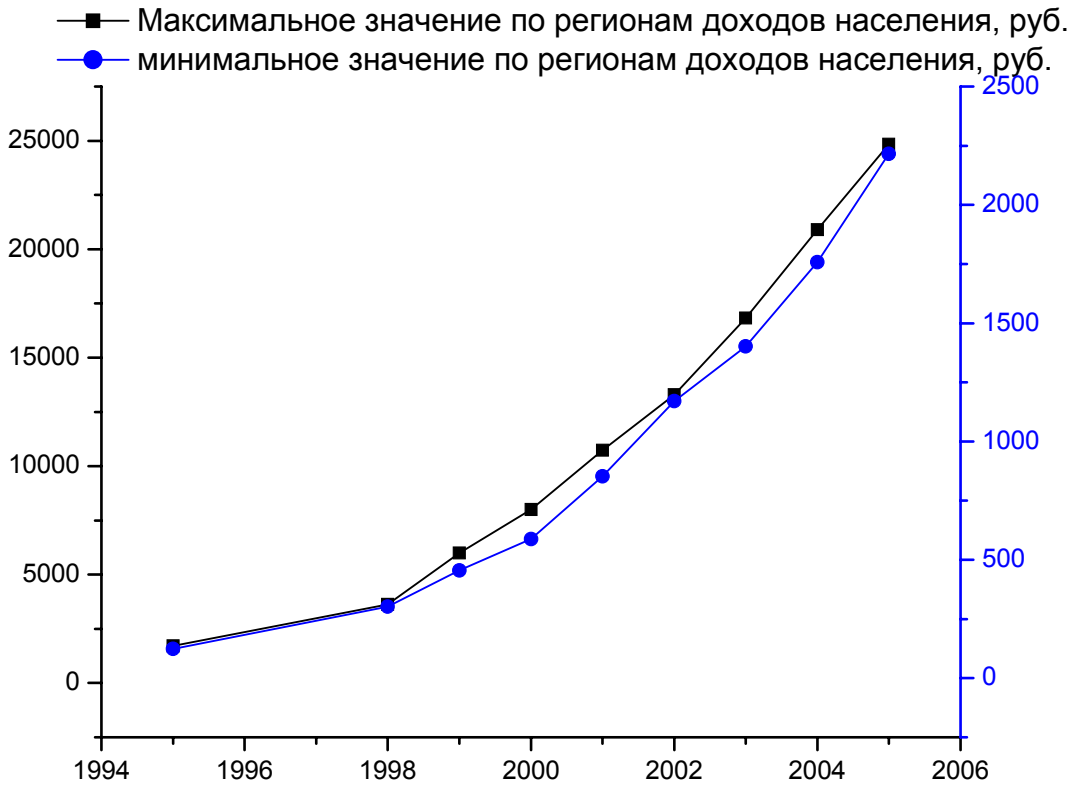


Рис. 6. Максимальное и минимальное значение доходов на душу населения в субъектах РФ с 1995 по 2005 гг., в рублях.

Существенные диспропорции в региональном развитии наблюдаются и по многим другим ключевым социально-экономическим показателям. К ним относятся:

- обеспеченность жильем;
- развитость автодорожной сети;
- объемы федеральных трансфертов на душу населения;
- уровень занятости и безработицы и другие.

Ни для кого не секрет, что важнейшим инструментарием региональной политики являются - федеральные целевые программы. За последние 5 лет наблюдаются значительные диспропорции в объемах финансирования ФЦП.

Так, например, в 2003 и 2004 годах объем финансирования программ социально-экономического развития ряда субъектов (Татарстан и Башкортостан) почти в 3 раза превышал совокупный объем финансирования программ социально-экономического развития проблемных регионов, а в 2006 г. в такое превышение было двухкратным (рис.7).

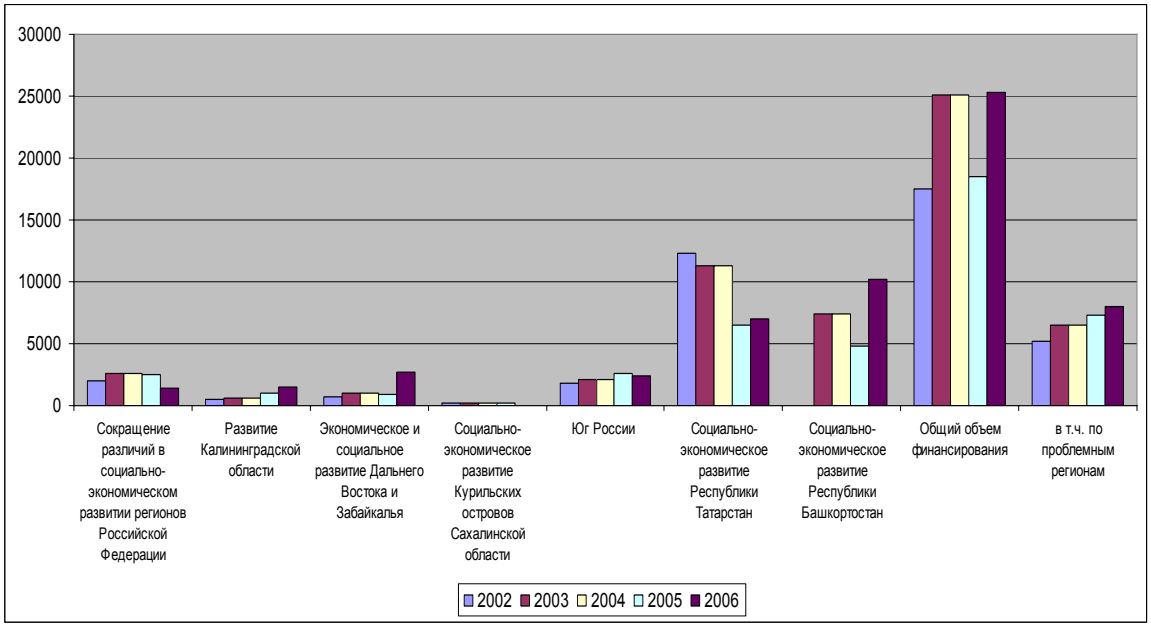


Рис. 7. Объемы финансирования федеральных целевых программ, 2002-2006гг., млн. рублей.

Анализ ФЦП и практики их реализации показывает, что к основным недостаткам ФЦП в региональной экономической политике следует отнести:

- во-первых, отсутствие четкой системы критериев отбора регионов – адресатов ФЦП, а также критериев определения объема средств выделяемых региону (регионам) в рамках ФЦП;

- во-вторых, сильные перекосы в объемах финансирования между ФЦП;

- в-третьих, низкие темпы реализации программ, отсутствие четкой системы контроля, незавершенность многих проектов, прописанных в ФЦП после выделения средств;

- в-четвертых, часто ФЦП являются предметом соперничества между регионами;

- в-пятых, при реализации ФЦП часто не достигают своей главной цели повышение экономического роста в регионе и уровня жизни населения.

Проведенный нами анализ показал, что на усиление территориального расслоения оказывает влияние в том числе и неудовлетворительное состояние государственного управления региональным развитием.

Значительные сложности создают такие проблемы как:

- неэффективность взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов (оторванность федеральных органов власти от региональных проблем, неэффективность взаимодействия в реализации целевых программ, слабое информационное взаимодействие и др.)

- неэффективность инструментов управления (отсутствие планирование размещения производственных сил и планирования расселения, несогласованность федеральных, межрегиональных, региональных и муниципальных программ, отсутствие социальных стандартов, несбалансированное разграничение предметов ведения и полномочий, несбалансированное расщепление нормативов налоговых отчислений и многие другие).

Поэтому модернизация региональной политики прежде всего должна быть направлена на совершенствование механизмов управления региональным развитием.

Результаты проведенных нами исследований с использованием математических методов моделирования показали, что достаточно эффективным инструментом управления социально-экономическими различиями между регионами является так называемое «градиентное управление» региональными налоговыми преференциями и дополнительное инвестирование «проблемных» регионов.

На рис. 8 представлены результаты расчетов по одному из 12 сценариев: рассматривалась модель снижения ставок основных налогов (на 30% от их начального уровня) и удвоение инвестиций для Сибирского, Приволжского, Южного ФО.

Этот сценарий предусматривает использование обоих механизмов для всех трех «проблемных» федеральных округов. В результате: прирост ВРП Сибирского ФО за 8 лет составил 90,20%; Приволжского ФО - 56,46%; Южного - 56,56%. ВВП России за тот же период вырос на 23,8% по сравнению с базовым вариантом развития экономики. Покрытие выпадающих доходов консолидированного бюджета России возможно за счет использования профицитных средств, а дополнительное инвестирование - за счет средств Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда.

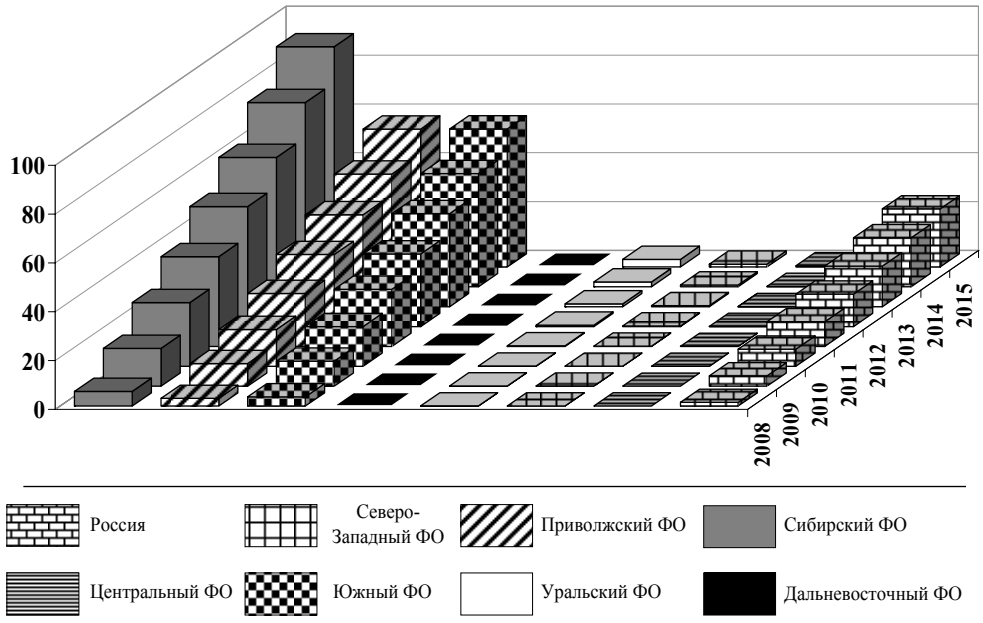


Рис. 8. Прирост в сопоставимых ценах ВРП федеральных округов и ВВП России относительно базового варианта развития экономики, в % к 2007 году.

Следует также отметить, что различные механизмы, предлагаемые для сглаживания межрегиональной дифференциации, дают разные результаты. Показано, что дополнительное инвестирование средств непосредственно в основные фонды предприятий и организаций дают более ощутимый эффект по сравнению с налоговыми преференциями.

Проведенные эксперименты показали, что выравнивание регионального развития - процесс долгосрочный, но при применении предлагаемых мер уверенный и результативный.

Рассмотренные выше диспропорции в социально-экономическом развитии субъектов РФ требуют модернизации региональной политики, которая должна иметь четкое, прозрачное содержание и обеспечиваться необходимыми материальными ресурсами.

Важно отметить, что модернизация региональной политики станет возможной только при юридическом закреплении в законодательстве общего формата действий федеральных и региональных властей по согласованной разработке перспектив территориального развития, перечня обязательных документов и требований к их содержанию, порядка использования результатов перспективных разработок в деятельности органов власти.

В этой связи в краткосрочной перспективе наилучшим решением могло бы стать принятие федерального закона «О разработке и реализации государственной региональной политики в Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации», в котором должны быть четко обозначены все процедуры и механизмы разработки принятия и использования в деятельности органов исполнительной власти субъектов

Российской Федерации прогнозов, концепций и стратегий, программ комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Необходимость принятия указанного федерального закона обусловлена и тем, что федеральные, региональные и муниципальные программы в совокупности недостаточно эффективно решают возложенные на них задачи, так как в настоящее время слабо регламентированы вопросы координации федеральных, региональных и муниципальных программ социально-экономического развития, их соотношения и взаимоувязанности.

Кроме того, сегодня требуется решить целый ряд задач. К ним относятся:

- модернизация федеративных отношений, предполагающая, наряду с повышением эффективности разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами власти, внедрение механизма согласования интересов и организации взаимодействия указанных органов власти при реализации ими полномочий по предметам совместного ведения;

– формирование системы государственных минимальных социальных стандартов с учетом региональных особенностей;

– совершенствование механизмов и процедур «бюджетного федерализма»;

– продолжение и качественное обновление муниципальной реформы;

– нормализация социальной, экономической и экологической ситуации в городах различных типов (административные центры, моногорода, ЗАТО, наукограды и др.);

– преодоление кризисного состояния сельских поселений с учетом коренных преобразований в агропромышленном комплексе;

– государственное регулирование развития регионов Сибири и Дальнего Востока;

– формирование системы полноценного информационного обеспечения разработки и многие др.

Решить обозначенные задачи предлагается с помощью комплекса нормативно-правовых актов и организационно-управленческих решений. При этом ключевыми из них являются следующие:

- ФЗ «О разработке и реализации государственной региональной политики в Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации»;
- ФЗ «О взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ по предметам совместного ведения»;
- ФЗ «Об участии субъектов РФ в формировании федерального законодательства»»
- ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;
- ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ и в ФЗ «О бюджетной классификации»;
- ФЗ «О внесении изменений в ЗФ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития»;

- ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации»;
- ФЗ «О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде»;
- ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»;
- ФЗ «О системе расселения в Российской Федерации»;
- ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О гражданстве»;
- ФЗ «О миграции»;
- ФЗ «О социальных стандартах»;
- ФЗ «О конституционном праве граждан Российской Федерации на жилище и реализации этого права на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»; ФЗ «О конституционном праве граждан Российской Федерации на охрану здоровья и медицинскую помощь и реализации этого права на федеральном, региональном и муниципальном уровнях»;
- Постановление Правительства РФ «О типовом регламенте информационного обеспечения взаимодействий государственных органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов РФ»;
- Постановление Правительства РФ, утверждающее «Положение об оценке социальных последствий реализации федеральных инвестиционных проектов и программ в субъектах РФ».
- ФЗ «О территориально ориентированной социальной деятельности хозяйственных обществ»;
- ФЗ «Об Арктической зоне Российской Федерации» вместе с пакетом подзаконных актов, регламентирующих цели и содержание «Стратегии устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации» (Указ Президента РФ), «Схемы территориального планирования Арктической зоны Российской Федерации» и «Целевых региональных программ, разрабатываемых на основе Стратегии устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации».

Важно отметить, что конечными целями разработки и реализации выделенных управленческих задач в рамках государственной региональной политики должны выступать такие как:

1) равный, достойный уровень жизни граждан (людей), независимо от региона проживания;

2) управление пропорциями экономического и социального развития регионов, ликвидация диспропорций в региональном развитии;

3) политическая устойчивость и территориальная целостность России;

4) создание условий для социально-экономического развития конкретных территорий без ущерба для других.

Таким образом, содержание региональной политики должно быть направлено на достижение указанных ценностных целей.

Согласованное и опережающее развитие транспортной системы России как фактор российской экономики*

Ярутич А. Ю.,
юрист-эксперт,
Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования

Наряду с энергетикой, связью, минерально-сырьевой базой и другими аффилированными отраслями российской экономики транспорт обеспечивает важные условия жизнедеятельности государства и общества. Он является инструментом достижения социальных, экономических, внешнеполитических, военных и других целей. Чтобы транспорт мог выполнять эти функции, его развитие должно быть согласовано с основной экономической парадигмой, опережая при этом общее экономическое развитие. «Транспорт является важнейшим элементом инфраструктуры современной цивилизации, а также инструментом реализации национальных интересов государства, обеспечения достойного места страны в мировой хозяйственной системе»[1].

На сегодняшний день Россия располагает всеми современными видами транспорта, а транспортные коммуникации по своей структуре и размещению в целом отвечают внутренним и внешним транспортно-экономическим связям страны. Транспортный комплекс России выступает системообразующим фактором экономики, основой хозяйственного и промышленного освоения территорий. Вклад транспорта в формирование ВВП составил в 2005 году 7%. Транспортная отрасль занимает по этому показателю четвертое место в России. Однако следует признать, что транспорт, и транспортный машиностроительный комплекс в частности, остро нуждается в существенном совершенствовании и преобразовании. Рост аварийности и травматизма, повышение транспортных издержек, недопустимо высокий износ технических средств, ухудшающееся состояние окружающей среды вследствие негативного воздействия выхлопных газов, убеждают в том, что транспорт России находится в кризисном состоянии. Решение этих проблем является одной из приоритетных задач российского государства.

Ценностной целью транспортной политики в сфере экономики является адекватное

***Работа является частью общего проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Разработка экономической политики и экономической доктрины РФ» // www.rusrand.ru**

[1] *Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. С. 248.*

состояние транспортной системы России, опережающей в своем развитии социально-экономическое развитие страны. А функционирование самой системы должно быть направлено на удовлетворение потребностей экономики и населения страны в перевозках; на надежный внутренний и международный товарообмен при соблюдении требований национальной, экономической и экологической безопасности; планомерное и пропорциональное развитие наземных, водных и воздушных путей сообщения на перспективу, региональную транспортную обеспеченность, а также мобилизационную готовность к выполнению перевозок в чрезвычайных ситуациях. Транспортные услуги должны стать доступными для большинства населения.

Транспорт является одной из базовых инфраструктурных отраслей национального хозяйства страны. Степень его развития и эффективность работы оказывают непосредственное влияние на взаимодействие всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, конкурентоспособность продукции отечественного производства, а также на качество жизни населения, миграцию трудовых ресурсов.

Успешный опыт США и Германии, которые благодаря интенсивному развитию транспортной инфраструктуры сумели преодолеть последствия экономического кризиса, позволяет говорить о важной роли транспорта и транспортной инфраструктуры в развитии национальной экономики[2].

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что развитие и совершенствование транспортной инфраструктуры создает предпосылки для преодоления существующих барьеров на пути экономического роста, выравнивания экономического развития отдельных регионов; оказывает стимулирующее воздействие на повышение предпринимательской активности и конкуренции на рынке, на приток инвестиций и квалифицированных кадров.

В этой связи создание нормативной правовой базы транспортной деятельности, отвечающей складывающимся в России социально-экономическим условиям, является одной из важнейших задач государства.

Острой проблемой на сегодняшний день является проблема финансирования путей сообщения, в первую очередь железнодорожных и автомобильных. Анализ различных схем финансирования транспортной инфраструктуры Российской Федерации показывает, что применяемые в России схемы финансирования автомобильного и железнодорожного транспорта должны постепенно сближаться. Железнодорожный транспорт можно сравнивать с автомобильным, поскольку объемы их инвестирования сопоставимы (в 2004г. в автодорожное строительство инвестировано около 122 млрд. руб., в железнодорожную инфраструктуру - около 140 млрд. руб.).

В железнодорожную инфраструктуру следует больше вкладывать средств федерального бюджета, а автомобильный транспорт должен больше использовать

---

[2] *И. Наумов «Америку построили вдоль дороги. Интервью с Министром транспорта И.Е. Левитиным». Независимая газета 29.04.2005*

«пакетный» метод, то есть включать строительство дорог в комплексные проекты коммерческого характера[3].

В целом, применительно к современным российским условиям, ускоренные государственные вложения в транспортную инфраструктуру, особенно железнодорожную, являются настоятельной необходимостью для достижения долговременного экономического роста. Расхожее мнение о том, что уровень инфляции в России при этом резко возрастет, не имеет под собой оснований.

Из расчетов, проведенных сотрудниками Центрального экономико-математического института и Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, вытекает, что инвестиции в железнодорожную инфраструктуру однозначно снижают инфляцию, независимо от лага времени, вплоть до шестилетней задержки (рис.1).

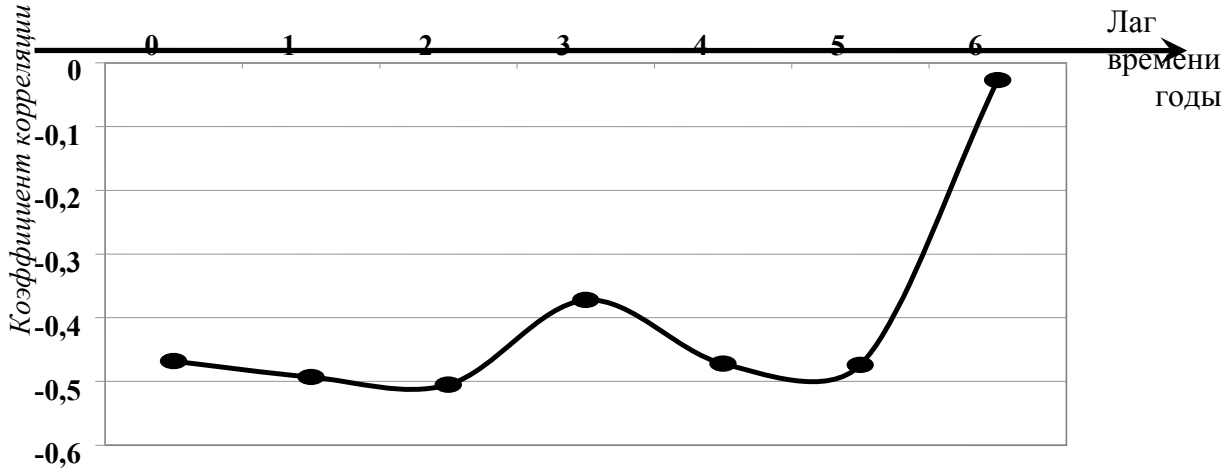


Рис.1. Корреляционная связь инвестиций в железнодорожную инфраструктуру и индекса инфляции

В случае автодорожного строительства подтверждается коррупционная природа инфляции. В то же время данные расчеты свидетельствуют об относительном отсутствии масштабной коррупции в железнодорожном комплексе и показывают возможности здорового экономического механизма по снижению инфляции.

Рассматривая проблемы финансирования путей сообщения, нельзя оставить за рамками обсуждения вопрос финансирования трубопроводных транспортных мегапроектов. Значимость трубопроводного транспорта для Российской Федерации определяется значительной удаленностью основных месторождений нефти и газа от

[3] *Якунин В.И., Бахтизин А.Г., Сулакшин С.С. К обоснованию политики бюджетного инвестирования в транспортные инфраструктуры общего пользования // Транспорт. Наука. Техника. Управление. ВИНИТИ, 2006, №12, с.3-9.*

потребителей, а также высокой долей нефти, нефтепродуктов и газа в экспортном балансе России[4].

Мегатранспортные проекты носят несбалансированный характер, и риск неэффективности многомиллиардных затрат совершенно реален. Одной из причин несбалансированного характера мегатранспортных проектов является отсутствие согласованности на межотраслевом уровне, а также отсутствие механизма экспертной верификации мегапроектов, таких, например, как нефтепроводная система Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО). Суммарные капитальные вложения в строительство этой нефтепроводной системы составляют более 330 млрд. руб. (на заполнение технологической нефтью около 17 млрд. руб.).

При этом альтернативные варианты транспортировки нефтепродуктов даже не рассматриваются. В то же время вложение аналогичных инвестиций в строительство железнодорожной инфраструктуры по аналогичным направлениям позволило бы, помимо собственно транспортировки нефтепродуктов, решить целый комплекс проблем, в том числе и стратегических, таких как создание единого экономического пространства в Российской Федерации. Этот вид перевозки менее рискован, чем нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан почти в 3,5 раза. Финансовое обеспечение реализации этого инвестирования должно быть закреплено в Федеральном законе «О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде» и Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы нового транспортного строительства и модернизации путей сообщения в РФ на период до 2020-2030 гг.».

Здесь же необходимо упомянуть проблему, напрямую связанную с развитием трубопроводной системы и российской экономики в целом. Это отсутствие долгосрочных прогнозов добычи полезных ископаемых, в частности нефти и газа. На сегодняшний день вопросы упорядочения доступа к трубопроводной системе остаются практически без внимания. В сложившейся ситуации необходимо принятие Федерального закона «О магистральном трубопроводном транспорте», в котором должны быть установлены принципы использования магистрального трубопроводного транспорта и порядок доступа к нему.

В период радикальных российских реформ транспорт фактически не рассматривался как единый объект государственного управления. Это было вызвано тремя основными причинами. Во-первых, необоснованная децентрализация управления на таких видах транспорта, как авиационный, автомобильный, водный привела к тому, что мы имеем на сегодняшний день малоэффективный конгломерат предприятий с большим числом посреднических структур. Статистика показывает зависимость экономического подъема от степени централизации: железнодорожный и трубопроводный транспорт наиболее сосредоточены в руках государства и наименее

---

[4] Якунин В.И., Арбатов А.А., Порфирьев Б.Н., С.С.Сулакшин. Энергетический вектор Восточной геополитики России. Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона // М.: Экономика. 2006.

децентрализованы и приватизированы, поэтому там можно видеть положительный экономический эффект (рис.2).

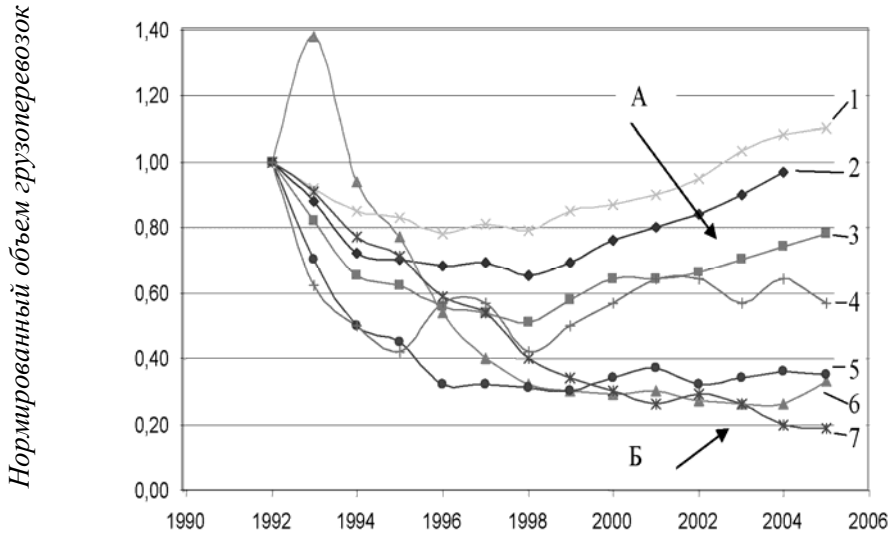


Рис. 2. Нормированный к значениям в 1992 г. объем грузоперевозок различными видами транспорта (1 - трубопроводный, 3 - железнодорожный, 4 - воздушный, 5 - внутренний водный, 6 - автомобильный, 7 - морской; 2 - ВВП), группа «А» – централизованные и государственно-регулируемые виды транспорта, группа «Б» – либерализованные виды транспорта

Второй причиной отсутствия единого видения транспортной политики является несогласованность, неэффективность управления развитием отдельных видов транспорта в их комплексе. Трубопроводный транспорт не входит в компетенцию Министерства транспорта РФ. Несмотря на то, что по своей сущности это полноценный транспорт, тем не менее, законодательно он находится в ином режиме управления, нежели другие виды транспорта, и входит в компетенцию Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору Министерства промышленности и энергетики РФ и Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Однако, по сути, он почти безнадзорен, т.к. нет четкого обозначения федерального органа исполнительной власти, в ведении которого находился бы трубопроводный транспорт, нет законодательно заданного поля ответственности. В сложившейся ситуации необходимо передать трубопроводный транспорт из ведения Министерства промышленности и энергетики РФ в ведение Министерства транспорта РФ. Для этого потребуется ряд оперативно-управленческих мер, а также внесение изменений в Указы Президента «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», а также в Положения о данных министерствах.

Одной из угроз развитию согласованной, опережающей и обеспечивающей общее социально-экономическое развитие страны транспортной системы России является физический и моральный износ основных фондов. В 2004 году износ

основных фондов по всем видам транспорта в среднем был на уровне 55-65 % и до сих пор продолжает стремительно увеличиваться. Так, по данным на 2006 год на железнодорожном транспорте нарастание износа основных производственных средств продолжается с темпом 3,7 % в год, подвижного состава - 7,1 % в год, вспомогательного оборудования - 4,6 % в год[5]. В результате нарушения воспроизводственных процессов в течение последних 10-15 лет наблюдается устойчивая тенденция физического старения инфраструктуры и парка транспортных средств. Все большая доля их эксплуатируется за пределами установленного срока службы. Это ведет к снижению уровня безопасности транспортного процесса, росту транспортных издержек и может стать причиной возникновения дефицита провозных и пропускных возможностей в отдельных элементах транспортной системы. Технико-экономические характеристики большинства эксплуатируемых транспортных средств, в том числе и новых, поставляемых транспортным машиностроением, существенно ниже мирового уровня. В транспортной инфраструктуре наиболее существенно отставание в применении современных транспортных технологий, а также в информатизации транспорта. Следствием этого являются высокий уровень издержек, транспортной аварийности и негативного экологического воздействия транспорта на окружающую среду. На внешних транспортных рынках в условиях постоянного ужесточения технических требований к транспортным средствам снижается конкурентоспособность отечественных перевозчиков.

Для обеспечения расширенного воспроизводства основных фондов транспорта России в целях содействия устойчивому экономическому развитию страны необходимо установить в качестве приоритетного источника финансирования Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд Российской Федерации.

Проблема износа основных фондов тесно связана с транспортной безопасностью. Развитие транспорта является первоочередной и приоритетной задачей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. «В связи с необходимостью укрепления российской государственности, учитывая реалии и особенности социально-экономического и политического развития России, а также поиска путей сбалансированного сочетания государственных интересов и прав личности в области транспортной безопасности, вопросы формирования государственной политики транспортной безопасности стоят очень остро»[6].

На планете ежегодно неестественной смертью заканчивается жизнь миллионов людей, причем транспортный фактор в этих потерях занимает далеко не последнее место. Статистика российских ДТП особенно неблагополучна. Из всех видов

---

[5] Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. / В.И.Якунин, С.С. Сулакшин, Б.Н. Порфирьев и др.; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Наука, 2006. С. 52.

[6] Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. / В.И.Якунин, С.С. Сулакшин, Б.Н. Порфирьев и др.; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Наука, 2006. – 432 с.

транспорта наибольшее число аварий, раненых и погибших составляет именно автомобильный (рис. 3).

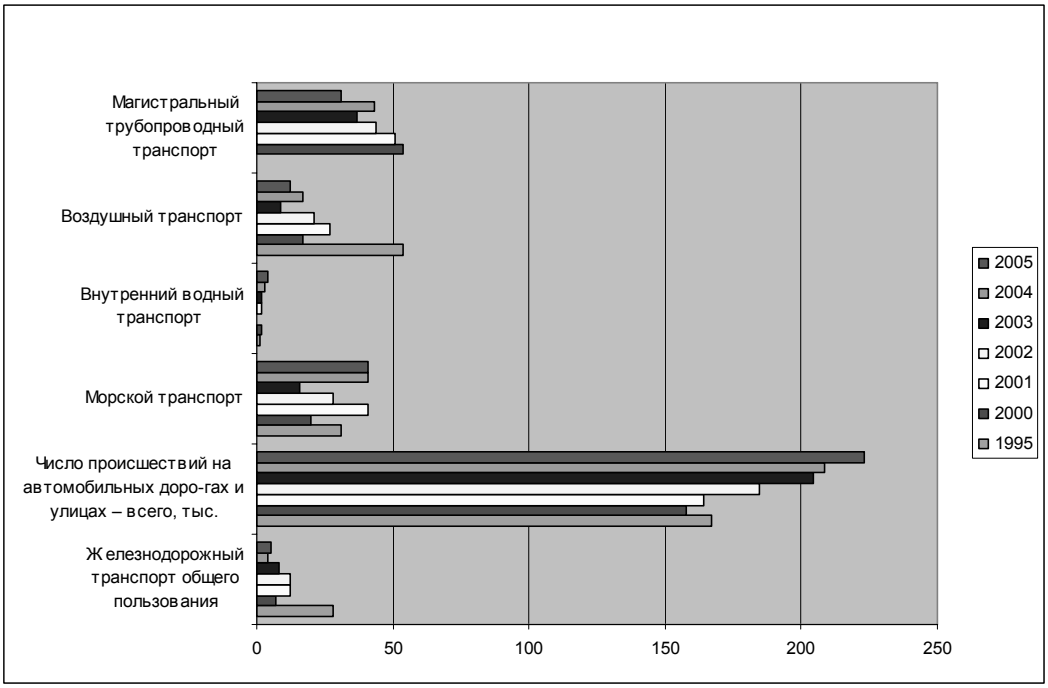


Рис. 3. Число происшествий на транспорте и пострадавших в них
Источник: Основные показатели транспортной деятельности в России: 2006. Росстат. М., 2006. – 95 с.

Это единственный вид транспорта, по которому в системе Минтранса не создано федеральное агентство - сформировать его насущно необходимо. Российская Федерация постепенно выходит на 1-е место в мире по количеству ДТП и жертв ДТП в год. Структуры МВД явно не справляются с обеспечением безопасности дорожного движения, в связи с чем требуется передать эти функции Ространснадзору. Это является более логичным и позволит более эффективно предпринять меры по борьбе с тотальной коррупцией в этой сфере.

Транспортный комплекс России по-прежнему остается одним из самых значительных факторов, загрязняющих окружающую среду, по сравнению с другими отраслями экономики. Его воздействие многообразно и проявляется прежде всего в загрязнении атмосферного воздуха, почв, поверхностных вод, воздействии шума, вибраций на здоровье населения, в отчуждении значительных площадей под строительство объектов транспортной инфраструктуры. Защита окружающей среды от чрезмерных экологических нагрузок со стороны транспорта является одной из первостепенных задач государства.

В масштабах России вклад транспортного комплекса в сброс со сточными водами вредных веществ в поверхностные водные объекты и в образование промышленных отходов невелик и составляет всего лишь 2-3 %. В то же время в шумовом воздействии на население роль транспорта является ведущей: его доля среди всех источников шума на различных территориях достигает 80-95 %. Значительно влияние транспорта и на загрязнение атмосферы. В среднем по России

вклад транспорта в загрязнение атмосферного воздуха составляет 40-45 %, а в крупных городах – до 90 %.

Основную проблему загрязнения воздушной среды создает автомобильный транспорт. На его долю приходится 90 % всех выбросов вредных веществ от транспорта. По экологическому ущербу (загрязнение воздуха, шум, климат) автомобильный транспорт первенствует во всех видах негативного воздействия на окружающую среду: шумовая нагрузка – 49,5 %, воздействие на климат – 68 %, загрязнение атмосферного воздуха – 71 %.

Здесь важной задачей государства в области автомобильного транспорта является обновление парка. Стимулом к этому является ужесточение международных экологических требований к выбросам транспортных средств. Повышение требований к техническому состоянию автомобильного парка (Евро-3, Евро-4) вынуждает собственников предприятий транспорта проводить модернизацию основных фондов, что непосредственно влияет на инновативацию российской экономики.

Вопросы развития системы надзора и контроля в сфере безопасности на транспорте являются также одними из приоритетных задач современной России. Главная проблема государственной системы обеспечения транспортной безопасности заключается в отсутствии единого координирующего органа на разных стадиях обеспечения транспортной безопасности. Для решения данной проблемы необходимо на нормативном уровне определить механизм взаимодействия между Министерством транспорта РФ и Федеральной службой по надзору в сфере транспорта РФ по контрольным и надзорным вопросам этих органов: порядок инициирования необходимых нормативных правовых актов Ространснадзора через Минтранс России, вопросы осуществления обмена данными и информацией. Данные изменения коснутся Указа Президента РФ от 9 марта 2004г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», Указа Президента РФ от 24 сентября 2007 г. № 1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти», а также Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта РФ по вопросам предоставления руководителю Ространснадзора полномочий по назначению на должность и освобождению от должности своих заместителей, руководителей территориальных органов Ространснадзора, а также по наделению Ространснадзора полномочиями по надзору в сфере горэлектротранспорта.

Еще одной из значимых проблем транспортной безопасности является мобилизационная готовность российского транспорта. Транспорт остается важной составной частью военно-экономического потенциала России. В мирное время он должен быть готов к выполнению чрезвычайных ситуаций не только экономических, но воинских и эвакуационных перевозок. В связи с этим обеспечение мобилизационной готовности транспорта должно оставаться одной из важнейших государственных задач обеспечения транспортной безопасности. Однако, мобилизационная готовность транспортной системы России, особенно отдельных видов транспорта, в частности автомобильного транспорта и транспортного флота, является неудовлетворительной.

Для решения этой проблемы нормативно-правовыми актами должен быть четко определен порядок выдачи транспортным средствам, принадлежащим частным компаниям, мобилизационных заданий и система их отзыва в случае необходимости. Таким актом должно стать Постановление Правительства РФ «Об использовании транспортных средств для мобилизационной подготовки и мобилизации».

Рассматривая проблемы транспорта как обеспечивающего сегмента российской экономики, нельзя не отметить проблему так называемого «тарифного насоса». Дело в том, что железнодорожный транспорт перевозит много однотипных грузов вполне конкретных и даже монопольных грузовладельцев. Это нефтяники, угольщики, металлурги, лесники и т.д. Если цены на их продукцию государство не ограничивает и их рентабельность достигает десятков процентов, то тарифы на услуги железных дорог ограничены и в итоге его рентабельность в разы меньше. Происходит перекачка доходности из транспортной в вышеобозначенные сырьевые отрасли и даже можно говорить к каким конкретным хозяйствующим субъектам. То же самое происходит, когда тарифы на электроэнергию растут темпами, не сбалансированными с интересами развития железнодорожного транспорта, как крупнейшего энергопотребителя.

В России на сегодня сильно занижены как грузовые, так и пассажирские транспортные тарифы (рис. 4).

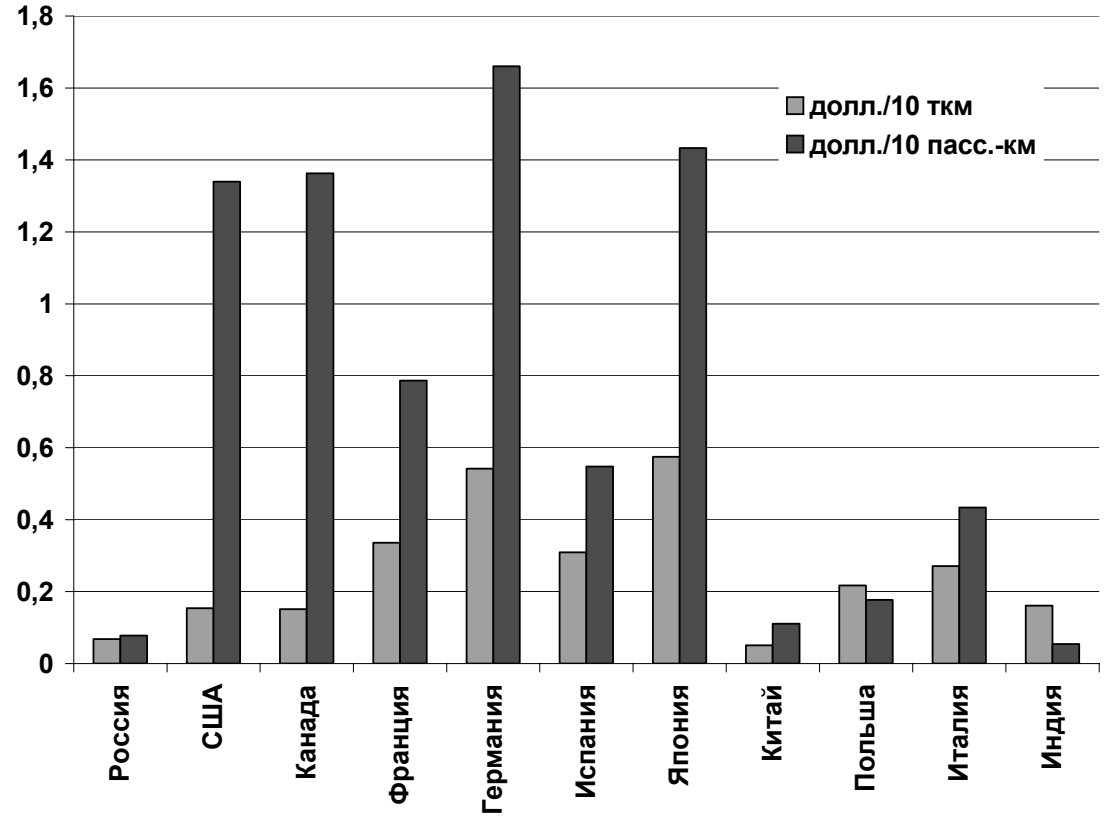


Рис. 4. Средние доходные ставки по действующим тарифам на железных дорогах России и зарубежных стран (по курсу национальных валют к доллару США).

Доходы населения в России примерно в три раза ниже, чем в сопоставимых странах, и больше платить российский пассажир не может. Таким образом, по факту получается, что для государства уровень жизни населения и развитие транспорта (производное от его рентабельности) менее важно, чем сверхдоходы сырьевиков или электроэнергетиков. Это связано с тем, что тут пока работает достаточно эгоистичный отраслевой лоббизм, а стратегичной государственной экономической политики пока нет. Поэтому для поднятия уровня тарифов на пассажирские перевозки до среднего мирового предлагается принятие целого ряда мер, в частности Федерального закона «О доходах и оплате труда», который будет предусматривать повышение уровня доходов и оплаты труда.

На практике многие монопольные субъекты сходятся во мнении, что необходимо не просто совершенствовать действующую систему тарифов, а создавать принципиально новую. Она должна основываться не на показателях инфляции (потребительской инфляции), а на реальных издержках субъектов естественных монополий, ориентироваться на процесс эффективного межотраслевого управления рентабельностью, вытекающего из активного целеположенного управленческого выбора государства. На сегодняшний день этого не происходит.

В тарифообразовании отсутствует прозрачный механизм управления рентабельностью. В России давно сложилась практика, когда естественные монополии «защищают» свои предложения по тарифам, не предоставляя регулирующим органам исчерпывающей информации, которая бы обосновывала структуру доходов и расходов субъектов естественных монополий, и зачастую используют административный ресурс для продавливания своих интересов. Для того чтобы обеспечить прозрачность механизма тарифообразования, необходимо законодательным образом обязать субъекты естественных монополий раскрывать информацию, необходимую для определения ставок тарифов. Необходимо, чтобы субъекты естественных монополий предоставляли Федеральной службе по тарифам полную расшифровку себестоимости своих услуг (товаров) с учетом желаемой рентабельности и инвестиционной составляющей. Только в этом случае у ФСТ будет реальный механизм установления экономически обоснованных «прозрачных» тарифов. В рамках рассматриваемой проблемы требуется принятие Постановления Правительства РФ «Об управлении рентабельностью транспортной отрасли».

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день транспортная политика в Российской Федерации остро нуждается в глубокой и всесторонней модернизации. В условиях коренного реформирования экономики России нужна продуманная государственная транспортная политика, учитывающая особенности транспорта и его роль в экономических и социальных процессах.

Россия и Запад. Что нам ждать от XXI века

Асонов Н.В., к. и. н., доц. МосУ МВД России

Развитие событий последних лет оправдывает прогноз политологов, считающих, что XXI век пройдёт под знаменем борьбы цивилизаций за выживание. Сохранится на земле цивилизационное многообразие или нет – вот главный вопрос современной политической жизни. России в нём отведена далеко не последняя роль.

Сейчас, после того как СССР прекратил своё существование, перед Россией встал новый исторический выбор. Если наша страна сумеет отстоять своё право на самостоятельный путь социально-политического развития, тогда можно говорить о сохранении на планете цивилизационного многообразия. Если Россия, как самое большое государство мира, будет раздавлена культурой Запада, который с конца 80-х годов прошлого века усиленно вторгается во все области нашей социально-политической жизни, к концу столетия следует ожидать уничтожения всех прочих цивилизаций. Причём, произойдёт именно их уничтожение, а не гармоничное слияние. Будет установлена единая планетарная власть. Она определит единый социальный стандарт, который уничтожит демократическое право на свободный выбор системы социально-политических ценностей.

Ситуация для России осложняется ещё и тем, что её национально-религиозное и геополитическое положение представляет прямой интерес для тех, кто рассматривает её территорию и население как поле для воплощения в жизнь своих глобальных политических интересов. Согласно С. Хантингтону, Россия возглавляет одну из самых больших и древних цивилизаций – славяно-православную. Эта цивилизация, в сущности, не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Она всегда оставалась самодостаточным и глубоко национальным образованием, политические идеалы которого покоились на сочетании народных республиканско-вечевых традиций и принципов авторитаризма, зафиксированных в VI в. Пятым Вселенским Собором как «симфония» двух властей в виде священства и царства. Юридическая база данной цивилизации была также дистанцирована от правовой системы ценностей Востока и Запада.

В уничтожении славяно-православной цивилизации как опасного конкурента весьма заинтересованы прежде всего США. Там не обращают внимания на то, что около 85 % населения России исторически связано с восточным христианством и обладает собственным этно-религиозным психотипом, тяготеющим к сближению с православными народами Восточной и Юго-Восточной Европы. А ведь свои виды на Россию, помимо Запада, имеют ещё арабо-мусульманская и конфуцианская (тихоокеанская) цивилизации. Борясь с Западом за выживание, они стремятся к максимальному сокращению

эндемического поля нашей страны и расширению за наш счёт своего сплошного геополитического поля. На первом этапе они согласны на создание пусть даже небольших точечных полей, но обязательно подчинённых их культурно-политическим интересам. Для этой цели данные цивилизации стараются максимально использовать либеральные принципы «открытого общества», позволяющие их людям внедряться на чужую территорию и создавать культурные центры, агитируя местное население в свою пользу.

Гибель или, в крайнем случае, ослабление России как чуждого им самостоятельного в политическом отношении культурно-исторического явления неизбежно приведёт к усилению могущества соседних цивилизаций, превратив территорию нашего государства в зону жесточайшей борьбы между Востоком и Западом. Дело в том, что, начиная с XVII в., Россия выступает в роли единственной «географической оси истории»,[1] обладающей не только огромной территорией, но и значительными запасами полезных ископаемых. Россия, согласно англо-американским исследователям, представляет собой уникальный «HEARTLAND», или «сердце мира». «Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром».[2] Поэтому наше право на суверенное культурно-политическое развитие влечёт за собой победу славяно-православной цивилизации и потерю уже завоёванных позиций для Запада и Востока.

Как известно, со времён Горбачёвской перестройки, движение правительства нашей страны в сторону Запада шло без должной критики того, что нам предлагалось. Это дало возможность многим представителям романо-германского мира говорить о культурном «завоевании» России. Когда это «завоевание» в последние годы было заметно приостановлено, противники политического и культурного возрождения нашего государства стали говорить об «измене» правительства В.В. Путина делу демократии. Ими, вопреки всем фактам, подчёркивалось, что «план Путина сводится к тому, чтобы склеить заново часть черепков бывшей России… для возвращения знаменитого Третьего Рима, который должен покорить вершины мировой власти».[3]

Поддерживая в социально-политических институтах Российской власти правых радикалов, по разным причинам отрицательно настроенных к истории нашего государства и к его религиозно-национальной специфике, Запад целенаправленно навязывает через них негативное восприятие России как второстепенной страны, неспособной самостоятельно гуманизировать свои общественные отношения. В сознание масс внедряется принцип самоуничижения и вины за прошлые преступления России, словно в истории более тяжких преступлений никто не совершал. Нам предлагается перестать «удерживать образ России в центре собственных представлений о мире» и «взглянуть на себя как на живущую на отшибе европейской цивилизации провинцию, являющуюся скорее объектом истории, чем её субъектом».[4]

---

[1] *Маккиндер Х. Дж*. Географическая ось истории //Полис. 1995 № 5.
[2] *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 2000. С. 44.
[3] *Кьеза Дж. Война империй: Восток – Запад. М., 2006. С. 150.*
[4] *Фадин А. В. Третий Рим в третьем мире. СПб., 2001. С. 86*

Так, подогревая у наших граждан рост политического пессимизма в отношении к собственной стране, Запад проталкивает выгодную для себя доктрину глобализации как спасительную альтернативу. Целый ряд ведущих международных исследователей убеждают нас в том, что движение в сторону МОНДИАЛИЗМА* является единственно возможным курсом мирового развития. Традиционная история, основанная на противоборстве различных политических систем, якобы подошла к своему логическому концу. Старые социально-политические ценности разрушены. Настало время формирования новых универсальных ценностей, удобных для всего человечества.[5] Понижение нравственно-этического уровня граждан, вызванное подобной «универсальностью», не беспокоит приверженцев мондиализма.

Западными аналитиками выдвигаются радикальные проекты создания на базе имеющихся государств 12–15 региональных федераций с единой политической, экономической и социокультурной организацией власти, которые в ближайшем будущем должны оказаться строительными блоками нового «мирового порядка». Объединение Европы лишь первый шаг на пути к поставленной цели. Следующим шагом в данном направлении станет создание «системы глобального уровня», способной оторвать граждан иных цивилизаций от своих национально-религиозных корней. Объясняется это тем, что «Национальное государство не может более идти наравне с ходом времени» и извлекать для себя необходимые экономические выгоды.[6]

Согласно данным авторам, «новая революционная экономика» сумеет преобразовать не только бизнес, но и всю сферу государственного управления. По их мнению, человечество уже подошло к созданию современной политической организации будущего – «АД-ХОКРАТИИ».[7] Институциональная основа этого мирового правительства создана. Известно, что в экономической сфере её представляют Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). А сфера политического управления со второй четверти XX в. опирается на «Совет по международным отношениям» (Councilon Foreign Relations), сокращённо CFR. Его цель – формирование единого мирового правительства и полная социальная унификация планеты по стандарту, заданному из США. Для этого в помощь Совету был создан особый Бильдербергский клуб, состоящий из членов CFR, а затем к нему прибавилась «Трёхсторонняя комиссия» (Трилатераль). Её возглавили лидеры первых двух политических институтов, для которых «после разрушения коммунизма главным врагом Америки осталось Русское Православие».[8] Чтобы ускорить процесс образования региональных федераций и установить за ними постоянный контроль, Трилатераль организовала свои штаб-квартиры не только в США и Европе, но и в Японии.

---

[5] Подробнее см.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004; Он же. Великий разрыв. М., 2004; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004; Медоуз Д. За пределами роста //Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. №5.

[6] См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 292-310.

[7] Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 145.

[8] Бжезинский З. Независимая газета от 14. 02. 1997.

****Мондиализм (от фр. Mondial – мир, всемирный) политико-идеологическое направление, отстаивающее переход от множественности цивилизаций, государств, народов и культур к единому глобальному стандарту Западного типа во главе с политической закулисой США.***

Нетрудно заметить, что это как раз те центры, вокруг которых идёт социально-политическое объединение планеты. Параллельно с этим идёт уничтожение этноцивилизационного многообразия политических систем, выработанных историческим опытом других стран и отражающих их национально-государственную и этнопсихологическую специфику. Все они рассматриваются идеологами ад-хократии как порождение «тёмных веков» доиндустриальных обществ. По их мнению, эти культуры узколокальны, иррациональны по своей природе и не соответствуют общемировой динамике развития. Поэтому все цивилизации, за исключением Атлантического Запада, враждебны принципам «подлинной» либеральной демократии, следовательно, не имеют права на существование.

С точки зрения такого крупного специалиста в области мондиализма, как Э. Тоффлер, на современном этапе «основная идеологическая борьба будет идти … между демократией XXI в. и мракобесием Тёмного XI в.».[9] Другой известный американский политолог - Ф. Фукуяма поясняет, что к демократии XXI в. можно относить только тот опыт, который был наработан политической теорией и практикой США, начиная с 1776 г.[10] Всё, что противоречит принципам либеральной демократии в американском духе, рассматривается идеологами мондиализма как заблуждение, проще говоря, – ересь, и потому лишается права на дальнейшее развитие. Подобные рассуждения помогают понять всю опасность тотального движения России в сторону Запада. Нас убеждают в том, что национальная культура России, включая её политическую культуру, интересует Атлантическую цивилизацию исключительно как «музейный экспонат». Он должен показать миру очередной тупиковый путь в развитии государства и власти.

Вот почему сторонники глобализации и у нас, и за рубежом не спешат делать взвешенный и конструктивный анализ истории развития властных отношений в России. Они обходят молчанием удачный опыт государственного и общественного управления, созданный отечественной политической мыслью, даже в том случае, когда это касается вопросов демократической организации общества. Они закрывают глаза на очевидные факты, демонстрирующие жизнеспособность российской политической системы, в течение веков «державшей щит меж двух враждебных рас монголов и Европы». В этом опасном желании уйти от научной дискуссии и навязать свой взгляд любой ценой кроется теоретическая несостоятельность всей концепции антироссийского мондиализма.

Подобный факт заслуживает тем большего удивления, что уже сейчас теоретические выкладки приверженцев ад-хократии на практике начинают терпеть серьёзные сбои. Многие из тех, кто первоначально поддерживал теорию мондиализма, в настоящий момент официально не разделяют на этот счёт социального оптимизма Ф. Фукуямы и лозунгов Вест-Пойнтского манифеста Президента Буша.[11]

Программа глобализации отбросила Россию в её развитии назад. Те трудности, которые переживает наша страна со времён Горбачёвской перестройки, стали прямым следствием копирования основных Западных стандартов, подававшихся как некий

---

[9] Тоффлер Э. Метаморфозы власти. С. 470.
[10] См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 95.
[11] См.: Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003; Хантингтон С. Кто мы? М., 2004;Бьюкенен П. Правые и не-правые. М., 2006.

«универсальный» тип, обязанный облегчить для России движение вперёд. Здесь может напрашиваться только один вывод: если «Россия получила совсем не то, что обещали» и её «перспективы на будущее мрачны»,[12] значит, в будущее ей надо идти своей дорогой, опираясь на собственный государственный опыт, давно доказавший свою правоту. В этой связи, видимо, уместно обратить внимание на концепцию А.И. Солженицына «Сбережение народа».

По мнению А. И. Солженицына, именно реформы М.С. Горбачёва отбросили само понятие и сознание государственности и власти. Безграничные права, к реализации которых решило вслед за Западом идти российское общество с конца 80-х годов прошлого века, были и у пещерного человека. Однако кроме деградации личности, они ничего не могли произвести. Для обуздания в человеке зла пришлось ограничить его права - создать государство и государственную власть. Ослабление роли государства и власти, переживаемое в настоящий момент, и резкое падение нравов взаимосвязаны. Они имеют общую природу – избыток социальной свободы. По мнению этого мыслителя, Запад стремится не только дестабилизировать внутреннее состояние России. Его цель - оторвать от России страны ближнего зарубежья, «привязать» их к себе и таким образом осуществить её полное окружение. Это неизбежно приведёт Россию к потере суверенитета. Следовательно, все её богатства, включая народонаселение, окажутся в полной зависимости от Запада, в первую очередь от США.

Ещё пятнадцать лет назад, когда тотальная либерализация у нас только делала свои первые шаги, известный русский философ А.А. Зиновьев, сидя в Германии, писал, что Запад никогда не допустит Россию в свой круг. Ему не нужна Великая Россия как конкурент. Место и роль всемогущего Запада уже давно заняты. Он сам рассматривает себя в качестве «мирового престола», и самое большее, на что могут рассчитывать другие народы, «это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причём на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад».[13]

Поэтому Западу во всех отношениях выгодно не поднимать Россию до собственного уровня, делая её равным партнёром, а «выдавливать» её в стан государств «третьего мира», которые «во имя высшей экономической рациональности» должны отказаться от права на политическую, экономическую и культурную самостоятельность. Как справедливо отметил академик А.С. Панарин, если ещё вчера, стремясь к победе над СССР и его союзниками, Запад «обещал миру перспективу единого постиндустриального общества, решающего не только проблему изобилия, но и застарелую классовую проблему», сегодня им «выдвинута расистская концепция “золотого миллиарда”». Реализуя её, Запад «реанимировал все прежние инстинкты дикого капитализма и колониализма». «Не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших, активизирует худших, выдавая их за современный человеческий стандарт. (…) Такая стратегия победителей чревата глобальным гуманитарным риском для всего человечества – его

---

[12] *Стиглиц Дж. Глобализация: … С. 165.*
[13] *См.: Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М., 2007. С. 20.*

катастрофическим духовным и нравственным обеднением. (…) Которое поневоле превратит этот порядок в заложника голой полицейской силы».[14]

На этом основании с полной уверенностью можно предположить, что если политическая власть в России продолжит активное движение в сторону интеграции с цивилизацией Атлантического мира, она неизбежно приведёт свой народ к духовно-нравственному оскудению и спровоцирует дальнейший рост преступности. Кроме того, подобный политический курс выльется в конфликт власти с лучшими представителями российского общества, настроенными на дружбу с Западом, но мечтающими о сохранении своих исконных ценностей, соответствующих культурному и психологическому менталитету коренных народов России, составляющих её душу и плоть.

В сложившихся условиях научное освоение и адаптация национального политического наследия к современным условиям должны стать первоочередной задачей не только общественных наук, изучающих вопросы государственного строительства, но и власти. Знакомство с положительным политическим опытом России широких слоёв граждан поможет укрепить в них чувство уважения к своей стране и её власти, разовьёт чувство патриотизма. Как справедливо отметил Г.Ю. Семигин, на всём протяжении исторического пути России «отечественная государственность сохраняла некие черты, присущие только ей... Ни время, ни заимствования не меняли этого обстоятельства. Исторический опыт российской власти – это тот источник, из которого может и должна черпать власть настоящая».[15]

Данной теме должна подчиняться идеологическая концепция подготовки управленческих кадров страны, а также концепция гражданского образования и воспитания. Неслучайно на этот важный аспект неоднократно обращал своё внимание Президент России, анализируя его под разными углами социально-политической целесообразности. В частности, в июне 2007 г. он выступил против недопустимости самоуничижения России. «Нельзя позволить, - заявил Президент, - чтобы нам навязали чувство вины», умышленно забывая о «чёрных страницах» в истории других государств. В своём публичном выступлении ещё в октябре 2003 г. он прямо указал на необходимость более внимательного изучения национальной истории. Без освоения истоков российской государственности мы не поймём специфики нашей страны и не сумеем поставить её на службу современной политической ситуации. Превратимся в разрушителей великой державы, на месте которой по нашей вине уже в ближайшее время могут возникнуть филиалы соседних цивилизаций – победительниц.

---

[14] *Панарин А.. С. Правда железного занавеса. М., 2006. С. 14, 216-217, 225.*
[15] *Семигин. Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005. С. 22.*

Российское государство в системе религиозных и светских ценностей

Орлов И.Б., д.и.н., проф. ГУ-ВШЭ

Россия есть самостоятельная ценность в мире,
не растворимая в других ценностях …»
(Бердяев Н.А. «Война и кризис интеллигентского сознания»)

Если рассматривать ценность как значимость объектов окружающего мира для человека, группы или общества в целом, то система ценностей предстает как «мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более высокому и непреходящему, чем его собственное эмпирическое существование»[1]. Жизнь отдельного человека приобретает смысл именно благодаря приобщению к миру ценностей. При этом, как подчеркивал Н.А. Бердяев, «ценности исторические предполагают жертву людским благом и людскими поколениями во имя того, что выше блага и счастья людей и их эмпирической жизни»[2].

Возникает вопрос: является ли государство такой исторической или политической ценностью? Справедлива ли формула: «Не будет государственности – не будет ничего другого»? Конечно, место и роль собственно государства в ценностной системе во многом зависит от общей мировоззренческой установки эпохи, то есть от того, что выдвигается в качестве высшей ценности. В частности, понятие «власти» в российской традиции тесно смыкается с понятием «государства». Оба этих конструкта существуют практически неразделимо в массовом сознании.

Необходимо различать ценности, носителем которых выступают государство и общество, и ценность самого государства как института и идеи. В своем докладе я бы хотел остановиться на проблеме ценности государства как стержневой идеи, организующей социальное, политическое и экономическое бытие нации, а также задающей параметры идейного и духовного существования. Очевидно, что многие ценностные параметры российского менталитета (например патриотизм, справедливость, воля и пр.) тесно связаны с государством. В частности, в основе патриотизма россиян лежат архетипические образы Матери, олицетворяющей родную землю, и Отца, вбирающего элементы государственности, консолидируемые соответствующей культурно-историческому периоду религией или идеологией.

Несомненно, ценностные установки являются неотъемлемой составляющей политической культуры россиян, однако именно элита формулирует эти ценности и выстраивает их иерархию. Формирование ценностных оснований российской государственности происходило на основе диалога (а в ряде случаев конфронтации) светских и религиозных властей, а позднее – в борьбе либеральных, консервативных и уравнительно-социалистических идей. За длительное время религиозные ценности

---

[1] *Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994. С. 184.*
[2] *Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914-1917) [Электронный ресурс] // http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt*

оказались внутренне связанными с ценностями государства. Представления о Боге служили фундаментом, на котором выстраивалась не только церковная, но и политическая жизнь. Национальным идеалом в дореволюционной России представлялась максимальная христианизация не только личной, но и общественно-государственной жизни. Православная вера всегда была той силой, которая укрепляла государственный организм. Ведь конкурентным преимуществом обладает не территория, а то, что позволило ее собрать и сохранить, то есть православная вера, определяемая православной традицией морально-этическая концепция, русская культура и проверенные столетиями обычаи и традиции. Нельзя не прислушаться к словам А. Панарина: «Территорию можно утратить и завоевать заново, а духовная традиция может быть невосстановима».

Церковь сыграла немалую роль в создании и укреплении русского государства. Например, новгородцы подчинились власти великого князя, в числе прочего, из-за страха церковного отлучения. Можно утверждать, что в формировании идей державности и величия России, патриотизма и преданности Отечеству, особого пути России и т.п., составляющих важнейшие компоненты политического сознания россиян, немаловажную роль сыграла православная вера. Не случайно многие атрибуты и символы православной церкви стали одновременно и символами российской государственности. Не вмешиваясь непосредственно в дела светской власти, православие оказало, тем не менее, определяющее влияние на русскую политическую традицию: в православии власть царя становилась гарантом возможности будущего «спасения» после смерти. Для русского политического мышления имела и имеет огромное значение тема идеала, идеала как цели развития. И, конечно же, на протяжении столетий эти идеалы формулировались как нравственные, христианские (а в советскую эпоху как коммунистические) идеалы. По убеждению русских религиозных мыслителей, именно правитель государства (великий князь, царь, император) был обязан Господом вести русский народ к достижению православных идеалов. Более того, в «Послании на Угру» Вассиана Рыло архиепископ уподобил царя Христу, который «за овцы своя жизнь полагает».

Российская держава со времен Ивана III осознавалась народом как держава православная. Действительно, она никогда не стояла на целиком секулярных основаниях. Российская самодержавность была основана на теократическом принципе единения религиозной и государственно-политической власти. При этом сама Церковь имеет двойную, одновременно духовную и мирскую природу. Как отмечал Э. Петерсон, Церкви всегда присуща некая двойственность: «Она не является монолитным религиозно-политическим образованием. Но она и не чисто духовный институт, в котором нет места понятиям политики и господства и который готов ограничить свою деятельность задачей служения»[3]. Митрополит Киприан считал Церковь государством в государстве, в силу того, что она занимает определенное политическое пространство и требует полной лояльности и исключительности по отношению к себе как к носительнице святости. Будучи посредником между человеком и Богом, Церковь объективно принижает статус государства, что, в свою очередь, открывает возможности возведения самой Церкви в

[3] *Цит. по: Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. С. 87.*

статус государства. Но рост власти Церкви возможен только в случае, когда понятие триединого Бога дополнено учением об апостольском правопреемстве и идеей Церкви как института, созданного самим Христом. Однако Русская Православная Церковь более подвержена слиянию с государством, чем любая другая христианская церковь, потому что в православии есть учение о государстве, а понятие общества разработано весьма слабо. Модель взаимодействия Церкви и государства в России основана на стремлении первой быть причастной к власти. В свою очередь, власть нуждается в том «символическом капитале» (религиозном, моральном и культурно-историческом), которым обладает Церковь, и готова «взять его напрокат» в обмен на определенные экономические и политические дивиденды[4].

Говоря о российской государственности, нельзя не отметить, что в современной западной и отчасти отечественной историографии довольно широко распространилось мнение о цивилизационной неполноценности России в сравнении с Западом[5]. Подобные оценочные суждения нередко воспринимаются как некая неоспоримая данность. При этом обходится стороной тот факт, что в зарубежной культурологической литературе Россия, наряду с Японией, выделяется в особую, не укладывающуюся в общую схему цивилизацию[6]. Кроме того, в популярной сегодня теории неотрадиционализма цивилизационной особенностью России признается сочетание «традиционности» и «современности». При этом подразумевается, что культурные ценности и социальная интеграция в России основаны на традиции, а экономическое и технологическое ее развитие ориентируется на мировые стандарты[7].

Ареал власти в России всегда определялся ареалом идеи. С этой точки зрения Россия выступала и выступает не как национальное государство, а как определенный тип цивилизации, скрепленный, как и всякая цивилизация, «мировой религией» - православием[8]. Сегодня трудно спорить с тем, что российский цивилизационный «архетип» содержит отличное от западного представление о мире и месте человека в нем. Стоит прислушаться к словам Н.А. Бердяева о том, что не стоит русскую самобытность смешивать с русской отсталостью[9].

С учетом вышесказанного, необходимо учитывать то важное обстоятельство, что Российское государство, представляющее собой целую цивилизацию, должно иметь и ценности цивилизационного уровня. То есть высшие ценности государства не могут не выходить за его границы, в силу чего государственные цели приобретают надгосударственный характер. Действительно, самые известные русские политические проекты («Третий Рим» и «Третий Интернационал») были обращены прежде всего к

---

[4] Верховский А. Беспокойное соседство: Русская Православная Церковь и путинское государство // http//:seilla.ru/works/uprdem/putin2.html

[5] См., например: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 266-296,322; Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 3,38-39.

[6] Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport, 1976. P. 174-175.

[7] Эксперт. 2006. № 7. 20 февраля.

[8] Панарин А. Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра // Знамя. 1992. № 7. С. 196,206,209.

[9] Бердяев Н. Судьба России // Родина. 1989. № 2. С. 65.

другим народам. Особость России просто означает другой, по сравнению с Западом, вектор цивилизационного развития, особое место в котором занимает **идея спасения**: «Вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира»[10].

Понятно, что отечественная общественная мысль не могла принять приземленные версии образования государства, которые не оставляли места для предназначенной ему высшей миссии[11] (см. составленную автором табл. № 1). Ведь «вопрос о том, почему нужно повиноваться государственной власти, связывается с вопросом, каково происхождение ее»[12]. Кроме того, та или иная теория происхождения государства на практике позволяет добиваться определенных политических целей. В России правительство, которое не решается употребить, где нужно, власть, не пользуется достаточным уважением. Отказ от жесткого контроля сверху часто воспринимается как признак слабости и стимулирует сепаратизм и другие формы политического «отклоняющегося поведения».

Таблица № 1

Теории происхождения государства	**Авторы**	**Суть теории**
Теологическая	Ф. Аквинский; Л. Г. Амбруаз	Идея богоустановленности государственной власти. Процесс возникновения и развития государства аналогичен процессу сотворения Богом мира. Невозможно достижение человеком полного блаженства силами государства без помощи Церкви. Божественное происхождение власти относится лишь к ее сущности, а приобретение и пользование ею могут быть противны Божественной воле.
Патриархальная	Аристотель; Р. Фильмер; Н.К. Михайловский	Государство представляет собой естественную форму человеческой жизни, некий вариант патриархальной семьи. Государственная власть есть продолжение и развитие отцовской власти. Государство является совершеннейшей формой общежития.

[10] *Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914-1917) [Электронный ресурс] // http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt*

[11] *См.: Бобылев А.И. К вопросу о концепциях происхождения права и государства // Право и политика. 2001. № 11. С. 4–14; Графский В.Г. Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «Круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 12; Корнев В.Н. Теории происхождения государства в оценках русских ученых-юристов дореволюционной России // Право и политика. 2005. № 5 // http://www.lawmix.ru/comm.php?id=967 и др.*

[12] *Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. I. Вып. I. М., 1995. С. 213.*

Патримониальная	фон Галлер; Р. Пайпс	Государство произошло от права собственника на землю (патримониум). Из права владения землей власть автоматически распространяется и на проживающих на ней людей.
Теория «инцеста»	К. Леви-Стросс	Созданные внутри родовой общины специальные органы, сурово пресекавшие инцест, стали прообразом будущей государственной структуры.
Ирригационная (гидравлическая)	К. Витфогель	Возникновение государства связывается с необходимостью строительства гигантских ирригационных сооружений в аграрных областях.
Теория общественного договора	П. Гольбах; Ж.-Ж. Руссо; А.Н. Радищев	Государство стало результатом общественного договора, который является порождением разумной воли народа, человеческим учреждением или даже изобретением. Государство выступает как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов.
Теория насилия (завоевания)	Л. Гумплович; К. Каутский; Е. Дюринг	Именно война и завоевание приходятся матерью государства.
Материалистическая (марксистская)	К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин	Государство возникает на основе естественного развития самого общества, связанного с разложением родового строя, появлением частной собственности и социальным расслоением общества по имущественному признаку. Государство является исторически преходящим явлением, отмирающим с исчезновением классовых различий.
Психологическая	Л. Петражитский; Дж. Ф. Мейтленд-Джонс	Государство есть сумма психических взаимодействий людей и их различных объединений. Утверждение о психологической потребности человека жить в рамках организованного сообщества.
Расовая	Ж. Гобино	Тезис о физической и психологической неравноценности человеческих рас, а также о решающем влиянии расовых различий на государственный строй. С помощью государства высшие расы должны господствовать над низшими.
Органическая	Платон; Г. Спенсер	Государство как своеобразное подобие человеческого организма, сущность которого можно понять исходя из его строения и функций.
Комплексная	Х. Дж. М. Классен	Невозможно отделить политические структуры от их культурного контекста. Выделяются три фактора, тесно связанные с появлением государства (социальный формат, экономика и идеология), варьирующиеся по степени интенсивности.

Понятно, что с позиций высшего предназначения только Божественное установление государственности могло объяснить «замысел Божий о России». В чем же состоит эта миссия, поставленная Богом или историей перед Российским государством? И в какой степени сохраняется ценностное основание российской государственности на

современном этапе? Постараемся ответить на эти вопросы, выстроив ценностную пирамиду высших целей российского государства.

I. Эсхатологическое предназначение, в рамках которого Российское государство представляется последним оплотом истинного христианства.

Тесно связанная с православной эсхатологией тема России возникла еще в XI столетии в «Слове о законе благодати» киевского митрополита Иллариона. Затем в русской духовно-политической мысли сложилось понимание того, что идея уподобления Христу важна не только для отдельного человека, но и для государства в целом. XV-XVI века стали временем возникновения символических образов «Москва - новый Царьград» и «Третий Рим». В XVI столетии появился идеал Святой Руси как образа уподобления России Христову Царству Небесному. В XVII в. зародились эсхатологические образы России как Нового Израиля, а Москвы - как Нового Иерусалима и Нового Сиона[13]. В православном понимании ход мировой истории определяется борьбой добра и зла, стремящегося разрушить Божественное устроение мира. Именно эти образы формировали национальную политическую традицию.

Согласно православному учению не существует раз и навсегда установленных религиозных центров. Такие центры возникают и теряют свое значение по воле Божьей. Первым учение о «Третьем Риме» озвучил митрополит Зосима при составлении пасхалия на восьмое тысячелетие от сотворения мира. Однако наиболее четкое выражение формула «Москва – Третий Рим» нашла в посланиях старца псковского Спасо-Елизарова монастыря Филофея. Так, в послании «Великому князю Василию» старец призвал ревновать о духовном устроении единственного православного государства. В силу того, что царствование дано свыше Богом, правитель должен способствовать расширению Церкви и иметь особое попечение о нравственности народа. Именно с существованием московской православной империи Филофей связал второе пришествие Христа. Миру было предложено христианское учение о едином православном государстве, своим существованием не позволяющим придти в мир антихристу. Опираясь на Откровение Иоанна Богослова, старец дал обоснование того, что мировая история кончается Третьим Римом, а «Четвертому Риму не бывать»[14]. Это во многом объясняет то, что Василий III отверг неоднократные предложения папы Льва X и Климента VII о целесообразности соединения церквей.

Страшная мысль о скором приходе антихриста напугала Западную Европу еще в XI в., когда истекли 1000 лет, на которые по Апокалипсису был вызван сатана. В России мысль о конце света и приходе антихриста появилась на исходе седьмого тысячелетия от сотворения мира и впоследствии не исчезала из русской литературы. Церковная реформа патриарха Никона просто спровоцировала новую волну интереса к учению об антихристе, когда сознание богооставленности царства стало главным движущим мотивом раскола. В основу последнего легло сомнение в том, что русское царство является истинным православным царством. Старообрядцы не сомневались, что

---

[13] Примечательно, что одной из главных задач создания Ново-Иерусалимского монастыря была подготовка православной интеллектуальной элиты всех стран мира, т.е. своеобразный экспорт православия.

[14] См. Троицкий П. Москва – Третий Рим // Русский журнал. 2007. № 10. С. 26-29.

наступил конец света и час пришествия антихриста близок. Спор лишь шел о том, когда и где явится Антихрист, явился ли он уже или нет, а если явился, то кто он?

«Эсхатологическое отчаяние» проявилось в России задолго до раскола Церкви - в учении старца Капитона. Для русского средневековья исход человеческой истории был предопределен - светопреставление и Страшный Суд. Более того, средневековые публицисты жили в ожидании Страшного Суда и постоянно «вычисляли» его дату. Просто эти эсхатологические ожидания особенно характерны были для старообрядцев. В основе эсхатологии раскола лежали две системообразующие идеи: Москва как последний Рим и представление о конце света на 8-й тысяче лет от сотворения мира. Последняя идея, сформулированная в конце XVI в. Стефаном Зизанием в толковании на 15-е слово святого Кирилла Иерусалимского об антихристе, вошла в Кириллову книгу, напечатанную в 1644 г. в Москве духовником царя Алексея Михайловича Стефаном Вонифатьевым. По некоторым подсчетам, кончина мира должна была наступить в 1666 году[15].

Первой попыткой подробного теоретического обоснования учения об антихристе в применении к реалиям XVII столетия старообрядцы обязаны архимандриту Покровского монастыря в Москве Спиридону Потемкину, осенью 1658 г. составившего «Книгу» в 9-ти главах, почти полностью посвященную вопросам «последнего времени». В основу рассуждений об антихристе священник положил толкование апокалипсических чисел 1000 и 666 «Кирилловой книги» и подобных ей сочинений. Согласно этому толкованию, человечеству после рождения Христа суждено пережить три великих «отступления» от веры, причем третье отступление будет последним, так как вслед за ним появится антихрист и наступит конец света. По мнению Потемкина, налицо были все признаки того, что последнее отступление произойдет именно в Московском царстве, где пошатнулась истинная вера[16]. Мнение Спиридона разделял и Аввакум, не сомневавшийся в скором явлении антихриста[17].

В целом церковные реформы Никона его противниками были расценены как начало завоевания Руси антихристом. В 1664 г. последователи Спиридона Потемкина составили из его идей «Книгу о вере», в которой нововведения Никона рассматривались как носящие явно выраженный догматический характер. Для «ревнителей старой веры» не вызывало сомнений, что 4-х конечный крест не охраняет от нечистой силы, Иисус – имя антихриста, а троеперстие – его печать. Дьякон Федор Иванов представил историю России как непрерывную цепочку «наскоков Сатаны» на русское государство: попытка папы римского склонить на свою сторону Александра Невского, Флорентийская уния, «ересь жидовствующих» в XV в. и т.п. Ученик Аввакума инок Авраамий, сожженный заживо в Москве в 1672 г., также держался мнения, что антихрист явится в России, где началось последнее «отступление» от истинной веры. Под очевидным влиянием западнорусской антиуниатской литературы была сформулирована теория трех антихристовских эпох: первая эпоха, когда католический Рим отпал от православия;

---

[15] Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. CXXIX,CXXXIII.

[16] Адрианова-Перетц В.П. Глава IX. Старообрядческая литература // История русской литературы. Т. 2. Часть вторая. Л., 1948. С. 326-327.

[17] Житие протопопа Аввакума, им сами написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 143.

вторая – отпадение западной Руси в унию;[18] третья эпоха – отпадение восточной России от православия вследствие церковной реформы патриарха Никона[19]. Так как церковная реформа Никона совершилась непосредственно перед 1666 г., следовательно, по разумению староверов, сразу после этого нужно было ждать пришествия антихриста.

Логика рассуждений вождей раскола в отношении идеологии «Москва – Третий Рим» сводилась к следующему: с одной стороны, представление о России как самодержавном и независимом государстве, а с другой стороны, единственной в мире хранительнице истинного православия. Вместе с падением истинного православного благочестия рухнет самодержавная власть, а не станет последнего в мире православного государства – наступит конец света. Вслед за иноком Филофеем староверы рассматривали Россию как лидера православного мира, но для сохранения своего лидерства Россия должна оставаться верной отеческим преданиям. Старообрядцы были категорически против ограничения патриархом царской власти, в чем наблюдается сходство их представлений с идеями Ивана Грозного, обосновавшего падение Византийской империи ограничением в ней царской власти. Они писали о превосходстве царства над священством и о самостоятельности царской власти по отношению к патриарху. Староверы признавали за царской властью право созыва церковных соборов, избирание священнослужителей и суда над ними, что категорически отвергал патриарх Никон. Однако отрицали у царской власти права вмешательства в догматическую и церковно-учительскую сферу деятельности церкви.

Если у Иосифа Волоцкого подчинение церкви государству уравновешивалось подчинением самой царской власти церковным законоположениям, то у протопопа Аввакума это начало выражено гораздо слабее – в виде обязательной для царя «правды и православной веры». Что сходно с политической теорией Ивана Грозного, также видевшего в православной вере единственный предел власти государя.

Некоторые из старообрядческих эсхатологических сочинений можно оценивать как антимонархические, так как в них нашел отражение протест против правящего царя и существующего на данный момент государственного устройства. Но при этом старообрядчество не отрицало царской власти вообще. Судя по сочинениям старообрядческих авторов, их отношение к царю базировалось на общих православных представлениях о верховной власти, основанных на текстах Священного писания, а также на традиционном для русского человека отношении к царской власти вообще.

Но правление праведных монархов для старообрядцев закончилось на Алексее Михайловиче, который был объявлен воплощением антихриста на земле. Мысль о том, что государство не православно, что оно отступило от истины, широко распространилось уже после Московского Собора 1666 г., и превратилось в непоколебимое убеждение

---

[18] *Заключение в 1439г. Константинопольской церковью унии с католиками во Флоренции для русских означало капитуляцию перед католичеством. Роль обличителя прибывшего на Русь митрополита Исидора взял на себя сам великий князь Василий II. Решением собора русских епископов о поставлении митрополитом рязанского епископа Иону русская православная церковь становится фактически автокефальной, беря на себя роль хранительницы православия. Позднее Василий III отверг планы Максима Грека освободить от* турок *«Второй Рим», т.к. Константинополь пал по воле Божьей из-за унии и внутренних распрей.*

[19] *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 13. С. 202.*

после Соловецкого кровопролития и казни вождей раскола. Впоследствии воплощением антихриста была объявлена сама фигура российского императора, независимо от того, кто персонально был носителем власти[20]. То есть старообрядцы вернулись к идее иеромонаха Феоктиста, что «антихриста следует понимать мысленно, что он не составляет одной какой-либо личности, а состоит из многих личностей, яко во едином телеси живущих».

Рукописные сочинения старообрядцев в своих оценках исходили из метафизики национально-государственного бытия. Православие представляло для них не только и не столько путь личного спасения, сколько Откровение о ходе развития мировой истории, о соотношении сил Добра и Зла, Востока и Запада. В частности, ощущение «Запада» связывалось у них не только с концом света, но и с адом.

Немаловажное влияние на процесс трансформации социально-политической системы ценностей, исторически конкретных и обобщенных идеалов общества оказал затянувшийся спор о пальме первенства «священства» или «царства». Идея превосходства государственности над церковностью рассматривала «священство», как совокупность клира во главе с патриархом, призванное нести духовно-пастырское служение. Тогда как «царство», как государственный организм, должно было осуществлять социально-политическое служение русскому народу. На практике же мы наблюдаем постоянное наступление светской власти на власть церковную, что, в свою очередь, не могло не вести к попыткам перевода высших ценностей государства из эсхатологической в институциональную плоскость.

Так как Древняя Русь понимала церковь не как «общество верующих», а как «Дом Божий», принципиально не мог быть поднят и вопрос о главенстве. Истоки превосходства государственности над церковностью, «царства» над «священством» мы можем обнаружить, начиная с XV века с момента образования Московского государства. Если Иван III был вынужден уступить митрополиту Геронтию в вопросе церковных обрядов, так как подрыв авторитета церковной власти мог отозваться подрывом авторитета светской власти, то в последующем мы опять наблюдаем сужение сферы влияния митрополита. Так, при Иване Грозном были ограничены права архиереев иметь двор. В это же время учреждаются поповские старосты – будущие «благочинные» - для наблюдения за нравственностью священников[21]. Более того, Иван Грозный не уступил митрополиту Филиппу, который поплатился жизнью за сопротивление. В этой связи можно привести цитату из письма Ивана Грозного князю Андрею Курбскому: «Священство не должно вмешиваться в царские дела; дело монахов – молчание», ибо «нет царств, которые не разорились бы, будучи в обладании попов»[22].

Такая политика светской власти по отношению к власти духовной продолжилась и при Алексее Михайловиче. Расширение прав первой и сужение прерогатив второй вызвало негативную реакцию патриарха Никона, исходившего из того, что «радение о

---

[20] Катунский А.Е. Сущность старообрядчества и пути преодоления его идеологии: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Томск, 1962. С. 6.

[21] Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. СПб. 1870. С.28,49.

[22] Цит. по: Иконников В.С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев, 1888. С. 3.

Церкви и управление ее делами не принадлежит царю». Соответственно, царь не может «поручать» патриарху это управление, так как священство выше царства на том основании, что на царство «помазываются от священства». Другими словами, священство – это солнце, а царство – луна, светящая отраженным светом.

В основе рассуждений патриарха Никона лежал принцип оцерковления жизни каждого человека и всего государства, и в первую очередь самого царя, как слуги Церкви. Царь призван удерживать царство от антихриста, но не своей мирской властью, а только снискав благодать Божию подвигом строго уставной жизни, смирения и послушания Церкви и ее первосвятителю, как своему духовному отцу[23]. На Московском Соборе 1654 г. Никон изложил концепцию симфонии царской и церковной власти, ссылаясь на 6-ую новеллу византийского императора Юстиниана и грамоту восточных патриархов Константинопольского церковного собора 1593 г., утвердившего патриаршество на Руси: «Добро всякому своя мера храните, в неже кто позван, в том да пребывает»[24].

Следует отметить, что историческое представление о симфонии двух властей тесно связано с монархической формой правления и идеологической ролью православия. Государство и Церковь понимались как два равновеликих института - два Божественных дара, осуществляющих заботу о народе. Однако в реальном историческом пространстве и времени баланс «царства» и «священства» был весьма непрочным. С одной стороны, при патриархе Никоне была изменена форма поминания государя в православных храмах: вместо прежней «да помянет благородие твое» была введена следующая: «благочестивейшего, тишайшего, самодержавнейшего»[25]. С другой стороны, мы видим «преклонение светского могущества перед величием церковной власти», что выразилось при перезахоронении мощей митрополита Филиппа в Успенском соборе Кремля.

Можно утверждать, что мысль патриарха Никона о превосходстве священства и о подчинении царя церковной власти являлась совершенно чуждой русской политической традиции. Так же как и аналогичная идея «Окружного послания» патриарха Адриана, написанного вскоре по вступлении на патриарший престол. Недвусмысленно заявив, что «глава всех есть патриарх, ибо он есть образ Христов», Адриан фактически возродил концепцию теократического господства. В свою очередь, введение Петром I в русскую политическую мысль стоящего над монархом понятия государства стало началом крушения православной идеологии власти. Петр, в частности, отверг традиционную трактовку «святого благочестивого и просиявшего добродетелями» Александра Невского: главной добродетелью становится не благочестие, а исполнение служебного долга. То есть князь был для Петра I в первую очередь не святым, а его предшественником в государственных и военных делах, защитником Русской земли. Петр I даже религиозному культу придал светский характер, поставив «государственную печать» на духовное почитание святых. Но при этом церковная реформа не была направлена против православия как такового, так как не затронула догматического учения. Более того,

---

[23] Такое понимание соотношения духовной и светской власти восходило к учению отцов Церкви – Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина.

[24] Цит. по: Ундольский В.М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. Новые материалы для истории законодательства в России. // Русский архив.1886. № 8.С. 248.

[25] Карнович Е. Титулы в России. // Исторический вестник. 1885. Т. XX. С. 7.

исповедание православной веры было поставлено верховной властью в качестве непременного условия обладания российским престолом.

Социальные потрясения начала XX века с их стремлением к секуляризации общественной жизни стали основой будущего советского атеизма, продемонстрировавшего, наряду с эксцессами «безбожной пятилетки», прагматизм системы, пытавшейся под вывеской «отделения церкви от государства» поставить церковную иерархию на службу «государству нового типа». Идеология коммунистического строя позволяет говорить о создании поистине «религиозного» культа с политическим антирелигиозным наполнением. Налицо были и эсхатологические предчувствия «Нового Града» в виде «светлого будущего коммунизма».

Степень влияния идеологических постулатов марксизма как «научной» основы организации и построения всего общественного организма была столь высока, что тип государственной власти, сложившийся в России после 1917 г., несомненно, имел идеократический характер. Доминирование варианта государственного строительства, предлагаемого большевиками, обуславливалось тем, что он содержал в себе процесс «новой реализации традиционных смысловых образов» о всеобщей российской государственности, являющейся основой нового мирового порядка, и о мессианском и всемирном ее предназначении. Характерными ментальными признаками «советского человека», для которого политическая жизнь стала главным средством самовыражения в истории, стали устремленность к общественной и политической организации будущего, соотнесение всех своих действий и поступков с реализацией социалистической / комммунистической идеи как идеи мирового счастья, справедливости и всеобщего братства. Данные ментальные установки сознания в полной мере соответствовали традиционным конструктам российской духовной и политической традиции: достижение «Царства Божьего» на Земле, воплощение народной мечты о всеобщем равенстве и счастье в исторической реальности, о значении русского народа в мировой истории[26].

II. Вселенское предназначение, включающее в себя идею христианского / коммунистического мессианства.

С давних пор русская национальная мысль питалась чувством предназначенности России к чему-то высокому. В отечественных исторических памятниках русское патриаршество прямо оценивалось, как пришедшие на смену патриаршеству «древнего Рима». Эта же мысль проводилась в изданной патриархом Никоном «Кормчей». Именно в ней впервые напечатаны «Повесть о белом клобуке», статья «о римском отпадении» и грамота об учреждении патриаршества в России, которые должны были служить подтверждением, что к России перешло политическое и религиозное значение Византии. Никон даже убеждал царя вовсе упразднить Соборное Уложение и заменить его «Кормчей».

На национально-государственном уровне концепт «Москва - Третий Рим» представлял собой идею преемственности и ответственности за судьбу христианского

---

[26] *Магомедов Р.Р. Идеи мировой революции во внутренней политике советского руководства и в общественном сознании россиян (1917-1925 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 2000. С. 33-34.*

мира. И в этом контексте мессианство (русский народ – «народ-богоносец») понималось прежде всего, как несение христианского бремени. Например, Н.А. Бердяев вкладывал в борьбу народов за историческое бытие глубокий моральный и религиозный смысл, отвечающий высшим целям мирового процесса. Говоря о предопределенности мировых задач России «духовными силами истории», философ считал, что именно Россия призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству. Для Бердяева мессианское предназначение России («творческая задача, поставленная перед всечеловечеством», «ценность, обогащающая мировую жизнь») связано со сменой духовной доминанты в мире: «в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский»[27].

Славянство, и русские в особенности, по мнению В.С. Соловьева, являют собой некую третью силу, призванную «дать человеческому развитию его безусловное содержание, откровение высшего мира». Историческое призвание русского народа мыслитель увидел в том, чтобы спасти человечество от разложения и упадка. Понимая под православием только истинное христианство, он расценивал единодержавие как «делегацию власти Христовой для воспитания народов к Царству Божьему»[28]. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев не раз подчеркивали особую черту русской идеи — стремление «стать братом всех людей, всечеловеком», «достичь в согласии с другими народами совершенного и вселенского единства». Этот идеал, легко согласовывавшийся и с православием, и с коммунистической идеологией, нес в себе бесспорный заряд мессианства. После Октября 1917 г. православный мессианизм был заменен мессианством революционным. Сам марксизм воспринимался массой как социальная религия, на что обратил внимание Н.А. Бердяев в «Истоках русского коммунизма». Миф о Богом избранном царе сменил миф о трудовом народе, который, совершив Великую революцию, в лице своих лучших представителей взял власть в свои руки – с тем, чтобы опять идти по единственно верному пути в светлое будущее[29]. В свою очередь, советское мессианство проявлялось сначала в идее мировой революции, а затем в представлениях о ведущей роли СССР в мировой политике.

Не вызывает сомнений то, что русский народ относится к числу творцов всемирной истории. Недаром митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в своем докладе на X Всемирном русском народном соборе 4 апреля 2006 г. напрямую связал вопросы мирового развития с духовными параметрами «самобытной цивилизации, которую из себя представляют Россия и весь русский мир», и призвал Собор использовать любую возможность «для обеспечения мировоззренческого вклада русской цивилизации в построение мирной и справедливой жизни на нашей планете».[30] Этот потенциал в российской истории традиционно связывался с вселенским характером

---

[27] *Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914-1917) [Электронный ресурс] // http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt*

[28] *См.: Соловьев В.С. Три силы // Его же. Избранное. М., 1990. С. 41-60; Соловьев В. Задачи христианского государства // Родина. 1990. № 8. С. 26-27.*

[29] *Левандовский А. Миф как средство легитимация власти в России (XIX-XX вв.) // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 138-140.*

[30] *См.: www.pravaya.ru/dailynews/7218*

Русской православной церкви, который так рьяно отстаивал в споре со старообрядцами патриарх Никон.

Две крупнейших идеологии определяли историю России: «Москва – Третий Рим» и идея III Интернационала как секулярный аналог «третьеримства». Примечательно, что принципиально новая «советская государственность» не связывалась с определенной территорией, так как по Конституции 1924 г. доступ в Союз был открыт всем социалистическим республикам[31].

Тогда как не выдерживают критики попытки представить в качестве русской национальной идеи идеологический конструкт «Православие, Самодержавие, Народность». Оформление «теории официальной народности», связываемой с именами Николая I и его министра просвещения С.С. Уварова, произошло в 1830-е гг. Хотя здесь не все так однозначно, как показалось историку общественной мысли и общественного движения А.Н. Пыпину[32], впервые употребившему данное словосочетание. Априорно приняв за основу исторического процесса идею народности, он все консервативное в бытии общества и стремлениях государства просто обобщил понятием «официальная народность». А ведь лозунг «Православие, Самодержавие, Народность» представлял собой всего лишь гражданскую модификацию старого военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!», имел ведомственное значение (применялся в основном Министерством народного просвещения), а не являлся какой-то универсальной теорией[33]. Только во времена Александра III удалось на время реанимировать старый лозунг, но так и не получилось превратить его в идеологическое обоснование государственного строительства.

Ответом, который нашли победители-коммунисты, стал своеобразный гибрид Востока и Запада: они разработали собственный путь модернизации, но под эгидой марксистской теории социализма, родившейся в Западной Европе. Марксовский социализм сослужил большевикам хорошую службу: у него они позаимствовали мессианскую цель, вселявшую в них самих, и в народ, который они тащили за собой, необходимый энтузиазм, а также обозначившую конечный ориентир - бесклассовое общество.

Говоря о советской эпохе, нельзя не признать того очевидного факта, что именно И.В. Сталин сделал многое для возрождения идеологии «Третьего Рима». В 1945 г. он организовал за государственный счет пышное проведение церковного собора с участием греческой иерархии, а на 1948 г. планировалось проведение всеправославного собора с целью перемещения московского патриарха с пятого места на первое в православной иерархии[34]. Это давало каноническое обоснование идеи «Третьего Рима» и фактическое объединение под крылом Сталина всего «поствизантийского» мира. Но этим планам

---

[31] Пивоваров Ю.С. Политическая история России // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 41-48.

[32] Эту схему в свое время убедительно раскритиковал философ Г.Г. Шпет в книге «Очерк развития русской философии» (Птг., 1922).

[33] См.: Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. М., 1989.

[34] Патриарх Сергий в своей последней статье «Есть ли у Христа наместник на земле?» также оставил намек на возможность рассмотрения вопроса о переводе Московского патриарха на первое место по диптиху.

помешали американцы, не давшие включить в «социалистический лагерь» Грецию и доставившие в Константинополь патриарха, блокировавшего проведение собора. Намечающийся симбиоз коммунистической власти и национальной Русской православной церкви был разрушен вместе с культом вождя[35]. Но, как показал дальнейший ход истории, не до конца. Интенсивная дискуссия, ведущаяся относительно национальной идеи в современной России, вновь заставила обратить внимание на традиционный идеологический арсенал православного государства и прежде всего на концепцию «Москва - Третий Рим».

III. Евразийское предназначение, нацеленное на достижение синтеза политико-культурных генотипов Европы и Азии.

Нельзя отрицать тот актуализированный евразийством факт, что Россия подверглась серьезному влиянию как Европы, так и Азии, оказав в свою очередь влияние на них. Но российская цивилизация не является ни азиатской, ни европейской. Это особая пограничная цивилизация, система ценностей которой являет собой неорганическое сочетание ценностей двух основных цивилизаций - традиционной и либеральной. Россия-Евразия есть обособленное и целостное «месторазвитие» - этим ключевым в евразийской теории понятием П.Н. Савицкий обозначил социально-политическую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории. Как справедливо отметил видный эмигрантский географ и экономист, «татары не изменили духовного существа России», но «дали ей качество становиться могущественной «Ордой»[36]. При этом история России рассматривалась как история рождения, становления и развития Русской православной церкви, которая есть «симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия».

Северо-Восточная Русь выбрала татарский суверенитет и противостояние европейской экспансии, так как татары не сокрушали, а укрепляли устои того политического космоса, который был создан Андреем Боголюбским и Всеволодом Большое Гнездо. Этот евразийский выбор обрекал Московию на накопление сил, обретение независимости и затем завоевание территории бывшей Орды. П.М. Бицилли символ «щита меж двух враждебных рас, Монголов и Европы» дополнил символом, согласно которому Россией не столько отделяется, сколько связывается Азия с Европой.[37] О сверхнациональном, материковом призвании России писал и Г. Федотов[38].

Важно подчеркнуть, что «особый путь» России - это не претензия на исключительную роль в мировом процессе. Своеобразный «русский путь» во многом сложился как ответ на исторический вызов Запада. Но историю нашего Отечества следует понимать и как стратегический выбор в ряду равнозначных альтернатив. Начиная с Петра I, ось «Запад-Восток» становится доминантным ориентиром и моделью ценностной шкалы, хотя в большей мере эта оппозиция затрагивала сферу политики,

---

[35] Полосин В. Фундаментальная политология. Часть 2. Политическая мифология коммунизма // Россия – XXI. 1995. № 7-8. С. 105.
[36] Савицкий П.Н. Два мира // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 65.
[37] Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 72.
[38] Федотов Г. Будет ли существовать Россия? // Социум. 1990. № 10-11. С. 64.

экономики и идеологии, нежели духовную область. Что особенно явно продемонстрировала советская история.

IV. Общеславянское предназначение или идея славянского единства под эгидой России.

В основу славянской идеи, как частного варианта мессианской идеи вообще, были положены русский духовный универсализм и искание Града Божьего. Не случайно именно XIX век - век славянского возрождения - породил идеи всеславянства, или так называемого панславизма. Мысли о славянской общности существовали задолго до первой половины XIX столетия, однако именно тогда они трансформировались в довольно мощную идеологию. Показательно, что идеи славянской взаимности оформились не в России, а в других славянских землях. Если чехи стали родоначальниками научного славяноведения, то их соседи словаки гораздо дольше продолжали проповедовать идеи славянского единства и сплочения. Тогда как южные славяне, кроме сербов, не выдвинули какой-либо теоретической программы славянского единения. Что касается поляков, то их особое положение среди славянских народов определило их специфическую позицию в вопросе о необходимости всеславянского единения.

Однако в России идеи всеславянского возрождения и единения упали на благодатную философскую и политическую почву. Русскими «апостолами» всеславянства были как известные государственные деятели А. Шишков, граф Румянцев, так и общественные трибуны М. Погодин, И. Аксаков, И. Киреевский и Н. Данилевский. Большое значение в утверждении практики всеславянства в России имела деятельность Министерства просвещения. Постепенно круг российских учебных заведений, принимавших славян на учебу, расширился до университетов, в том числе столичных. Важным мероприятием стало открытие С.С. Уваровым в 1835 г. славянских кафедр с последующей отправкой в славянские земли молодых ученых. Политическая активность в среде русских панславистов усилились с началом европейской революции 1848-1849 гг. Так как официальные власти были сдержанны, то инициатива пропаганды вмешательства в славянские дела перешла к славянофилам первого поколения. С 1860-х гг. начинает формироваться самая последовательная ветвь в панславизме, представленная русской философской мыслью. Созданное в 1868 г. Санкт-Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета и затем Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество положили начало устойчивой православно-славянской пропаганде в Российской империи. В 1890 г. общество было принято на попечение МВД. Таким образом, политика официальной России прошла путь от прохладного отношения к борьбе западных славян за независимость в середине XIX столетия до прямой поддержки сепаратистских устремлений южных славян в конце столетия.

Однако на рубеже XIX-XX вв. все больше начинает проступать разделение симпатий славянских народов по конфессиональному признаку на две группы: католическую (чехи, поляки, словаки, хорваты) и православную (сербы, болгары, русские). Завершение XIX столетия стало концом иллюзий славянского объединения.

Политические итоги идеологии панславизма подвели Вторая балканская война, столкнувшая южных славян в братоубийственной бойне, и Первая мировая война, в которой славяне оказались разделенными линией фронтов на две группировки[39]. С горечью Н.А. Бердяев констатировал, что «славянская идея находится у нас в самом печальном положении, она - в тисках и не может быть свободна выражена». Впрочем, он выражал уверенность, что «бессознательно славянская идея живет в недрах души русского народа»[40]. Но, видимо, уж слишком бессознательно, что наглядно продемонстрировали события последних двух десятилетий XX столетия.

V. Имперское предназначение, в основе которого лежала идея великого христианского царства, способного заменить Византию.

Имперская ориентация чаще всего объявляется некой «архетипической» русской (шире российской) ценностью. Более того, нередко ставится знак равенства между империей и этатизмом. Например, И. Клямкин предостерегал, что «российская провинция ... может подпитывать лишь имперскую традицию, традицию верховенства государства над частным лицом»[41].

Но по многочисленным данным социологических опросов, сегодня имперская идея исчерпала себя, сохраняя относительную популярность только у старшего поколения, которое вряд ли можно рассматривать в качестве сил имперского реванша. Даже в годы Первой мировой войны русские крестьяне в массе своей сохраняли средневековое по сути восприятие войны как крестового похода «за землю и веру». Тогда как рациональные имперские интересы России не укладывались в «матрицу» крестьянского сознания.

Тем не менее, со времен Ивана III, соединившего двуглавого византийского орла с московским гербом – всадником, попирающим дракона, русский народ создавал величайшую империю, поддержание и охрана которой занимали исключительное место в русской истории. Будучи дочерней цивилизацией по отношению к Византии, Россия восприняла от нее не только православие, как внутренний духовный стержень, но и имперскую идею, реализация которой привела к превращению страны в многоэтническую империю. Удержать целостность такой огромной территории можно было только с помощью деспотической власти и сильного централизованного государства. Из Восточной Римской империи массовым сознанием был воспринят и своеобразный космополитизм - наднациональный характер как политической власти, так и государственности в целом[42].

В сегодняшней России в условиях реальной угрозы терроризма и распада государства на первый план в иерархии ценностей выходят единство России и безопасность государства. Парадигмальной для этого идейного комплекса является идеологически нейтральная (не в пример И.В. Сталину) фигура Петра I, остающегося в

---

[39] Подробнее по этому вопросу см.: Колесников В.А. Россия и славянство: иллюзии общественной мысли и политические реалии //Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Вып. 1. Воронеж, 1993. С. 11-21.

[40] Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914-1917) [Электронный ресурс] // http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt

[41] Клямкин И., Кутковец Т. Кому в России нужна империя? // Сегодня. 1996. 1 февраля.

[42] Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 94.

сознании россиян самым популярным персонажем российской истории. И это не случайно, ведь именно с ним значительная часть российских граждан связывает становление великой державы. Идеал сильного государства в российском сознании является не только выражением традиционно-общинного менталитета, но и учетом, в своеобразной форме, исторического опыта смутных времен, через которые периодически проходила Россия. Продолжительное угнетение населения со стороны золотоордынских князей, неоднократные смуты и связанный с ними социальный и политический хаос сориентировали, в конце концов, народ на поддержку государственных ценностей[43].

Говоря о Российской империи, следует заметить, что мы имеем дело с феноменом «внутренней колонизации». Да и СССР не был империей ни по устройству, ни по своей сути. Он скорее был «империей наоборот» (или «империей позитивных действий», по определению американского историка Терри Мартина). Скорее, следует говорить о великой державе. Если не навешивать на Россию ярлыки типа «империи зла», то под державностью понимаются характеристики политического, экономического, военного и духовного могущества страны в мире, а также способность оказывать влияние в международных отношениях. Само слово «держава» своим происхождением обязано славянскому «държа» (владычество, могущество), и в смысловом и стилистическом отношении представляет собой возвышенное обозначение страны и государства со значением мощи. Конечно, державность одновременно является и специфическим идеологическим конструктом, отражающим осознание масштабов, политического веса, экономического и военного могущества страны, а также, что немаловажно, причастности к значительному во всех отношениях социуму.

Всегда, и особенно после развала СССР, мощное централизованное государство, с которым считаются в мировом сообществе, в сознании многих людей воспринималось и воспринимается как основное историческое достижение русского народа и других народов России. Другое дело, что в российской традиции понятие «державность» отождествлялось и нередко продолжает соотноситься с категориями «государственности» и «самодержавия». Исторический пример тому – сохранение в «Основных государственных законах Российской империи», изданных в апреле 1906 г., титула «самодержавный», рассматриваемого как некий синоним понятий «суверенитет» и «державность». В политической культуре начала XX в. под властью вообще понималось самодержавие. Характерно, что солдаты отказывались присягать Временному правительству, рассматривая само упоминание государства как проповедь монархизма. При этом, однако, не сомневаясь в особом предназначении российского государства. Даже в основе антимонархистских настроений предреволюционной поры по сути дела лежала монархистская ментальность: императору в вину вменялось, что он не был «настоящим» царем.

Очевидно, что после большевистской революции не произошло немедленной трансформации политических ценностей, и даже более того, в сталинский период

---

[43] *Орлов Б. Общинно-патриархальное начало как основа политической культуры в России // Актуальные проблемы Европы: Пробл. - темат. сб. 1997 (2): Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 78-79,82,84.*

некоторые наиболее авторитетные элементы традиционной политической культуры России усилились. В частности, формирование советского патриотизма в первой половине 1930-х гг. проходило под лозунгом «вобрать в себя лучшие традиции русской истории». Возвращение к государственно-патриотическим устоям в какой-то мере способствовало консолидации общественного мнения в стране и примирению с режимом. А представления о «справедливых и несправедливых войнах» рационализировали агрессию, объяснив ее внешнеполитическую направленность реализацией мессианских задач первого в мире «пролетарского» государства.

После Великой Отечественной войны шло постепенное (но очевидное) смещение приоритетов во властной иерархии по линии партия - государство в пользу последнего. Можно отметить и изменения в официальной доктрине патриотизма, в которой теперь сочетались два таких компонента, как любовь к Родине и строительство коммунизма. Это выражалось прежде всего в выдвижении идеи особой роли русского народа. Таким образом, можно говорить о том, что основой послевоенного политического курса стала именно концепция державности, а не имперства.

***

Державная мощь Российского государства впрямую связана с его внутренним устройством. В свое время И. Ильин обратил внимание на то, что государственный строй не есть пустая и «мертвая» форма. Он связан с жизнью, характером и религиозными чувствами народа, с климатом, размерами страны и ее историческими судьбами. Государственный строй, по мнению мыслителя, это не одежда, которую можно легко сбросить. Это – «костяк, несущий мускулы, органы и кожу»[44]. Именно на пути построения авторитарной государственности Россия была спасена от татарского ига, польской интервенции в годы Смуты и фашистской агрессии.

Дело в том, что процесс централизации Российского государства шел при опережающих политических факторах (борьба с внешней угрозой и установление национальной независимости), в силу чего влияние внешней истории России на ее внутреннюю историю было определяющим. Не случайно три общих курса русской истории (М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева) положили в основу своих исторических конструкций рассказ о внешней политике России. Да и В.О. Ключевский в третьем томе «Курса русской истории» отметил мощное влияние международного положения Российского государства на его внутренний строй.

Общеизвестно, что историческая концепция С.М. Соловьева базируется на беспрецедентной роли государства Российского в формировании русского этноса и русской истории. Как заметил известный кадетский историк П.Н. Милюков (1859-1943), в России имело место государство, формирующее общество[45]. Н. Ульянов также подчеркивал, что в России государству была уготована роль «двигателя всякого успеха». Даже инициатива насаждения культуры исходила всегда от него[46]. Кроме того, по мнению одного из идеологов славянофильства К.С. Аксакова, православная Россия всегда

---

[44] Ильин И. Искусство строить федерацию // Родина. 1990. № 7. С. 37.
[45] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 1. С. 148.
[46] Ульянов Н. Русское и великорусское // Родина. 1990. № 3. С. 87.

смотрела на политическую власть как на «дело второстепенное», так как в силу исторической традиции и особенностей национального характера подлинные интересы русского народа лежат всецело в области духовно-религиозной. В адресованной Александру II записке «О внутреннем состоянии России» (1855 г.) Аксаков пришел к выводу, что этой «негосударственности» народа может гармонично соответствовать только одна форма власти — православная самодержавная монархия.

Действительно, российская государственность складывалась в специфических условиях:

- огромное малозаселенное пространство с плохими коммуникациями;
- организация аграрно-ремесленного производства в целях обеспечения военного и государственного могущества, необходимого для отпора натиска с Востока и Запада;
- постоянное расширение территории как условие военного маневра и фактор экстенсивного земледелия;
- низкий уровень и медленный темп развития технологии, призванный обеспечить прожиточный минимум и военную мощь государства.[47]

В этих условиях сложилась устойчивая система ценностных ориентаций в сфере политики и государственного управления:

- государство превыше всего, а общество как целое выше индивида;
- деспотическая форма организации власти, опиравшаяся на мощную бюрократию, и произвол властей, как форма управления;
- основное назначение государства – патернализм;
- производство и технологии, инновации и наука, право имеют смысл, поскольку способствуют военному могуществу, территориальной экспансии и укреплению государственной власти;
- политические партии, церковные и другие организации имеют право на существование лишь как механизмы укрепления власти.

С 988 г. на Руси начинает складываться новое, заимствованное у византийских басилевсов, понимание верховного правителя как наместника Христа и воплощения «живого закона». Даже канонизация князей Бориса и Глеба, павших жертвами их брата Святополка, послужила укреплению самой теории самовластия, поскольку основная смысловая нагрузка деяний новоявленных святых - непротивление воли старшего брата. Вспомним, как Иван Грозный выговаривал сбежавшему от расправы князю Андрею Курбскому за то, что тот, будучи христианином, не захотел принять смерть от своего владыки, то есть не уподобился Борису и Глебу[48].

А в возникшей Московской Руси XVI в. высшие государственные ценности уже прямо «даровались» государем-самодержцем как милость. Вся история Северо-Восточной Руси (Московии – Империи) связана с укреплением и утверждением величия

---

[47] Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3-15.

[48] Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 95.

власти. Новая государственная модель утверждалась на окраине русского мира, на малообжитой территории, где не было значительного населения – носителя вечевых традиций. Именно на периферии появляется новое качество - утверждение самовластья как организующего принципа политической жизни. Дальнейший погром городов и ордынская дань стимулировали процесс создания структуры власти, образцом для которой послужила золотоордынская деспотия восточного типа. Чтобы отразить натиск Востока и ответить на вызов Запада, Россия могла использовать лишь институт самодержавия. В результате сложился своеобразный «русский путь» - от модернизации к модернизации. Поскольку реформы сверху требовали усиления власти, то развитие производительных сил в России сопровождалось усилением деспотизма. Кроме того, в силу того, что задачи модернизации по мере развития техники и технологии становились все более сложными, требовалось еще большее усиление власти[49].

Вытекающий из специфики государственности характер власти формировал неоднозначные установки в отношении нее в массовом сознании. С одной стороны, речь идет о завышенных ожиданиях от власти конкретной помощи и поддержки, а с другой стороны, народ испытывал по отношению к ней страх, недоверие и даже ненависть. Такое амбивалентное отношение к государству и власти послужило причиной и одновременно результатом мифологизации сферы политики и персонализации власти. В итоге в политической традиции России руководящие личности всегда играют ведущую роль, а институты – периферийную. Лояльность по отношению к царизму основной массы населения была связана с личностью царя, а не с институтами Российской империи. Большевики, несомненно, учли этот опыт, требуя лояльности к вождю.

Государство выступало эманацией княжеской (царской) воли, в силу чего в политической культуре россиян доминировала установка: «Сильное государство – слабое общество». Даже сословная самоорганизация дворянства до падения самодержавия ограничивалась рамками местного самоуправления[50]. Одновременно с этим формировался освященный авторитетом церкви патернализм населения, который стал культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре. Россияне охотно признают лишь ту власть, которая в той или иной степени носит сакральный характер. Следует уточнить, что отношение к власти верховной в России всегда отличалось от отношения к власти на местах[51]. Если первая приобрела признаки сакральности, то вторая оставалась «козлом отпущения». Показательно, что патриотизм в России носит не столько националистическую, сколько государственническую направленность. Вместе с тем гипертрофированная значимость государства способствовала тому, что в сознании рядового россиянина происходило смешение понятия патриотизма и лояльности в отношении действующего правительства.

---

[49] Криворотов В. Взлеты и падения особого пути России // Знание-сила. 1990. № 8. С. 56.

[50] Зимон Г. Будущее из прошлого. Элементы политической культуры в России // Актуальные проблемы Европы: Пробл. - темат. сб. 1997 (2): Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 147,152,155.

[51] Столяров Д.Ю. Трансформация гражданской культуры в России: от чего к чему? // Гражданская культура в современной России. Сборник научных работ грантодержателей МОНФ / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 50,52-55.

Не секрет, что современная российская власть в поисках оптимальной модели реформирования политической системы широко использовала достижения мировой общественной мысли, в первую очередь западноевропейской. В этой связи внимание было приковано к феномену либерализма, ставшего для стран Западной Европы и США своеобразной системой ценностей. Хотя, будучи мировоззренческим продуктом западноевропейской цивилизации, либерализм далеко не всегда плодотворно функционировал в рамках иных культурных традиций[52]. Опыт постсоветской России лишний раз подтверждает этот вывод. Не случайно, на рубеже XX и XXI тысячелетий на фоне «пробуксовки» реформ и роста недовольства населения ходом модернизационных процессов произошло осознание всей сложности и противоречивости феномена либерализма.

В условиях, когда в западной науке распространяется концепция «сумерек Просвещения», то есть ментального и политического «износа» просвещенческой идеологической парадигмы в постмодернистском обществе, именно консерватизм становится претендентом на роль стержнеобразующей идеологии современности. При этом он не обязательно должен быть окрашен в ностальгические и монархические тона. Вспомним, что эпоха Александровских реформ вызвала к жизни новый тип консерваторов-государственников. При всем своеобразии различных консервативных проектов можно выделить ряд общих признаков, присущих этому мировоззрению. Во-первых, Россия должна развиваться по собственному политическому и духовно-нравственному пути, отличному от западного. Из этого следовало признание доминирующей роли государства и незыблемости самодержавной власти в России. Во-вторых, стержнем всех консервативных концепций являлась религиозная константа, обусловленная сакрализацией царской власти и основных явлений государственной жизни. Россия рисовалась консерваторам своеобразной большой «семьей» с абсолютным отеческим авторитетом власти. Кроме того, для консерваторов суть самодержавной власти заключалась в огромной личной ответственности монарха перед Богом, а также в жертве, приносимой во имя Отечества. Поскольку власть самодержца «есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, крест, а не наслаждение», то, следовательно, она не может никем ограничиваться, «ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед

---

[52] Например, формирование хозяйственной и политической культуры Южной и Юго-Восточной Азии во многом определялось теми высшими духовными и мировоззренческими ценностями, которые формировались в контексте распространенных здесь религиозных и религиозно-философских систем - индуизма и буддизма. [52] *Зимон Г. Будущее из прошлого. Элементы политической культуры в России // Актуальные проблемы Европы: Пробл. - темат. сб. 1997 (2): Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 147,152,155.*

[52] *Столяров Д.Ю. Трансформация гражданской культуры в России: от чего к чему? // Гражданская культура в современной России. Сборник научных работ грантодержателей МОНФ / Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 50,52-55.*

[52] *Например, формирование хозяйственной и политической культуры Южной и Юго-Восточной Азии во многом определялось теми высшими духовными и мировоззренческими ценностями, которые формировались в контексте распространенных здесь религиозных и религиозно-философских систем - индуизма и буддизма.*

Богом»[53]. Таким образом, именно самодержавный строй считался ими едва ли не главным проявлением национального своеобразия России. Тогда как «народный» консерватизм был, скорее, своеобразной защитной реакцией, формой приспособления к меняющимся социальным условиям. Если царь не мог обеспечить сохранения стабильности и порядка, он лишался доверия, а его власть теряла сакральный смысл.

Как уже отмечалось выше, для российской политической традиции характерно негативное, в целом, отношение к власти, но с другой стороны, русские всегда перекладывали на власть обязанность «кормить народ» и «защищать Святую Русь». История советского периода подтверждает устойчивость патерналистских традиций в России. Все дети младшего школьного возраста были октябрятами — внучатами Ильича, а четверть века страной управлял «отец народа» - И. В. Сталин. В российском массовом сознании 1990-х гг. власть – инстанция субъектности и ответственности. Именно она «во всем виновата». А патерналистский кластер выражается в опоре на сильное государство, персонифицированную власть и социальные гарантии. Непредсказуемость» Ельцина и «загадочность» Путина – своего рода мифологический сигнал, говорящий, что цель политического лидера – общее благо. Новый образ власти созидательного прагматизма, власти с «социальным лицом» с опорой на ценности служения и ответственности, с августа 1999 г. обрел свою символическую фигуру в лице Путина[54].

На современном этапе, связанном со сменой идеологических вех, декларированное в Конституции РФ светское государство в очередной раз ищет в церковной идеологии духовную опору власти. Поразительно, но в начале XXI века Россия остается страной, подверженной воздействию идеологемы об особом историческом пути при отсутствии светской идеологии государства и нации. Отсюда поиски очередного Спасителя / Отца нации и возможное повторение участи одного из прежних «Римов».

Путин стал первым главой российского государства со времен большевистской революции, открыто проявляющим свою религиозность и не скрывающим свое знакомство с церковной службой и ритуалами. Тем самым президент активно способствует определению роли религиозных ценностей в политическом пространстве постсоветской России[55]. На практике православная церковь получает мощную поддержку государства и не в последнюю очередь по причине совпадения взглядов В.В. Путина и Патриарха Алексия II. Однако при этом президент держит с Церковью дистанцию, очертив для нее определенное поле действия, где она может проявлять себя как субъект публичной политики, встроенный в вертикаль власти.

Кроме того, руководство современной России, отказавшись от общенациональной идеи, активно ищет суррогаты высших государственных ценностей. Таким суррогатным концептом стала идея «суверенной демократии». Термин, первоначально введенный гоминдановским правительством Тайваня, дабы подчеркнуть независимость от китайского правительства и формально демократический характер тайваньской

---

[53] *Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 531-532.*

[54] *Антоненко С. От советского к постсоветскому образу – мутации мифа власти в современной России // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 196-197,201.*

[55] *Тяхта А. Политическое позиционирование Церкви при Путине // http//:www/arhipelag.ru/ru_mir/religio/titul/turn/political-positioning.*

политической системы, в противоположность континентальному Китаю, в начале XXI века получил новое смысловое наполнение в политической риторике российских официальных лиц. Впервые термин был использован в феврале 2006 г. в программной речи заместителя руководителя президентской администрации В.Ю. Суркова перед партийным активом «Единой России». Впоследствии к этому термину неоднократно обращались в публичных выступлениях В.В. Путин, С.Б. Иванов и Б.В. Грызлов, а затем он стал программным положением партии власти.

Суверенная демократия определяется «как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими». Приоритетными ценностями для суверенной демократии Сурков объявляет: гражданскую солидарность, наличие творческого сословия как ведущего слоя нации, культуру как организм смыслообразования и идейного влияния, образование и науку как источник конкурентоспособности страны[56]. Согласно идеологической парадигме «суверенной демократии», Россия как суверенное государство оставляет за собой право самостоятельно определять сроки, формы и методы движения к демократии. При этом «суверенная демократия» представляет собой политическую систему, где демократические процедуры и нормы подчинены критерию укрепления державности и государственности. Понятно, что появление нового концепта вызвано прежде всего необходимостью закрепления политической модели путинского правления. Более того, «суверенная демократии» призвана стать идеологией преемника Путина на посту президента. В этой формуле главной и абсолютной ценностью, несомненно, является не демократия, а суверенитет[57].

Не вдаваясь в дискуссию о спорности данной категории, хочется отметить, что созданная для «служебного пользования» российской партийно-политической элиты концепция, представляющая собой эклектическое смешение державных, глобалистских и либерально-демократических ценностей, вряд ли способна стать национальной идеологией. Она со всей очевидностью носит охранительно-оборонительный характер, тогда как для великой державы подобное позиционирование неприемлемо.

Анализ ценностных координат российской цивилизации демонстрирует сужение пространства целевого ценностного ориентирования российского государства в мире и позиционирования внутри. Российское государство и общество в очередной раз стоит перед ценностным выбором на пути обретения своего места в сложном и быстро меняющемся мире. При этом поле современного выбора ограничено ценностями державности, неотрадиционализма (в том числе православного) и цивилизационной (культурной) идентичности.

---

[56] *Сурков В.Ю. Национализация будущего //* *http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/*

[57] *Дугин А. «Суверенная демократия» - признак появления у России идеологии //* *http://viperson.ru/wind.php?ID=261697&soch=1*

Историческая миссия России заключается в сохранении и развитии собственных цивилизационных накоплений, одним из которых является российская государственность. Последняя, в свою очередь, должна иметь ценностные основания, представляющие собой баланс интересов личности, общества и государства и опирающиеся на вековые нравственно-духовные накопления русского народа и других народов нашей Родины. Речь прежде всего идет о закреплении в Конституции РФ понятия «высшие ценности российского государства» и гарантий их сохранения и укрепления.

Стратегия выбора пути социально-экономического развития

Егоренков Н.И., д.х. н., к. т.н.,
Гомельский государственный
технический университет
им. П.О. Сухого

«Мне говорят, ведь вы химик, а не экономист, зачем же входите не в свое дело? На это необходимо ответить тем, что истинного, правильного решения экономических вопросов можно ждать впереди только от приложения опытных приемов естествознания»
(Д.И. Менделеев)

«В российском обществе идет большая интеллектуальная работа. Эта работа напрямую связана с *поисками стратегии развития России,* адекватных ответов на вызовы и угрозы, которые возникают или появятся в перспективе»[1]. Анализируется пройденный Россией путь, господствовавшие социально-экономические доктрины, разрабатываются варианты путей развития. Аналогичные процессы идут в Республике Беларусь. Конечно, на основе анализа функционирования нелинейной системы, а социально-экономическая система является именно нелинейной системой, нельзя достоверно предсказать ее будущее, но знание типа и характера динамики системы в сочетании с логикой нелинейных систем (диалектической логикой) может позволить разработать модель системы, адекватную современным требованиям жизни.

Как было. В 1980 году в Советском Союзе в расчете на единицу продукта расходовалось лесоматериалов в 1,5 раза больше, чем в США, стали – в 1,8 раза, цемента – в 2,3 раза, минеральных удобрений – в 7,6 раза. Неудивительно, что фондоотдача неуклонно падала. Если в 1950 году для получения чистого продукта стоимостью в 1 рубль нужно было вложить 2 рубля в основные фонды, оплату труда и т.п., то в 1986 году для этого требовалось вложить уже 5 рублей. Неуклонно падала и отдача от НИОКР, хотя государство увеличило расходы на них. Так, с 1950 года по 1990 год расходы возросли в 35 раз (численность занятых в сфере науки при этом возросла в 12 раз). Но если в 1960 году на 100 тыс. занятых в этой сфере приходилось 785 новых типов машин, то в 1972 году – 324, в 1980 – 198, в 1990 – 89. Ахиллесовой пятой экономики был гипертрофированный ВПК. Он поглощал пятую часть добываемого в стране топлива, треть производимого металла и три четверти ассигнований на НИОКР. Военные расходы достигали 20% ВНП»[2].

Лучшим (176,5%) в советской (российской) экономике по темпам роста ВВП было десятилетие 1951-1960 гг. После этого темпы роста неуклонно снижались: 1961-1970 (97,3%), 1971-1980 (61,9%), 1981-1990 (46,9%). Лучшим (9,2-9,3%) по среднегодовым

---

[1] *Строев Е.С. Проблемы российского самосознания // Вопросы философии, 2007, № 4, с. 3-8.*
[2] *Шишков Ю. Россия в мирохозяйственном интерьере // МЭиМО, 2006, №2, с. 116.*

приростам ВВП было время правления Сталина (1922-1953 гг., 9,2%) и Хрущева (1953-1964 гг., 9,3%)[3]. Лучшей пятилеткой была пятилетка 1966-1970 гг. («реформы Косыгина»): национальный доход увеличился на 141% (1961-1966 гг. - 132%), производительность общественного труда - на 139% (1961-1966 гг. - 131%), реальные доходы на душу населения – на 133% (в 1961-1966 гг. - 119%)[4].

При Горбачеве, начавшем в соответствии с решениями мартовского пленума ЦК КПСС 1985 года перестройку советской экономики под лозунгом ускорения социально-экономического развития, среднегодовой прирост ВВП продолжал снижаться и упал до 4,2%. Абсолютное же снижение ВВП началось (впервые за всю советскую историю) в 1990 году. Темп изменение ВВП стал отрицательным и составил (-0,5%)[5].

Советская экономика вошла в кризисное состояние.

Из генеральных секретарей ЦК КПСС неблагополучие в советской экономике остро почувствовал Андропов. Он впервые публично заявил о том, что «мы не знаем общества, в котором живем». В ЦК КПСС был создан экономический отдел, на который возложили задачу разработки новых подходов к регулированию экономики. Руководить отделом поручили секретарю ЦК КПСС Рыжкову Н.И[6]. В 1985 году уже при Горбачеве (выдвиженце Андропова) Рыжкова Н.И. назначили Председателем Совета Министров СССР. Для выработки механизмов перестройки экономической политики были привлечены крупнейшие ученые – академики Абалкин Л.И., Аганбегян А.Г., Арбатов Г.А., Заславская Т.И., Тихонов В.В. и др.

Кризис марксистской политэкономии? В последние годы существования СССР, а тем более после его распада, большинство ученых-экономистов и политиков было убеждено, что марксистско-ленинская экономическая теория потерпела сокрушительное поражение. Она заменялась неоклассической (маржиналистской) экономической теорией, основанной на модели рационального (максимизирующего) человека в равновесном товарно-денежном хозяйстве - западными теориями рыночной экономики, объединенными общим названием “мэйнстрим”. Курсы “Экономикс”, в основу которых были положены эти теории, постепенно вытеснили из вузовских программ не только курсы марксистской политической экономии, но и политическую экономию вообще.

Следует отметить, что Маркс и Энгельс плана построения социализма не разработали, о чем они откровенно писали. Они установили, что характер общественного строя (тип экономического уклада) зависит от материальных условий производства жизненных благ (уровня развития производительных сил и, соответственно, от господствующих в обществе экономических отношений, связанных с отношениями собственности на средства производства). По мере развития производительных сил экономические уклады закономерно сменяют друг друга. На смену буржуазному обществу с частной формой собственности, основанной на наемном труде, придет социализм

---

[3] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика», 2000, с. 116,117.

[4] Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: Очерки / Л. Абалкин. – М.: Наука, 2002, с.207.

[5] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика», 2000, с.471.

[6] История России. XX век: Учебное пособие / О.А. Яновский, С.В. Позняк, В.И. Меньковский и др.; Под ред. В.И. Меньковского и О.А. Яновского. – Мн.: РИВШ, 2005, с. 419.

(первая фаза коммунизма), основанный на общественной форме собственности и свободном труде. Они указали лишь общее направление движения к социализму. Не успел разработать план построения социализма и Ленин. При этом открытыми остались фундаментальные вопросы, что такое общественная собственность и как на практике реализовать принцип социализма «каждому трудоспособному – по труду». Во времена Сталина и его преемников государственная собственность стала считаться общественной собственностью (например, в Конституции СССР было написано, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной и колхозно-кооперативной собственности»), хотя Маркс и Энгельс в категорической форме отвергали такое отождествление. Так, Энгельс писал о том, что если встать на такую точку зрения, то «Наполеон и Метерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма», а ротные швальни в армии «должны быть признаны социалистическими учреждениями». Такой социализм он называл «фальшивым социализмом»[7]. Сталин, используя, как ныне говорят, «административный ресурс», обсуждение вариантов построения социализма просто прекратил. В итоге природа возникшего в СССР общества до сих пор является предметом острых научных дискуссий. Следовательно, если уж и говорить о кризисе марксистской теории, то в том смысле, что ни ее основоположники, ни ее последователи до сих пор так и не предложили научно обоснованный план строительства социализма.

Перестройка советской (российской) экономики. Во времена перестройки многие политики, включая членов Политбюро ЦК КПСС, и ученые заявляли о том, что опыт Советского Союза показал неэффективность общественной формы собственности, что необходимо ее приватизация и переход от «командной» (социалистической) к «рыночной» (капиталистической) экономике. Стало преобладающим мнение о том, что частная собственность является основой рыночной экономики, а мелкая частная собственность - основой демократического общества. Например, лауреат Нобелевской премии по экономике М. Фридмен «на вопрос, как трансформировать социализм в капитализм, ответил коротко и ясно: “приватизируйте, приватизируйте и еще раз приватизируйте”»[8]. МВФ также в качестве одного из основных условий перестройки советской экономики рекомендовал приватизацию государственной собственности («Вашингтонский консенсус»). В марте 1990 года Верховным Советом СССР был принят Закон «О собственности», в апреле 1991 года – Закон «Об общих началах предпринимательства граждан СССР» и, наконец, в июле 1991 – Закон «Об общих началах разгосударствления и приватизации предприятий». Процесс приватизации государственной собственности в СССР был запущен.

В октябре 1991 года на пятом съезде народных депутатов РСФСР Б.Н. Ельцин заявлял о том, что «хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, насыщение потребительского рынка, а к осени 1992 года – стабилизация экономики и постепенное улучшение жизни людей». Вице-премьер России, председатель

---

[7] *Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», ОГИЗ. Гос. изд-во полит. литературы, М., 1948. С. 262.*

[8] *Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики России // Вестник РАН, 2007, т. 77, № 7, с.587.*

Госкомимущества А.Б. Чубайс подчеркивал, что «цель приватизации – построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет, выполнив ту норму выработки, на которую у остального мира ушли столетия»[9]. Надежды были самые радужные.

Как стало. Несмотря на начатую перестройку экономики (массовую приватизацию государственной собственности) ВВП России продолжал падать. Темп его изменения, ставший отрицательным в 1990 году, наибольшей величины достиг в 1993 году (-14,5%). Во все время правления Ельцина темп изменения ВВП был отрицательным, его среднегодовое значение (-4,6%)[10].

Если производство в России упало в ходе 1-ой мировой войны на 25%, в Гражданскую войну – на 23%, во 2-ую мировую войну – на 21%[11], то в результате перестройки 1991-1998 гг. – на 44,2% (промышленность – на 54,3%, сельское хозяйство – на 46%). Реальные среднедушевые денежные доходы за это время сократились в 2 раза, а инвестиции в основной капитал – почти в 5 раз. Резко возросла дифференциация населения по доходам. Коэффициент фондов с 4,1 в 1991 г. увеличился до 15,1 в 1994 г. и с тех пор практически не уменьшается. Экспорт России приобрел сырьевой характер. Так, в 2005 г. экспортировалось 54% нефти (в 1991 г. – 19,2%), 52,4% черных металлов (в 1991 г. – 6,5%), 32% газа (в 1991 г. – 15%)[12], 51,8% каменного угля (в 1991 г. – 7,8%). В товарном выражении ВВП России даже спустя 15 лет (2006 г.) составил всего 45% уровня 1991 года[13].

С 1992 г. в России стала сокращаться численность населения (ныне ежегодное сокращение составляет около 0,5 млн. человек). Значительно сократилась ожидаемая продолжительность жизни (по этому показателю Россия опустилась на 100-110 место в мире[14]), а у мужчин она стала ниже пенсионного возраста.

Одним из общепризнанных обобщающих показателей социально-экономического развития страны является разработанный ООН индекс развития человеческого потенциала. «По этому показателю в 1992 году Россия занимала 30 место и входила в группу стран с *высоким его уровнем*. В 2000 году Россия опустилась на 57 место (и перешла в группу стран со *среднем уровнем развития)*, в 2005 г. – на 62 место»[15].

«Ельцинские реформы на десятилетия отбросили страну»[16], «российское общество находится в кризисном, критическом состоянии»[17].

Общий итог “рыночных реформ”, основанных на массовой приватизации, в бывших советских республиках: почти двукратное падение ВВП, сокращение реальной

---

[9] История России. XX век: Учебное пособие / О.А. Яновский, С.В. Позняк, В.И. Меньковский и др.; Под ред. В.И. Меньковского и О.А. Яновского. – Мн.: РИВШ, 2005, с.547,551.
[10] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика», 2000, с.117, 471.
[11] Ковалев Е. Агропродовольственный сектор России // МЭиМО, 2007, №5, с. 45-57.
[12] Сорокин Д. Воспроизводственная динамика и ее качество // Экономист, 2006, №3, с 3-13.
[13] Губанов С. Системный выбор России // Экономист, 2007, № 4, с. 13,14.
[14] Реформационный прагматизм как основа модернизации (резюме доклада, подготовленного учеными РАН под руководством академика Гринберга Р.С. // РЭЖ, 2007, № 3, с. 3-35.
[15] Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики России // Вестник РАН, 2007, т. 77, № 7, с.586.
[16] Львов Д. Система национальных счетов // Свободная мысль, 2005, № 12, с. 17-31.
[17] Семенов В.Е. О путях прогрессивного развития российского общества и цивилизации в XXI веке // Вопросы философии, 2007, № 4, с. 94-113.

заработной платы, деиндустриализация экономики, ликвидация социальных гарантий, деквалификация основной массы работников, существенное сокращение средней продолжительности жизни, расслоение народа на сверхбогатое меньшинство и едва сводящее концы с концами большинство (богатые стали жить богаче, а бедные – беднее). Чем крупнее страна, тем очевиднее этот итог (в мелких странах результат использования экономического инструмента может маскироваться, искажаться, затушевываться многими второстепенными, побочными, внешними, незначительными для крупных стран факторами). Наиболее яркие примеры – Россия, Украина, Казахстан (заокеанский пример – Аргентина). А это ведь богатейшие по природным ресурсам страны!

«… Реформы оказались реакционными, привели к разрушению без созидания, устроили вольницу для иностранного капитала, повели дело к превращению России в неоколониальный сырьевой придаток развитых держав и потере экономической независимости, поставили интересы социального меньшинства выше интересов социального большинства. Частнохозяйственная и дезинтегрированная, сырьевая по структуре экономика России уступает вертикально интегрированной и высокотехнологичной экономике США по мультипликатору добавленной стоимости (отношению объема добавленной в обрабатывающей промышленности стоимости к объему добавленной в добывающем секторе стоимости) в 7-8 раз»[18].

В настоящее время «Наиболее серьезными угрозами для страны являются демографический упадок, экономическая слабость России и неэффективность государства»[19].

Кто виноват? Лет 7-8 назад, когда результаты реформ не были столь очевидно катастрофическими, их считали платой за перестройку экономики, ее будущую эффективность. Но сегодня уже в это практически никто не верит. Тем более что во всех странах, ставших на путь массовой приватизации, произошла олигархизация производственной собственности, не оставляющая места надежде на скорую демократизацию общества.

Россия вновь оказалась на распутье[20] [21]. «Долгосрочная социально-экономическая стратегия России не разработана»[22],[23].

Большинство ученых-экономистов сходятся во мнении, что наиболее приемлемой для России является социально ориентированная рыночная экономика, а основными причинами социально-экономической катастрофы, считают внутренние факторы[24]: 1)

---

[18] Губанов С. Системный выбор России // Экономист, 2007, № 4, с. 14,16.
[19] Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Вопросы экономики переходного периода, 2006, №7, с. 3-14.
[20] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство "Экономика», 2000, с.386.
[21] Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: Очерки / Л. Абалкин. – М.: Наука, 2002, с.6.
[22] Абалкин Л.И. Размышление о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики, 2006, № 12, с. 3-19.
[23] Сулакшин С. Идеология экономической политики России: проблемы, механизмы формирования, практики // Вопросы экономики переходного периода, 2006, № 5, с. 31-51.
[24] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство "Экономика», 2000, с.398; А.И. Алексеев, Ю.А. Симагин. Рецензия на книгу: Р.В. Рывкина. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М., Наука, 1994 // Вопросы философии, 1996, № 2, с.147-149.

«Наши люди не готовы к реформам». «При этом речь идет не об отдельных индивидах, а о массовом явлении». 2) «Стремительно проведенная приватизация государственной собственности привела к созданию в обществе группы населения, которая заняла монопольное положение во владении и распоряжении бывшей общенародной собственностью. Эта группа, именуемая “олигархией”, не являясь по своему происхождению эффективным собственником, не заинтересована в передаче собственности в руки эффективных собственников, а значит, будет оказывать сопротивление созданию в стране нормального экономического механизма».

Некоторые ученые основной причиной экономической катастрофы считают «неправильную» очередность мероприятий при проведении приватизации. Такого мнения придерживается, например Дж. Стиглиц [25].

Практически все предъявляют претензии к экономической науке, прежде всего к взятым на вооружение теориям «Экономикс», в частности, к неоклассической теории. Некоторые делают даже попытки сбросить ее «с парохода современности», объявляя ее попросту лживой[26].

Практически никто из известных ученых-экономистов, включая Нобелевских лауреатов по экономике, до сих пор не сомневается в необходимости приватизации, по крайней мере, определенной части государственной собственности («свобода появится только после того, как в стране завершится процесс “настоящей” приватизации, и каждый кусочек собственности, каждый квадратный сантиметр земли в России будет иметь своего постоянного и заботливого хозяина»[27]). Споры в основном идут о соотношении государственного и частного секторов экономики. Преобладает мнение о том, что наиболее оптимальной долей государственной собственности является (30-50)% (одни имеют в виду производственную собственность, другие – государственные финансы). Большинство ученых считает, что в настоящее время необходимо более существенное присутствие государства в российской экономике (прежние широко распространенные представления о том, что «чем меньше государство вмешивается в экономику, тем лучше» уже мало кто поддерживает).

Кризис теоретической экономики. Серьезные претензии к теориям «Экономикс» высказывались уже давно рядом ученых. Их мнение наиболее ярко выразил М Блауг. Он считает, в частности, что неоклассическая теория «пала жертвой пустого формализма», «абстрактного кабинетного теоретизирования», превратилась в «усыпляющую схоластику наших дней». Особо суровые обвинения достались теории общего экономического равновесия, с которой, как он отмечает, «началось разрастание раковой опухоли в самой сердцевине микроэкономики». Неудивительно, пишет он, что экономисты «оказались хуже, чем бесполезными, когда начали давать советы правительствам Восточной

---

[25] Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003; Мильнер Б. Итоги и уроки // Вопросы экономики, 2003, №9, с. 147-154..

[26] Байнёв В.Ф. Современный либерально-рыночный капитализм как фактор кризисного развития и глобальных проблем цивилизации // Новая экономика, 2005, № 3-4, с. 5-27.

[27] Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика», 2000, с.418.

Европы, как им переходить от командной экономики к рыночной»[28]. «Современная экономическая наука больна, подчеркивает М. Блауг, - она все больше превращается в интеллектуальную игру ради самой игры, независимую от практической значимости».

Кризисное состояние современной экономической теории уже давно признается российскими учеными. «Наша экономическая наука переживает состояние хаоса, растерянности и разброда, выход из которого один – в ее глубоком обновлении, переосмысливании многих традиционных подходов. Необходимо по-новому посмотреть на саму структуру экономического знания, методологию и инструментарий исследования"[29]. Ситуация до сих пор не изменилась. «Современная теория экономики находится в глубоком кризисе. Кризис обнаруживает себя не только в том, что теоретическая экономика не сумела найти эффективные решения насущных проблем экономической политики, в частности в реформирующихся странах, но и глубинным, внутренним для теории образом, происходит накопление фактов, свидетельствующих о принципиальной ограниченности ее методов»[30].

Все настойчивее пробивает дорогу мысль о необходимости разработки новой экономической парадигмы. Все заметнее становится зависть к методологии наук, сочетающих аналитическую строгость с эмпирической адекватностью теорий, все острее ощущается недостаток интегрального видения экономической системы и протекающих в ней процессов[31].

Экономика – нелинейная система. Современная экономика, а точнее товарно-денежное хозяйство представляет собой совокупность (множество) хозяйствующих субъектов, которые взаимодействуют и влияют один на другого. На языке точных наук товарно-денежное хозяйство – это система многих движущихся и взаимодействующих частиц, обладающих силовым полем. Это система с ограниченными ресурсами и кооперативным откликом (потенциальная система). Такого рода системы являются нелинейными (не выполняется принцип простой суперпозиции), а протекающие в них процессы являются ветвящимися. Они могут существовать в нескольких стационарных (установившихся) состояниях.

Динамические системы описываются уравнениями состояния, связывающими их основные характеристики (переменные состояния и управляющие параметры). Так как в математической теории систем природа частиц не играет роли, то различные по природе системы многих частиц (физические, биологические, экономические и т. д.) могут рассматриваться как изоморфизмы (в некотором смысле тождественно, одинаково устроенные системы), то есть иметь общую модель (уравнения состояния).

В частности, товарно-денежное хозяйство («частицы» – хозяйствующие субъекты) можно рассматривать как систему, изоморфную веществу, например, молекулярной системе (частицы – молекулы). Идея рассматривать преобразующее природу

---

[28] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

[29] Медведев В. Экономическая теория: перед лицом коренного обновления // Вопросы экономики, 1992, № 2, с. 80-93.

[30] Вопросы экономики переходного периода, 2005, № 11, с.2.

[31] Марксово наследие и современная экономическая наука // Вопросы экономики, 2005, № 1, с. 87-132; № 2, с. 118-140.

человечество как «живое вещество» принадлежит, как известно, В.И. Вернадскому[32]. Кстати, и многие экономисты, в том числе лауреат Нобелевской премии Р. Коуз, часто называют хозяйствующие субъекты «молекулами»[33].

Фазовая теория социально-экономического развития. Морфологию нелинейных динамических систем изучает топологическая теория бифуркаций критических точек потенциальных функций (теория катастроф). Уравнения состояния систем многих частиц получают, дифференцируя их потенциальные функции и приравнивая нулю полученный результат. Гладкую (дифференцируемую) функцию можно разложить в ряд и согласно теории катастроф ограничиться без потери существенной для характеристики морфологии системы информации первыми членами ряда[34].

В случае систем с одной переменной состояния (одномерной системы) можно ограничиться семью первыми членами и уравнение состояния записать в виде

$$a_0 - a_1 x + a_2 x^2 - a_3 x^3 + a_4 x^4 - a_5 x^5 + a_6 x^6 = 0 \text{ или}$$

$$(a_6 + \frac{a_4}{x^2} - \frac{a_3}{x^3} + \frac{a_2}{x^4} - \frac{a_1}{x^5} + \frac{a_0}{x^6})x = a_5 ,$$

где *x* - переменная состояния, $a_0,...,a_6$ - управляющие параметры. Если в этом полевом уравнении учесть суммарный собственный объем частиц (*b*), то для консервативной системы уравнение преобразуется к виду

$$a_6(x-b) + (\frac{a_4}{x} - \frac{a_3}{x^2} + \frac{a_2}{x^3} - \frac{a_1}{x^4} + \frac{a_0}{x^5}) = a_5 ,$$

где *x* - весь объем системы, $(x-b)$ - доступный для движения частиц объем, a_5 - полная механическая, $a_6(x-b)$ - кинетическая, а $(\frac{a_4}{x} - \frac{a_3}{x^2} + \frac{a_2}{x^3} - \frac{a_1}{x^4} + \frac{a_0}{x^5})$ - потенциальная энергии системы.

В случае товарно-денежного хозяйства уравнение приобретает вид

$$p(V-b) + (\frac{a_4}{V} - \frac{a_3}{V^2} + \frac{a_2}{V^3} - \frac{a_1}{V^4} + \frac{a_0}{V^5}) = RT \qquad \textbf{(1)}^{35},$$

где *V* – суммарный объем конечных (потребительских) и промежуточных (средств производства) товаров, *b* – объем промежуточных товаров, *R* – масса денег в обращении ($R = const$), *T* - скорость обращения денег, *RT* – доход (*Y*), $p(V-b)$ - стоимость используемых средств производства и заработная плата - сумма постоянного *c* и переменного *v* капитала («кинетическая энергия» хозяйства - часть дохода, которая используется в производстве), совокупность дробных членов – прибавочная стоимость *m* («потенциальная энергия» хозяйства – часть дохода, которая может использоваться, но не используется в производстве), в более широком смысле – трансакционные издержки

---

[32] *Вернадский В.И. Живое вещество. М, 1987.*
[33] *Коуз Р. Природа фирмы // ЭКО, 1993, № 2, с. 66-82.*
[34] *Гилмор Р. Прикладная теория катастроф: В 2-х кн. Кн. 1. Пер. с англ. – М.: Мир, 1984; Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980.*
[35] *Егоренков Н.И., Стародубцева М.Н, Казакова Е.Н. Фазовая теория общественной экономической формации // Новая экономика, 2007, № 1-2, с. 3-24.*

(непроизводственные расходы), связанные с несовершенством конкуренции. Уравнение (1) – это баланс товарно-денежного хозяйства (правая часть – доход, левая часть – расход). Его можно записать в виде известного выражения Маркса для распределения дохода[36]:

$$Y = c + v + m$$

При увеличении V и (или) T дробные члены в уравнении (1) последовательно становятся незначащими и можно записать ряд уравнений (от шестой до первой степени), который замыкает уравнение

$$p(V - b) = RT \qquad \textbf{(2)}$$

Согласно уравнению (1) товарно-денежное хозяйство может существовать в нескольких стационарных (установившихся) состояниях. Эти состояния качественно отличаются и включают состояния устойчивого равновесия (фазы), а также состояния неустойчивого равновесия (переходные между фазами состояния). Стационарные состояния товарно-денежного хозяйства – это экономические уклады (способы производства).

Уравнения, которые содержат дробные члены (прибавочную стоимость), описывают экономические уклады, соответствующие частной форме собственности (конкуренция несовершенная – движение «частицы» ограничено движением других «частиц»). Уравнение (2) не содержит таких членов и описывает уклад с совершенной конкуренцией («частицы» движутся свободно). Но так как существуют только две принципиально разные формы собственности (частная собственность и противоположная ей общественная собственность), то этот уклад соответствует общественной форме собственности. Следовательно, социализм (socialis, общественный) – это социальная рыночная экономика (товарно-денежное хозяйство, основанное на общественной форме собственности) и он является не первой фазой коммунистической (нетоварной) общественной формации, а заключительной фазой экономической (товарной) общественной формации. К первой фазе коммунизма его можно отнести, если в основу классификации положить не характер производства (товарный или нетоварный), а тип собственности на средства производства (частная или общественная). Так как социальной рыночной экономике соответствует, как и коммунизму, общественная форма собственности на средства производства, то социализм можно в этом случае рассматривать как первую фазу коммунизма.

Как следует из уравнения (1) средне развитая, то есть существующая в настоящее время товарно-денежная экономика, описывается уравнением третьей степени, которое можно упростить, приняв $a_3 = ab$, $a_4 = a$, где $a = const$, и преобразовать к виду

$$(p + \frac{a}{V^2})(V - b) = RT \qquad \textbf{(3)}^{37},$$

---

[36] *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7, - М.: Политиздат, 1987, с. 201.*

[37] *Егоренков Н.И., Казакова Е.Н., Стародубцева М.Н. Фазовая модель товарно-денежного хощяйства // Вопросы экономики, 2005, № 8, с. 41-45.*

то есть к виду известного в физической фазовой теории уравнения Ван дер Ваальса (следовательно, «непроходимой пропасти между физическими и общественными науками», о которой так много спорят[38], не существует).

В уравнении (3) $(p+\frac{a}{V^2})$ является уровнем цен потребительских (конечных) товаров, а $a(V-b)/V^2$ - прибавочной стоимостью, трансакционными издержками. Графическое решение уравнения (3) схематически изображено на рис. 1.

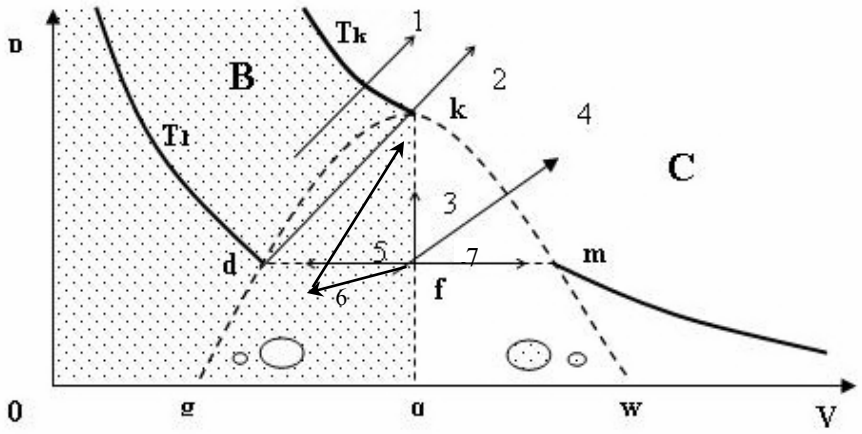


Рис. 1 Фазовая диаграмма товарно-денежного хозяйства

Уравнение (3) имеет три варианта решения, соответствующих стационарным состояниям, два из которых являются состояниями устойчивого равновесия (фазы *B* и *C*), а одно – состоянием неустойчивого равновесия (переходное между двумя первыми). В координатах *p*-*V*-*T* оно описывает поверхность с особенностью, которая называется катастрофой “сборка”. Место исчезновения особенности - точка *k*. Ей соответствует критическая скорость обращения денег T_k .

Так как при увеличении *V* и (или) *T* уравнение (3) переходит в уравнение (2), то фаза *B* соответствует экономике с частной формой собственности, а фаза *C* – с общественной формой собственности.

Разделяет при $T \prec T_k$ фазы *B* и *C* кривая *g*-*d*-*k*-*m*-*w*, ограничивающая переходное состояние. Переход от фазы *B* к фазе *C* (от уклада *B* к укладу *C*) является фазовым переходом 1-го рода и осуществляется при $T = const$. Переходная область состоит из двух частей. Она включает примыкающую к фазе *B* часть, в которой зарождаются, постепенно увеличиваясь в количестве и размерах, зародыши фазы *C*, и следующую за ней и примыкающую к фазе *C* часть, в которой содержатся постепенно исчезающие остатки фазы *B*. Эти две части, а также фазы *B* и *C* в целом разделены областью «взаимопроникающей сетки» - конвергенции укладов (линия *k*-*f*-*q*, $T = T_k$).

---

[38] *Розмаинский И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 25-36; Ясинский Ю.М., Тихонов А.О. Развитие социально-экономических систем. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005, с 11.*

Переходное состояние – это смешанная (двухукладная экономика). Так как экономический уклад *С* основан на общей по праву владения собственности, то зарождающиеся внутри первой переходной области элементы уклада *С* являются, несомненно, хозяйствующими субъектами, основанными на крупной (акционерной и государственной) собственности. Очевидно, что уклад первой части переходного состояния – это, говоря марксистским языком, диктатура буржуазии над пролетариатом, а второй части – диктатура пролетариата над буржуазией.

Состояния устойчивого равновесия (фазы) характеризуются, как известно, тем, что при возмущениях, вызывающих небольшие отклонения системы от равновесия, система стремится восстановить равновесие. Этот эффект в товарно-денежной экономике носит название «невидимой руки рынка». Отсюда следует два вывода. Во-первых, «невидимая рука рынка», возвращая экономику к status quo (существующему порядку вещей), не способна обеспечить переход от экономики менее справедливой к экономике более справедливой. Во-вторых, так как в переходных состояниях эффект возврата отсутствует и система «не знает» в какое из возможных состояний можно переходить, то переход зависит от вектора изменения ее характеристик, обусловленных воздействием управляющих системой параметров. Следовательно, возможно сознательное воздействие на систему для того, чтобы перевести ее в то или другое состояние устойчивого равновесия. Из фазовой диаграммы следует также, что процессы качественной трансформации социально-экономической системы, принципиально несовместимы с *равноправием* форм собственности. Прогрессивный экономический уклад должен создавать условия, которые уменьшают параметр a/V^2, то есть создавать преференции соответствующим ему субъектам хозяйствования. Как тут не вспомнить слова Ленина о том, что “каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса”[39]?

При $T \prec T_k$ экономические уклады являются мультистабильными (при $T = const$ - равновозможными). Иначе говоря, экономические уклады, основанные на частной и общественной формах собственности, являются альтернативными укладами. При $T \succ T_k$ альтернативы укладу с общественной формой собственности, как видно из рис. 1, нет. Так как *RT* характеризует величину дохода, а $R = const$, то величина *T* характеризует, следовательно, уровень развития производительных сил. Таким образом, мультистабильность означает возможность *сознательного выбора* экономического уклада путем выбора формы собственности, а точнее типа производственных отношений, определяющих уровень экономической свободы товаропроизводителей. Как тут снова не вспомнить слова В.И. Ленина: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”…), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на

[39] *Ленин В.И. ПСС, т.45, с.371.*

основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы…?»[40].

Таким образом, фазовая теория товарно-денежного хозяйства подтверждает правоту Ленина в его историческом споре с Плехановым, утверждавшим, что Россия еще не смолола муки, из которой можно испечь пирог социализма, что Россия еще не достигла высоты развития, при которой он возможен.

Очевидно, что фазовую теорию товарно-денежного хозяйства, закладывающую математические основы нелинейной экономической парадигмы, можно рассматривать как неомарксистскую экономическую теорию. Фактически именно Маркс впервые предпринял попытку создания нелинейной теории социально-экономического развития. Развитие – это процесс перехода динамической системы из одного стационарного (установившегося) состояния в качественно отличающееся от него другое состояние. Развитие – свойство нелинейных систем, которые описываются нелинейными дифференциальными уравнениями. Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что законы развития, в том числе развития общества, скрыты в дифференциальных уравнениях. Об этом писал Энгельс в черновиках книги о диалектике: «лишь дифференциальное исчисление дает … возможность изображать математически не только *состояния*, но и *процессы*: движение»[41]. К сожалению, в то время теория нелинейных дифференциальных уравнений, теория нелинейных динамических систем только-только начинала создаваться математиками. Поэтому марксистская теория осталась во многом несовершенной, незаконченной теорией.

Уравнение (2) по своей сути - это уравнение Фишера[42], лежащее в основе количественной теории денег и неоклассической теории: $(V-b)$ является объемом конечных товаров - реальным годовым продуктом (во избежание двойного счета реальный продукт необходимо определять именно как сумму цен конечных товаров), а *p* – уровнем цен конечных (потребительских) товаров. Именно в этом случае на производственное потребление, включая воспроизводство рабочей силы, идет не часть дохода, а весь доход. Отсюда следует, что неоклассическая теория, описывающая экономику с совершенной конкуренцией, адекватна не существующей экономике, основанной на наемном труде, а будущей социальной рыночной экономике, основанной на труде свободно ассоциированных хозяйствующих субъектов, к которой необходимо стремиться. Следовательно, антагонизм мэйнстрима и марксизма, как двух основных течений экономической мысли, является мнимым, а спор между их сторонниками - схоластическим спором. Неоклассическая теория как теория равновесной рыночной экономики с совершенной конкуренцией является частным случаем неомарксистской экономической теории (по сути – теорией рыночного социализма). Марксу был присущ системный взгляд на развитие общества. Возрождение именно системного подхода к

---

[40] Ленин В.И. ПСС, т.45, с. 381.
[41] Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Изд-во полит. литературы, 1969,с. 237.
[42] Фишер И. Покупательная сила денег / Сост., вступ. статья М.К. Бункина, А.М. Семенов. – Дело, 2001, с. 15.

этой проблеме позволит преодолеть кризис, в котором оказалась в настоящее время теоретическая экономика.

Фазовый анализ товарно-денежного хозяйства устраняет кажущуюся несовместимость формационной теории Маркса и цивилизационной теории Данилевского-Тойнби, так как в качестве хозяйствующего субъекта («частицы») можно рассматривать не только домашние хозяйства (работников) и предприятия, но и государства, в том числе построенные по этническому принципу, а также нации и даже расы, объединенные хозяйственной деятельностью.

Социальная рыночная экономика – будущее человечества. Как ликвидировать отчуждение трудящихся от средств производства, находящихся в государственной собственности, обеспечить равный их доступ к средствам производства, равноправное и эффективное распоряжение-управление каждым трудящимся государственной собственностью в условиях рыночной экономики? Иначе говоря, как государственную собственность превратить в общественную собственность, а последнюю совместить со свободной рыночной экономикой? Очевидно, что наибольшей мере эти условия выполняются в случае распоряжения-управления государственной производственной собственностью (средствами труда и природными ресурсами) на принципах персонифицированной *долевой* аренды (финансового, оперативного, возобновляемого и др. видов лизинга), то есть на кредитных условиях (платности, срочности и возвратности). Этим правом платного распоряжения и пользования должен быть наделен каждый трудоспособный человек. Его необходимо закрепить в Основном законе страны - Конституции. Почему трудящиеся, обладающие правом владения государственной собственностью, должны ее арендовать? Потому что она принадлежит всем, а распоряжаться ею с целью получения дохода, будут частным образом. Частное (индивидуальное или групповое) распоряжение-управление собственностью сопряжено с риском нанесения ущерба обществу, с возможностью убытков и даже полной ее утраты. Персонифицированная аренда исключает это.

Лизинг уже сегодня является широко распространенной формой коммерческого кредитования товаропроизводителей и долгосрочного инвестирования во многих странах мира. При этом неуклонно увеличивается доля чистого (обслуживание объекта лизинга берет на себя лизингополучатель) и возобновляемого, в том числе генерального лизинга, позволяющего не только производить замену технологически связанного оборудования, но и открыть лизинговую линию (дополнять список оборудования без заключения нового соглашения). Лизинговые операции расширяются качественно (в лизинг передаются производственные комплексы). Он постепенно становится самым распространенным и эффективным средством платного распоряжения-управления и пользования производственной собственностью. Логическое завершение этого процесса - персонифицированное долевое распоряжение-управление и пользование государственной производственной собственностью. Этот принцип реформирования государственной производственной собственности в совокупности со свободной кооперацией товаропроизводителей в отличие от нынешней приватизации не разрушает экономический потенциал страны. Он ликвидирует наемный труд (наемное рабство, как

его называли Маркс и Ленин), бюрократизацию всех уровней управления и экономическую основу преступности - нетрудовую частную собственность, дает простор экономической инициативе трудящихся. Он превращает трудящихся в ответственных хозяев на производстве, а государственную собственность - в общественную собственность. Он обеспечивает реализацию принципа “каждому трудоспособному - по труду”, самоуправление трудящихся, экономическую независимость человека – основу всех человеческих свобод.

Что делать? Стратегия выбора пути развития общества. Из рис. 1 следует, что может быть несколько путей перехода к социальной рыночной экономике, основанной на общественной форме собственности.

1-ый путь (стрелка 1) – это непосредственный путь из фазы *B* (множество мелких частных собственников) в фазу *C* без диктатуры пролетариата (фазовый переход 2-го рода), который характеризуется постепенным сближением и превращением частной собственности в общественную собственность (этот путь для развитых стран остался нереализованным).

2-ой путь (стрелка 2) - переход через критическую точку “*k”* в условиях диктатуры буржуазии. Это путь Й. Шумпетера[43], который в настоящее время пытается осуществить западная социал-демократия.

3-ий путь (стрелка 3) – переход в условиях неустойчивой конвергенции диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата (линия *k-f-q*). Разновидностью его является путь Сталина - путь группового распоряжения государственной собственностью, когда совокупный распорядитель (номенклатура - бюрократическая буржуазия) борется с мелкими частными владельцами (предпринимательской буржуазией) и с кооператорами-арендаторами государственной производственной собственности (социалистической формой хозяйствования).

4-ый путь (стрелка 4) – переход к диктатуре пролетариата и постепенное сокращение остатков буржуазных отношений вплоть до полного построения социализма. Это путь Маркса (путь социальной революции), который пытался обосновать и реализовать Ленин.

5-ый путь (стрелка 5) – это путь, выбранный бывшими советскими республиками (приватизация государственной собственности), попытка повернуть вспять колесо экономики (экономические потери в странах, ставших на путь массовой приватизации, являются не платой за будущую эффективность экономики, а расплатой за желание сохранить как можно дольше частную форму собственности, основанную на наемном труде, реализуя 2-ой путь).

6-ой путь (стрелка 6) – это реально реализуемый бывшими советскими республиками, включая Россию, зигзаг истории (уменьшение *V* и *T* вследствие приватизации и последующее увеличение их за счет технико-технологических инноваций).

---

[43] *Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. И общ. Ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995, с. 104.*

7-ой путь (стрелка 7) – прогрессивный и наименее капиталоемкий путь (увеличение *V* при $T = const$ посредством финансовых инноваций, связанных с постепенным увеличением доли государственной собственности вплоть до 100% и демократизацией права распоряжения-управления ею на принципах персонифицированной аренды и свободной кооперации хозяйствующих субъектов**).**

Что было? Была ли государственная собственность в СССР общественной (социалистической) собственностью? Собственность характеризуется не только формой (частная и общественная), но и правами. Для статуса хозяина главными являются два права (владения и распоряжения-управления). Если собственность является государственной, то определяющим становится право распоряжения-управления – кто обладает им (реально, а не на бумаге), тот и хозяин. В СССР основная масса трудящихся была лишена (фактически, а не на бумаге) этого права. Ею распоряжался (управлял) узкий слой чиновников (партийная номенклатура). Государственная собственность по *праву распоряжения-управления* была *частной собственностью* номенклатуры. Это был *высший тип* буржуазной собственности, а точнее ее последний рубеж («высшая точка", говоря словами Энгельса). Она превращается в общественную собственность, если все права собственности принадлежат народу (в случае производственной собственности – трудящимся). Отсюда следует три вывода. Во-первых, нет оснований для утверждения, что опыт Советского Союза подтвердил неэффективность общественной собственности (ее не существовало). Во-вторых, массовая приватизация, то есть превращение крупной частной собственности в мелкую частную собственность, принципиально не может привести к повышению эффективности функционирования экономики, так как потенциал у крупной собственности выше, чем у мелкой. Приватизация противоречит многовековому историческому тренду в развитии экономики – укрупнению средств труда (финансовых активов), следствием которого является акционерная и, наконец, государственная собственность, государственные финансы (закон Вагнера). В-третьих, для повышения эффективности экономики необходимо реформировать не право владения, а право распоряжения-управления и пользования государственной собственностью, демократизировать его.

В заключение следует отметить, что сегодня проблема эффективного управления крупной, в том числе государственной собственностью, встала во весь рост перед всеми развитыми странами (доля государственных финансов в ВВП США составляет около 40%, в ЕС-12 - около 50%, а в Швеции – более 60%). И все страны, приблизившиеся или перешагнувшие предельный для устойчивости частной собственности, основанной на наемном труде, рубеж 50%-ной доли государственной собственности в ВВП (линия *k*-*f*-*q*), прибегают к приватизации. Это связано с нежеланием крупных частных собственников, включая бюрократическую буржуазию, изменить тип производственных отношений, поделиться с трудящимися правом распоряжения-управления собственностью (пионером была 25 лет тому назад Великобритания, затем – восточноевропейские страны и СССР, сегодня – Швеция). Но это «затратный» путь к прогрессу (6-й путь).

Промышленная политика и публично-частное партнерство

Перегудов С.П., доктор исторических наук

Сейчас уже недостаточно говорить о промышленной политике вообще. Необходимо разрабатывать и обосновывать ее наиболее важные для развития страны аспекты и направления, исходя не только из экономической, но и социальной целесообразности. (…) Правильно, на мой взгляд, определяется основный ракурс промышленной политики как функционально-отраслевой. Не менее обоснованно говорится и о том, что государство должно определять приоритетные отрасли, развитию которых оно призвано всемерно содействовать.

Но давайте порассуждаем дальше. Если есть приоритетные отрасли, значит должны быть и неприоритетные. Соответственно, какова их судьба и какова судьба тех предприятий, которые входят в эти отрасли, а также тех «рабочих рук», которые в них заняты? А ведь это не единицы, не сотни и даже не тысячи, а десятки тысяч предприятий и миллионы рабочих рук. Это также целые районы, а иногда и города и регионы, где эти предприятия и эти отрасли расположены. Достаточно поставить вопрос таким образом, как тут же становится ясным, что речь идет — не больше и не меньше — как о процессе деиндустриализации, который уже начался, но еще далеко не достиг своей «верхней» или, точнее, нижней точки.

Должен сказать, что процесс этот отнюдь не локальный, он существенным образом определяет социально-экономическую ситуацию и в большинстве экономически развитых стран. Правда, его природа там несколько иная, она связана преимущественно с переводом транснациональными корпорациями целого ряда производств в развивающиеся страны. Но последствия и там и здесь практически те же – деградация производства и социальной инфраструктуры; рост безработицы; превращение целых районов и городов если не в гетто, то в пространства, лишенные нормальной жизнедеятельности; возникновение или обострение таких аномальных явлений, как преступность; упадок моральных устоев; наркомания и т.д. и т.п.

В России, где около 40% всех предприятий считаются нежизнеспособными, масштабы и сегодняшних, и особенно завтрашних проблем в данной сфере на порядок шире и серьезнее, а игнорирование их чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

Но раз уж я заговорил о странах Запада, попытаюсь этот разговор продолжить. Там о деиндустриализации не только говорят, но и много делают для того, чтобы либо не допустить деградации соответствующих территорий и общностей, либо обратить этот процесс вспять. В свое время мне довелось воочию наблюдать, как этот вопрос решается в Великобритании, где проблема т.н. внутренних городов (inner cities) оказалась одной из

самых злободневных. Еще при «старых» лейбористах были созданы корпорации городского развития, налажено взаимодействие местных властей, бизнеса и общественности. И результат не заставил себя ждать. Достаточно почитать, что писали и говорили о лондонском Ист-энде два-три десятка лет назад и сравнить с тем, как он выглядит сейчас. Кстати, после прихода к власти правительства М. Тэтчер эта стратегия была продолжена.

Более современный подход демонстрируют США. Недавно я прочел книгу под редакцией профессора Осборна «Публично-частное партнерство», в которой в одной из глав подробно рассказывается, как механизм ПЧП был использован в деле обновления экономической и социальной инфраструктуры в г. Питтсбурге – бывшем центре американской сталелитейной промышленности. После того, как предприятия этой отрасли либо закрылись, либо пришли в упадок, и город лишился ключевого звена своей экономики, он стал быстро превращаться в средоточие острейших социальных и морально-этических проблем. Для глубокой реконструкции городского хозяйства и социальной инфраструктуры на базе современных технологий и был использован механизм публично-частного партнерства. Я специально не говорю о государственно-частном партнерстве, как у нас обычно переводят термин “public-private partnership”, ибо это, по сути дела, очень разные вещи. Если ГЧП – это двухсторонне партнерство бизнеса и государства, то ПЧП – это во многих случаях трехстороннее взаимодействие бизнеса, государства и некоммерческих организаций гражданского общества. Да и само государство выступает здесь как публичный институт, который, как правило, действует лишь как одна из сторон равноправного, основанного на партнерских началах взаимодействия.

В случае, о котором я начал говорить, были созданы соответствующие автономные структуры – корпорации, которые и взяли на себя решение вопросов и планирования, и финансирования, и непосредственного руководства и организации работ по реализации сверхзадачи, о которой я только что говорил. И решили ее, судя по упомянутой публикации, весьма успешно.

Приведенный пример – лишь иллюстрация той промышленной политики и публично-частного партнерства как механизма ее реализации, благодаря которой проблемы деиндустриализации в странах Запада находят — пусть далеко не всегда и не сразу — свое решение. Мы же предпочитаем эту острейшую для нашей страны и для общества проблему либо не замечать, либо не придавать ей сколько-нибудь серьезного значения. Больше того, в ряде случаев процесс старения целых отраслей — и, в том числе вполне жизнеспособных, — рассматривается едва ли не как благо, а о его последствиях предпочитают не задумываться…Попытаюсь проиллюстрировать только что сказанное конкретным примером. Буквально два дня назад мой соавтор по книге «Корпоративное гражданство» Ирина Семененко вернулась из научной командировки в Пермь, где мы в течение уже ряда лет проводим наши исследования. «Новость», которую она привезла, заключается в том, что губернатор края и краевая администрация стремятся превратить Пермь в своего рода «сервисный центр». Это вызывает заметное недовольство в бизнес-сообществе, большая часть которого не хочет, чтобы в этом

промышленно развитом (по российским меркам) регионе был сделан упор на развитие сферы услуг, и не считает, что именно в этом, якобы, и должен заключаться процесс обновления региональной экономики. Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять, какие последствия такая переориентация может иметь для социально-экономической ситуации в городе и регионе.

И еще один пример из того же региона. Где-то полтора года назад, в рамках реализации проекта гражданской экспертизы, в Чернушинском районе области было проведено совещание с участием представителей местной власти, организаций гражданского общества и компании Лукойл-Пермь, на котором обсуждался вопрос о перспективах района в связи с истощением запасов нефти и, соответственно сворачиванием ее добычи. Пока компания добывала и добывает там нефть, она немало делала и делает для поддержания социальной инфраструктуры в районе, занимается благотворительной деятельностью. Однако что станет с районом и его населением — в том числе экономически активным, — когда компания уйдет из него? На предложения о том, что она должна (естественно, совместно с властью и общественностью) заранее обеспокоиться развитием альтернативных производств и, в частности малого бизнеса, а не оставлять после себя своего рода экономический вакуум, представитель компании ничего внятного не сказал, и вопрос так и повис в воздухе.

Приведенные примеры – лишь бледная иллюстрация тех кардинальной важности проблем, встающих перед государством и обществом в связи со структурной перестройкой экономики, которую предстоит осуществить и которая отнюдь не ограничивается лишь развитием «приоритетных отраслей». Но для того, чтобы время нас не застало врасплох, нам следует решить, как и в каком направлении реализовывать нашу промышленную политику и как сделать так, чтобы механизмы государственно-частного партнерства обрели столь недостающее ему сейчас измерение публичности.

Если мы со всем этим определимся, наверняка и наша бюджетная политика станет в гораздо большей степени отвечать интересам общества, чем это имеет место сейчас.

НОВЫЕ КНИГИ

Перская В.В. **Экономическая идеология и внешнеэкономическая политика России.**
Москва, Издательство «Анкил», 2007

Монография посвящена рассмотрению роли экономической идеологии, положенной в основу концепции социально-экономического развития России в современности, и смене парадигмы внешнеэкономической политики страны в целях обретения устойчивого, динамичного развития и адекватного потенциалу России места в мировом хозяйстве. Исследуются вопросы эффективного государственного регулирования экономической стратегии России, а также зарубежный опыт реализации ВЭП как приоритетов национальной социально-экономической стратегии отдельных стран в условиях глобализации и взаимодействия на многосторонней основе в рамках ВТО.

Малкольм Гладуэлл **Переломный момент: как незначительные изменения приводят к глобальным переменам.**
Москва, Изд. дом «Вильямс», 2007

Книга посвящена механизмам возникновения и развития социальных эпидемий. Автор исследует феномены молвы, молодежной моды, преступности, эпидемий самоубийств и анализирует факторы, лежащие в их основе. Социальные эпидемии начинаются вследствие накопления незначительных изменений, каждое из которых в отдельности может быть проигнорировано, но вместе они приводят к переломному моменту — критической точке, с которой начинается неконтролируемое развитие событий. В работе сформулированы три правила эпидемий, выделены законы, ответственные за их развитие, а также описаны типажи личностей переломного момента, выступающие катализаторами масштабных социальных перемен.

Крепкий Л.М. **Регулирование экономических циклов**
Москва, Издательство «Экономика»

В книге рассмотрены теоретические проблемы и даны практические рекомендации по регулированию экономических циклов. В ней содержатся вопросы макроэкономического и микроэкономического регулирования экономических циклов по уровням управления функции и структура участников этого процесса, их взаимодействие и принятие решений. Идея книги состоит в использовании возможных мер по смягчению такого явления в обществе, как экономические циклы, которые затрагивают интересы каждого человека.

Индикативное планирование и проведение региональной политики. Под общ. ред. А.Б. Левинталя, и Ф.Ф. Пащенко
Москва, Издательство «Финансы и статистика»

На примере Хабаровского края рассматривается методология построения и функционирования системы индикативного планирования для программ развития региона. Описывается формализованные процедуры, применяемые при разработке и реализации индикативных планов: расчет равновесных (сбалансированных) параметров экономического развития региона, комплексное оценивание объектов планирования (проектов, мероприятий, программ), расчет сценарных прогнозов экономической динамики региона.
.